

БЕЛАЯ АРМИЯ
БЕЛОЕ ДЕЛО

ИСТОРИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
А Л Ь М А Н А Х

№ 6

ЕКАТЕРИНБУРГ

99

**Редакция выражает искреннюю признательность
за понимание и поддержку**
Апраксиной Марии Николаевне (Бельгия),
Романцеву Геннадию Михайловичу,
Ильшеву Анатолию Михайловичу.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БЕЛАЯ РОССИЯ»

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№6

ЕКАТЕРИНБУРГ

1999

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе предпринимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Специальный раздел альманаха посвящен раскрытию малоизученных страниц белоэмиграции. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

© НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
© Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 1999
© Сакнынь Ю.П. Оформление. 1995

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Почти десять лет прошло с того времени, когда демократические перемены, начавшиеся в стране, непосредственно затронули запретные прежде исторические темы, включая проблему изучения Белого движения. Приоткрылись двери спецхранов архивов и библиотек, открылся доступ к документам органов госбезопасности, смелее стали ставить научные задачи и вести поиск исследователи. За прошедшие годы сделано не так уж и мало. Об этом свидетельствует совсем недавно вышедшая в свет монография Г.А.Бордюгова, А.И.Ушакова, В.Ю.Чуракова «Белое дело: идеология, основы, режимы власти». На трехстах двадцати страницах книги московские историки дают развернутый историографический обзор проделанной работы. Не остался без внимания и наш скромный вклад в общее дело.

Однако несмотря на происшедшие к лучшему изменения, в изучении и освещении проблемы истории Белого движения ставить точку пока слишком рано. По-прежнему появляются «исторические» труды, в которых вычеркивается либо грубо искажается память о меньшевистской России. По-прежнему в анализ событий Гражданской войны приносятся элементы политиканта и идеологической конъюнктуры. В довершение к сказанному, из-за финансового кризиса, поразившего учебные и научные подразделения страны, историки практически полностью лишены возможности выезжать в исследовательские командировки, посещать научные собрания для непосредственного общения друг с другом.

Поэтому одним из направлений работы НИЦ «Белая Россия» остается сближение специалистов и просто любителей истории, работающих по теме, предоставление им возможности для публикации материалов своих исследований и ознакомления с трудами единомышленников. Мы живо ощущаем такую потребность, растущий интерес к нашей деятельности, получая десятки почтовых отправок. В них Вы, уважаемые читатели, ставите вопросы, высказываете пожелания, поправяете нас. Редакция искренне благодарна всем корреспондентам. Мы высоко ценим Ваши советы и по мере сил стараемся учитывать их в работе.

Настоящий номер создан усилиями большого коллектива авторов. Они проживают в различных регионах нашей необъятной России от Балтики до Тихого океана. Столь же разнообразен и спектр представленных ими тем. Публикуемые материалы рассказывают о предыстории Белого движения (военно-патриотических организациях 1917 г.), летних 1918 г. боях за Екатеринбург, Донской государственности 1919 г. и экономической политике Белого Временного Приамурского правительства.

В получившей развитие рубрике «На службе Родине» представлены страницы из жизни и деятельности известных и практически забытых участников Белого движения: военного летчика Е.В.Руднева, генерала К.П.Полидорова, полковника Г.Ф.Радомана, подполковника Б.Ф.Ушакова, вождей белоказаков Сибирского войска, генералов П.П.Иванова-Ринова и Ф.Л.Глебова, полковника Е.П.Березовского.

Благодаря усилиям С.В.Дрокова, В.Ф.Ершова и Г.В.Михеевой получили вторую жизнь впервые публикуемые в печати архивные материалы с персональными характеристиками министров правительства А.В.Колчака, сведениями о белых листовках, об обществах и союзах Российской военной эмиграции. Окунуться в атмосферу Гражданской войны помогают также впервые переведенные на русский язык страницы из «Русского дневника» члена Французской военной миссии в России П.Паскаля.

С целью более полного освещения различных сторон Белого движения редакция открывает на страницах альманаха еще одну новую рубрику «Знаки и символы», в которой будет публиковать самые разнообразные материалы, посвященные как военной, так и гражданской символике (наградам, различной атрибутике, денежным знакам и т.п.). Первая статья из задуманной серии рассказывает о неизвестном широкому кругу читателей ордене «Освобождение Сибири», введенном в июле 1919 г. и сохранившемся до настоящего времени, видимо, в единственном экземпляре в Русском музее Санкт-Петербурга.

И еще одна характерная черта номера. Как никогда прежде на его страницах представлено много новых авторов. К сожалению, мы не сможем перечислить имена всех - это заняло бы слишком много места, но НИЦ «Белая Россия» и редакция альманаха рады установлению связей, искренне поздравляют с успешным дебютом и выражают надежду на последующее плодотворное сотрудничество.

Уважаемые читатели! С целью сохранения издания и периодичности его выхода в свет мы продолжаем работу по созданию «Общественного фонда альманаха «Белая армия. Белое дело». Свои добровольные пожертвования Вы можете направлять почтовым переводом по нижеуказанному адресу. Позднее мы опубликуем номер специального банковского счета. Редакция заранее благодарит наших добрых друзей-единомышленников и гарантирует опубликование на страницах альманаха Ваших славных фамилий. Восстановим вместе имена Героев Белого Дела!

В заключение позвольте пригласить всех, готовых к сотрудничеству с нами, коллег и читателей выступить со своими исследованиями на страницах будущих номеров альманаха. Требования к предлагаемым к опубликованию работам остаются прежними: наличие печатного текста в одном-двух экземплярах, его литературного изложения, иллюстраций, файла на дискете 3,5 дюйма в редакторе Microsoft Word 7,0 для Windows 95.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать пожертвования и заявки на номера альманаха и публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу.

Мы искренне рады новой возможности общения с Вами, дорогие читатели, и смеем надеяться, что и для Вас оно принесет несколько приятных минут.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Абинякин Р.М.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ 1917 ГОДА: К ПРЕДЫСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Восстанавливая последовательность нарастания оппозиционной активности части офицерского корпуса Русской армии в 1917 г., исследователи до сего времени чрезвычайно поверхностно изучали его организационную сторону. Выхватывание отдельных, связанных с узкой конкретной проблемой (почти исключительно с Корниловским выступлением), далеко не всех окологоворщических обществ не позволяло увидеть совокупность объединения военных кругов. Однако только хотя бы относительно упорядоченная их структура была реальной предпосылкой подготовки и группировки кадров Белого движения, и прежде всего Добровольческой армии.

Имеющиеся источники позволяют, разумеется не в окончательной мере, проследить деятельность как известных и легальных, так и негласных организаций. Возникая в большом количестве, они разнились и в частности, и в более существенных аспектах (ориентации, методах, контингенте и т.д.), что затрудняет их классификацию. В качестве ее критерия целесообразно использовать приверженность одному из двух бесспорных лидеров - генералов-организаторов М.В.Алексееву или Л.Г.Корнилову.

Ушедший с поста военного министра А.И.Гучков решил впредь искать поддержку не в быстро разлагавшихся тыловых гарнизонах, а среди «здоровых» в морально-дисциплинарном смысле фронтовых сил. Для широкой организационной работы требовались средства, которые могли дать только финансовые круги. Незадолго, в том же апреле 1917 г., по инициативе директора Русско-Азиатского банка А.И.Путилова возникло «Общество экономического развития России», первоначальной целью которого был сбор денег на поддержку избирательной кампании в Учредительное Собрание «умеренно-буржуазных элементов» и не более. Но отставной военный министр, продолжавший оставаться председателем Центрального военно-промышленного комитета (его членом был и А.И.Путилов), вошел в руководство общества. Под влиянием А.И.Гучкова, обошедшего этот факт весьма красноречивым молчанием¹, сразу же произошла смена приоритетов: теперь все суммы предназначались для ведения антипораженческой, патриотической пропаганды на фронтах, а в перспективе - на установление сильной единоличной власти.

Финансисты стремились добиться устойчивости, надежности внутреннего положения государства, необходимого для успешной деловой активности. Военные желали того же из стратегических соображений. Таким образом, последние являлись равноправными союзниками деловых кругов, в них сильно заинтересованных. Ставка была сделана на Л.Г.Корнилова. В создавшемся положении генерал стал не пешкой, а фигурой большой политики.

В мае на квартире подчиненного Путилова, Ф.А.Липского, зародился «Республиканский центр», почти тождественный «Обществу экономического развития России», начавший «субсидирование многочисленных военно-патриотических организаций, возникших в Петрограде»². На первом заседании присутствовал и Л.Г.Корнилов, отбывший затем на Юго-Западный фронт.

После событий 3-5 июля в столице и катастрофы германского контрудара и генералы, и деятели «Республиканского центра» окончательно убедились в политическом бессилии Временного правительства. Образовавшиеся ранее офицерские группы начали разработку конкретных планов подчинения войск Петрограда и установления диктатуры. А.Ф.Керенский, безусловно умышленно раздувавший шумиху вокруг «заговора», писал об их намерении захвата всех броневиков гарнизона, ареста министров, совета и едва ли не ликвидации отдельных деятелей исполкома. Действительно, в апреле появилась тайная офицерская ячейка, созданная по замыслу и при участии генерал-майора П.Н.Врангеля, опиравшегося преимущественно на старые

связи и контактировавшего с графом А.П.Паленом, а также с гвардейским офицером графом И.П.Шуваловым³. Второй как раз и вошел в «Республиканский центр», а вскоре оказался зачисленным в ординарцы к Л.Г.Корнилову, став у генерала связным со столицей. Граф А.П.Пален возглавил организацию.

Наличие гвардейских офицеров среди заговорщиков (полковники Ф.В.Винберг, князь А.А.Голицын, адъютант Корнилова, и другие) приводило к повышению враждебности относительно «господ временных» и ориентации на диктатуру как прообраз монархии. Однако после неудачи августовского выступления Л.Г.Корнилов стал неприязненно относиться к гвардейцам, считая сотрудничество с ними и монархистами вообще ошибкой.

Заговорщики понимали свою беспомощность перед столичным гарнизоном даже в случае удачи переворота. Поэтому они вышли на связь с генерал-лейтенантом А.И.Крымовым, еще весной предлагавшим «расчистить» Петроград фронтовыми частями. Такая перспектива вселяла определенные надежды⁴. Но в июле похода не произошло. Можно предполагать несогласие Л.Г.Корнилова с такой развязкой, так как он фактически оказывался лицом к лицу с соперником. Другими причинами были невозможность самочинного перемещения 3 конного корпуса (оставшийся еще на посту Верховного Главнокомандующего А.А.Брусилов считался «ненадежным») и не информировался о планах), отсутствие предлогов для этого действия, малочисленность иных надежных войск и так далее.

Наиболее широкой и легальной формой сплочения сил стала добровольческая кампания. Организация ударных батальонов осуществлялась созданным 13 июня Всероссийским комитетом для вербовки добровольцев, переименованным 5 августа в Центральный комитет по организации Добровольческой Революционной армии⁵. Главными его достоинствами, по сравнению со столичными группами, являлись легальность, массовость, демонстративная опора на поддержку офицерства и централизованность. В итоге многочисленные мелкие и мельчайшие общества с громкими названиями, разбросанные по стране, постепенно присоединялись к комитету. Цели «внутреннего» применения ударников, разумеется, не афишировались, но подразумевались: мало кто из добровольцев заблуждался на сей счет.

В Москве еще весной возник «Союз бежавших из плена», бывший вначале чисто солдатской организацией. Руководил Союзом комитет из 12 человек, помещавшийся на Скобелевской площади, в номере 253 гостиницы «Дрезден». Благотворительный отдел Союза 1 июня возглавила сестра милосердия М.А.Нестерович, отпущенная из плена по состоянию здоровья. Если прежде Союз представлял собой что-то вроде координационного центра для помощи пленным и устроителя бежавших, то Нестерович первой заметила патриотическую активность, «надежность» солдат и возможность их «использовать в критическую для государства минуту»⁶. Поэтому ранее никому даже в Москве не известное объединение бывших пленных стало заявлять о себе. За июнь-начало августа Союз разросся в значительную военную организацию, насчитывавшую около 27 тыс. солдат, 37 офицеров и двух генералов - Л.Г.Корнилова и Осташева (?). Председателем был некто Крылов. Быстро сформировалась вооруженная команда в 300 штыков, получившая белое знамя с изображением тернового венца и Георгиевских лент (что сходно с последующей символикой ряда знаков Добровольческой и других Белых армий). Стараниями той же М.А.Нестерович Союз добился пожертвований от представителей деловых кругов Н.Н.Второва и А.А.Понизовского на общую сумму 50 тыс. рублей.

Занятый в большей степени фронтовыми и столичными организациями, Л.Г.Корнилов вошел в контакт с Москвой, причем центром связи стал именно «Союз бежавших из плена». Накануне Государственного совещания в его комитет специально приезжал адъютант Главковерха князь А.А.Голицын, после чего в течение двух дней члены Союза оповещали «все организации и юнкерские училища», как писала М.А.Нестерович, об ожидающемся прибытии Корнилова. Следующий гонец вообще объявил о возможном аресте совещания, причем не уточняя, кем именно. При этом в боевую готовность приводилась не только воинская команда Союза, но и более многочисленные офицерские круги⁷. Первое впечатление от повествования с М.А.Нестерович - это вполне оправданное стремление пышно встретить своего «генерала на белом коне» и обеспечить его безопасность. Однако недоговоренности и многократные подчеркивания «надежности» и «готовности» позволяют предположить как минимум производившуюся Л.Г.Корниловым проверку сил, не исключая как максимум и наличия наметок военного переворота непосредственно в Москве. В пользу последнего говорит и реальная заманчивая возможность взять под контроль всех политиков, прибывших на совещание, и нейтрализовать их. Отказ от действий произошел, вероятно, из-за нежелания восстанавливать против себя все политические силы России.

После Государственного совещания, падения Риги и общего ухудшения положения на фронтах (при игнорировании правительством мер, предложенных генералитетом) Главковерх утвердился во мнении о жизненной необходимости диктатуры. О полной поддержке Л.Г.Корнилова заявляли многие военные союзы: «Союз Чести Родины», «Союз спасения Родины», «Военная Лига Личного Примера», «Общество 1914 г.», «Союз воинского долга» (все - в Петрограде), «Союз «Вперед за Родину!» (в Ялте) и другие⁸. Поэтому, возникший еще 11 августа, новый план переброски 3 конного корпуса к столице начал выполняться. Поступавшие в Ставку и заслуживавшие доверия сведения прогнозировали вооруженное выступление большевизированного гарнизона 28-29 августа или 2-3 сентября. Это-то доверие и сыграло роковую роль.

Л.Г.Корнилов не сомневался, что А.И.Крымов конечно может «перевешать весь состав совета», но и внутри столицы требовались точки опоры. Во второй половине августа тайный штаб Главковерха (генерал-майор И.П.Романовский, Генерального штаба полковник Д.А.Лебедев, и капитан В.Е.Роженко, князь А.А.Голицын и прапорщик Завойко) с согласия товарища военного министра Б.В.Савинкова направил штабам всех фронтов инструкцию о командировании в Ставку офицеров для обучения работе с новыми образцами иностранных бомбометов и пулеметов. Уже к 25 августа прибыло, по ряду данных, свыше трех тысяч офицеров⁹, что доказывает предварительную осведомленность штабов о предстоящем вызове. С одной стороны, сообщение истинной цели командировок происходило в личном докладе командующим фронтами специальных офицеров-курьеров (все - лейб-гвардии Уланского Его Величества полка); с другой, капитан В.Е.Роженко, встречавший прибывавших на вокзале Могилева, явно нарушая конспирацию, запросто называл численность вызванных. Офицерские группы тотчас переправлялись в столицу, где еще раньше появился негласный «Союз добровольцев народной обороны»¹⁰ во главе с полковниками В.И.Сидориным и Дюсиметьером (из Республиканского центра).

В Москве «Союз бежавших из плена» связался со многими офицерами, лечившимися в госпиталях. Муссировалась идея формирования дивизии из бывших пленных, которое А.Ф.Керенский, недовольный торжественной встречей Л.Г.Корнилова в дни Государственного совещания, запретил. Тем самым создавался противовес войскам Московского округа, подчиненного верному стороннику министра-председателя полковнику А.И.Верховскому. Пользуясь преобладанием в Союзе солдат и потому не возбуждая подозрений, один из нижних чинов стал членом местного совета и, посещая все заседания, подробнее информировал обо всех планах и решениях.

Л.Г.Корнилов чувствовал мощную моральную и рассчитывал на реальную поддержку крупных легальных военных организаций. Экстренное заседание совета «Союза казачьих войск» 6 августа отметило невозможность его смены на посту Верховного Главнокомандующего. В противном случае совет снимал «с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу». К данному заявлению, по сути очень близкому ультиматуму-предупреждению, 7 августа единогласно присоединилась конференция «Союза Георгиевских кавалеров», обещая бросить «боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с казачеством»¹¹. В это время формировались Георгиевские полки и батальоны, и угроза не была беспочвенной. Впрочем, они оказались верны правительству и враждебны корниловцам, в результате чего позднее, в Добровольческой армии, Л.Г.Корнилов поставил на них крест и воссоздать на разрешил.

Теперь обратимся к не столь яркой, но чрезвычайно крупной, поистине ключевой фигуре последующих событий - генералу М.В.Алексееву. Еще в свою бытность Главковерхом он организовал в мае в Ставке «Союз офицеров Армии и Флота», объединив массово и спонтанно возникавшие так называемые «офицерские комитеты» и преследуя цели не только представления интересов, но и сплочения для действий. Собранный вскоре в Могилеве Офицерский съезд декларировал собственную аполитичность, сосредотачиваясь на военно-дисциплинарных задачах и корпоративной защите офицерского корпуса от нападков и притеснений, неизбежных при тогдашних способах «демократизации» армии. Съезд ни единым постановлением не выразил враждебности Временной власти, но резко критиковал ее военную политику. А.Ф.Керенский, верный свободе при всем желании не мог запретить Союз офицеров, вследствие чего объединение оказалось легальным. Однако личность М.В.Алексеева не раз вызывала недовольство, и военный министр добился смещения Главковерха. Этот шаг стал серьезной ошибкой правительства: к государственным соображениям присоединились личные мотивы перехода М.В.Алексеева в оппозицию.

Между тем Союз офицеров превратился в самую крупную военную организацию. Чувствуя потребность в сплочении, фронтовое офицерство записывалось в него почти поголовно. Союз состоял из отделений «в штабах армий, корпусов, дивизий и в каждой отдельной части», а также в округах¹². Центральным органом стал Главный комитет в Могилеве. Двенадцать чинов комите-

та не принадлежали к старшему офицерству, будучи в чинах от поручика до подполковника. Некоторое игнорирование генералитета, вероятно, являлось тактическим ходом - дистанцированием от «старого режима». Упомянувшиеся полковник В.И.Сидорин и капитан В.Е.Роженко входили в руководство Союза.

Наличие серьезной силы, соединясь с острым недовольством правительством, толкнуло М.В.Алексеева, по утверждению А.Ф.Керенского, к началу обширного заговора¹³. Разумеется военный министр выстраивал свою версию, нередко намеренно искажая факты и выводы из них. Но данное заявление скорее выбивается из его схемы и подтверждается обстановкой тех дней. Не случайно новый Главковерх А.А.Брусилов, креатура Керенского, не посвящался в детали работы Главного комитета. Параллельно с официальной линией отделов и подотделов налаживалась негласная связь с войсками через созданные в каждой дивизии «пятерки», состоявшие из представителей полков - по одному от каждого¹⁴. Возможно такая же система существовала на уровне корпусов и армий, усиливая как централизацию, так и конспирацию.

В противоположность Л.Г.Корнилову, не «вождь», а «организатор» и, признанный современниками, крупный стратег¹⁵, М.В.Алексеев скрыто, но последовательно метил в диктаторы и сделал на это серьезную заявку. После назначения Главковерхом Л.Г.Корнилова Союз офицеров начал сотрудничество с ним. Уже в первой половине августа появились аналогичные казачьим и георгиевским, превосходящие их по остроте, заявления центрального органа и подотделов Союза, угрожавшие, что корниловские «требования, направленные к оздоровлению армии, мы будем отстаивать хотя бы нашей кровью»¹⁶. Заметим, что все эти воззвания достигли совершенно противоположных результатов: власть была напугана возможностью переворота и главного врага увидела в Л.Г.Корнилове. Более прямой и резкий генерал, начиная подготовку выступления в темпе кавалерийской атаки, включил в тайный штаб, как отмечалось, активистов Главного комитета. Получив в руки хорошо отлаженную организацию, Л.Г.Корнилов использовал ее в техническом плане, в частности, при вызове офицеров на «бомбометные курсы». Полковники Д.А.Лебедев и В.И.Сидорин прибыли в Петроград и вошли в «Общество самообороны» графа А.П.Палена. «Общество экономического возрождения России» и «Республиканский центр» совместно выделили Главковерху от трехсот до пятисот тысяч рублей.

Исследования, в том числе и современные, имеют крупный недостаток: сосредотачивая внимание на Л.Г.Корнилове, выпускают из поля зрения М.В.Алексеева или не видят их взаимоотношений. Между тем пути двух кандидатов в диктаторы не могли не пересечься.

Бесспорно, М.В.Алексеева беспокоил рост корниловской популярности и активности как в целом, так и особенно в среде своего дитища - Союза офицеров. Использование Главковерхом Союза давало шансы на победу и одновременно означало крах алексеевских расчетов на собственную диктатуру. Вспомним, что Алексеев неприязненно относился к генералу, меньше чем за год взлетевшему от командира корпуса от Верховного Главнокомандующего и получения ордена Св.Георгия 3 степ. В марте М.В.Алексеев сильно противодействовал назначению Л.Г.Корнилова командующим Петроградским округом. В апреле он угрожал отставкой в ответ на намечавшееся выдвижение соперника на пост командующего Северным фронтом, соглашаясь выделить лишь номерную армию.

Несколько необычной, но логичной, непротиворечивой и частично подтвержденной источниками версией будет следующая. Информация о готовящемся в конце августа большевистском восстании поступала к Л.Г.Корнилову от В.И.Сидорина, который при этом продолжал встречи и консультации с М.В.Алексеевым. Но в действительности восстание в тот момент еще не назрело, иначе заговорщики не планировали бы провокацию «уличного бунта» людьми Сидорина же¹⁷ (утверждение А.Ф.Керенского о поддержке Алексеевым Главковерха противоречит его же словам о том, что они были главными соперниками). Принимая тезис о ложности сообщения группы В.И.Сидорина, предположим умышленную дезинформацию с подачи М.В.Алексеева. Присоединение внутренней угрозы к кризису фронтов провоцировало Л.Г.Корнилова на выступление. И тот же Алексеев, узнав о получении из Ставки приказа о начале «выполнения инструкций», приказал (!) Сидорину не исполнять его и даже угрожал в противном случае самоубийством¹⁸. Бездействие петроградской группы, сохранившее порядок в столице, оставило правительству одного противника - Л.Г.Корнилова - и опровергло его заявления о большевистской опасности.

Одновременно М.В.Алексеев обратился к уже выступившему на столицу А.И.Крымову с сообщением полностью противоположного содержания - о стабильности обстановки в Петрограде, прося «остановить войска и самому немедленно прибыть в Петроград»¹⁹. И произошло невероятное: Крымов, никоим образом не подчиненный «военному советнику Временного правительства», неожиданно преступил приказ прямого начальника - Главковерха - и подчинил-

ся полученной «просьбе». Странник «жесток расчистки» загадочно впал в бездействие.

Необъяснимое, казалось бы, поведение А.И.Крымова возможно понять, вспомнив лишь о его соперничестве с Л.Г.Корниловым. Крымовский поход на столицу, предполагавшийся еще в конце весны, не встретил тогда никакой поддержки со стороны последнего, и заработал принцип «соперник моего соперника - мой союзник». Кроме того, данный нюанс доказывает сильный параллельный заговорщический авторитет М.В.Алексеева. Его «просьба» в сочетании с пропагандой советов в войсках, фактически брошенных командиром корпуса (что облегчило агитацию), принесла победу правительству, сделав закономерным корниловское поражение. По сути, выдав, «подставив», спровоцировав соперника, М.В.Алексеев избавился от конкуренции. А бороться ему было за что.

Именно М.В.Алексееву еще 28 августа П.Н. Милуков предложил кресло премьера²⁰, что при воплощении в жизнь означало полную победу генерала - реальную диктатуру, и главное, с некоторой видимостью преемственности. Но А.Ф.Керенский, чувствовавший себя триумфатором, не собирался уступать власть. Г.З.Иоффе, не ссылаясь на источник, утверждает о предложении министра-председателя Алексееву Верховного Главнокомандования (видимо, как куш за посредничество со Ставкой). Однако встреча генерала с Керенским 30 августа произошла при единственном свидетеле - В.В.Вырубова, не оставившим воспоминаний. Сам А.Ф.Керенский писал о намерении предложить пост Главноверха, но странным образом умолчал о самом факте такого предложения. В итоге, после «бурной вспышки эмоций», М.В.Алексеев принял лишь должность наштаверха²¹.

Объяснить негодование генерала довольно легко. Получив за день до визита Керенского гарантии своего премьерства, он неожиданно для себя увидел гораздо меньшие результаты и перспективы, поняв ошибку в расчетах. Согласие же стать начальником штаба «главноуговаривающего» диктовалось только стремлением сохранить кадры тайных организаций и бывшего конкурента как потенциального союзника, представ его спасителем. Ничтожность Временного правительства была признана окончательно. 5 сентября М.В.Алексеев подал в отставку.

Союз офицеров был распущен. Активисты выступления из Главного комитета оказались под арестом вместе с Л.Г.Корниловым, а многие участники столичной группы В.И.Сидорина и графа А.П.Палена некоторое время скрывались. Превратившись юридически в частное лицо, М.В.Алексеев внешне перестал внушать опасения правительству. Маневр удался: генерал продолжил широкую заговорщическую деятельность. Лишившись официального прикрытия в виде Союза офицеров, но сохранив кадры, организация изменила форму. На ее базе возникали небольшие доверительные группы, например, «Союз реальной помощи», «Орден романовцев», «Черная точка» и другие (причем не исключено дублирование названий для одних и тех же сообществ).

Несколько подробнее известно о группе «Белый Крест» (возможно, судя по названию, связанной с «Союзом Георгиевских кавалеров»). Первое упоминание о ней относится к 12 октября. Следовательно, не исключено, что образовалась группа раньше. «Белый Крест» начал объединение офицеров в централизованную структуру по принципу тех же «пятерок», возглавлявшихся, по словам Алексеева, «наиболее твердыми, прочными, надежными и деятельными руководителями»²².

Отсутствуя до 16 октября в столице, М.В.Алексеев не прекращал подготовку сил. Считая южнорусские казачьи области запасной базой движения, он еще в начале месяца приватным

Алексеев Николай Михайлович (? - 1960). В 1917 г. штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, активист тайных офицерских организаций, одним из первых прибывший в Добровольческую армию, формировавшуюся отцом. Полковник (1920). Эмигрант.
Фото до 1912 г.

образом добился отправки Главным артиллерийским управлением 10 000 винтовок из Петрограда и 12 800 винтовок из Москвы в Новочеркасск²³. Несмотря на то, что, как выяснилось позже, оружие было задержано и изъято, цифры позволяют определить ориентировочную численность организаций, составлявшую в целом никак не менее 20 тыс. человек.

В столице центром группировки стала тайная и довольно крупная группа «Русское собрание», возглавленная решительным монархистом В.М. Пуришкевичем и через него руководимая М.В.Алексеевым. Она явилась филиалом легального общества «Русская Государственная Карта», и их взаимосвязь осуществлялась редактором «Исторического вестника», неким Глинским. В октябре стараниями группы петроградские гостиницы, общежития и лазареты переполнились офицерами. Одни прибыли еще в преддверии выступления Л.Г.Корнилова, другие под разными предлогами вызывались с фронтов после него или задерживались после окончания лечения от ранений. К 20 октября количество «неприкаянных» офицеров достигло 15 000 человек. По крайней мере, треть из них вошла в нелегальную «Объединенную офицерскую организацию». Внутри военных училищ образовывались группы, контактировавшие с В.М.Пуришкевичем. Наибольшую активность проявляли юнкера Константиновского артиллерийского училища, один из которых, Н.Мино, регулярно посещал все тайные собрания и был связным с руководителями «Русского собрания»²⁴.

Концентрация офицерских кадров требовала маскировки. Для этого глава Объединенной организации, лейб-гвардии Преображенского полка полковник П.А.Веденяпин, вошел в состав медико-санитарного общества по борьбе с туберкулезом «Капля молока», превратив его («и в питательный пункт, и в нелегальное «управление этапного коменданта»²⁵. За безобидной ширмой начал действовать перевалочный штаб. Через торгово-промышленные круги готовился пуск бездействовавших заводов для размещения там офицеров под видом рабочих. Большая работа по временному устройству офицеров происходила и из-за того, что собственно петроградские кадры, например, училищные воспитатели и командный состав запасных батальонов и полков, предпочитали избегать «авантюры». Так, из сорока курсовых офицеров Константиновского и Михайловского училищ активность проявили лишь двое - капитаны Менжинский и Н.А.Шаколи²⁶.

В то же время в Офицерской организации первую скрипку играли гвардейцы: штабс-ротмистр Н.де Бодэ (начальник ее штаба), измайловец штабс-капитан В.Д.Парфенов (на квартире которого, по ряду свидетельств, проходили собрания), памятный своим участием в «Республиканском центре» полковник Ф.В.Винберг, лейб-кирасир и добровольный адъютант Алексеева ротмистр А.Г.Шапрон дю Ларрэ и другие. Несомненно они стремились не столько к объединению как таковому, сколько к яркому монархизму и самого В.М.Пуришкевича, и всей ориентации организации, совершенно отличавшейся от «революционно-февральских» союзов корниловского направления. Фигура М.В.Алексеева - начальника штаба императора - тоже привлекала симпатии офицеров гвардии. Отметим все же крайне далекую от восторженной, алексеевскую оценку монархии, о которой генерал однажды сказал: «Я против ... потому, что слишком хорошо знаю ее»²⁷. Так ко второй половине октября оформилась Алексеевская организация в Петрограде. Прежде ее возникновение ошибочно и крайне упрямо датировали ноябрем, то есть только после прибытия генерала на Дон.

Через В.М.Пуришкевича М.В.Алексеев вел координационную переписку с атаманом Войска Донского генерал-лейтенантом А.М.Калединым, который допускал казачий поход на обе столицы. Однако Алексеев и верхушка Офицерской организации склонялись к переброске собранных кадров на Дон, считая казаков надежными союзниками. Высказывалась мысль о многократном превосходстве столичного гарнизона, делавшем открытую вооруженную борьбу в Петрограде заранее обреченной (бои 27-30 октября, с учетом чисто технических недоработок, веское тому подтверждение). Но, думается, главной причиной плана М.В.Алексеева и гвардейского ядра организации стало «нежелание спасать опостылевшее им Временное правительство»²⁸. Такое решение, базируясь на чисто эмоциональных мотивах, явилось первой, хотя и не первостепенной, предпосылкой поражения Белого движения, которую исследователи оставили без внимания. Действительно, блокируясь с бессильным и презираемым, но имевшим признание на международном уровне правительством, генералы могли рассчитывать на более равноправные контакты с союзными державами и гарантированную взаимовыгодную помощь извне.

Отправка добровольцев на Дон планировалась под видом казаков, возвращавшихся домой после окончания столичных курсов пропаганды. Заготавливалось обмундирование. Веденяпинцы взаимодействовали с комитетом «Союза казачьих войск», выдававшим соответствующие бумаги. Содействие оказывало и Главное комендантское управление²⁹. Было заметно стремление М.В.Алексеева к присоединению остававшихся военно-политических союзов. С 12 сентября

он добивался освобождения своих бывших сотрудников - чинов главного комитета Союза офицеров - и тонко шантажировал финансистов, требуя материальной поддержки и обещая в случае отказа, что быховские узники разоблачат их. Последнее косвенно доказывает налаживание контактов с Л.Г.Корниловым и прочими арестованными.

В Москве после неудачи Корнилова, 5 сентября, «Союз бежавших из плена» провел расширенное заседание, собравшее не только членов местного комитета и его петроградского отделения, но и многих офицеров, лечившихся в городских лазаретах. Было принято решение, как писала М.А.Нестерович, совершить «переворот, захватить власть и объявить диктатором генерала Корнилова»³⁰, для чего объединиться с «Союзом Георгиевских кавалеров». Руководителем намечали сделать представителя Георгиевского Союза в Москве генерала от кавалерии А.А.Брусилова. Председатель Крылов, М.А.Нестерович и хороший знакомый Брусилова капитан Бернасовский нанесли визит генералу. Тот ответил, что подобные предложения уже получал, но считает затею безумием и потому повторяет отказ. Конечно, талантливый тактик верно оценил положение. Не прошло и недели с формирования в Москве полковником Верховским карательных антикорниловских отрядов. Переворот был обречен. Очевидно имело место и нежелание А.А.Брусилова «таскать каштаны из огня» для Л.Г.Корнилова, сменившего его на посту Главковерха и выглядевшего конкурентом. Личные отношения и амбиции вновь повлияли разобщающе.

Потеряв вождя в лице Л.Г.Корнилова, московские организации сосредоточились на М.В.Алексееве, ориентируясь на цель, а не на личность руководителя. Он начал работу в Москве позже, чем в столице, через члена Центрального правления «Союза Георгиевских кавалеров» полковника Дорофеева (есть сведения именно о московском «адресе» группы «Белый Крест»). 20 октября «Союз бежавших из плена» запросил 3 000 винтовок и большое количество патронов для вооружения своей команды (насчитывавшей в августе, как мы помним, всего 300 человек), мотивируя потребностями конвоирования пленных на работы. Штаб округа отказал. Цифра позволяет установить примерную численность Алексеевской организации в Москве. Еще раз подчеркнем отсутствие урядовых ее чинов соперничества, свойственного генералам, что доказывает способность поступаться личными симпатиями во имя общего дела, проявлявшуюся затем в «непредрешенчестве» Добровольческой армии. Состав же простых участников отличался разношерстностью. Среди них находились ударники и офицеры 7 Ударного батальона, лейб-гвардии Конного полка поручик Д.П.Тучков, армейский прапорщик С.Я.Эфрон (муж М.И.Цветаевой, будущий марковец) и другие.

До 26 октября происходил самостоятельный сбор оружия, вплоть до пулеметов и орудий. О поддержке сил, объединенных «Союзом бежавших из плена», объявили военные училища и школы прапорщиков. Руководителями стали лейб-гвардии Преображенского полка полковник Н.К.Хованский 2-й, лейб-гвардии Литовского полка полковник И.К.Хованский 1-й (братья-князья), полковники Дорофеев и Матвеев. За связь с отдельными группами отвечал корнет Нелюбовский. После же поражения разрозненных юнкерско-офицерских восстаний в Петрограде и Москве, в жизненной необходимости «донского» варианта убедился М.В.Алексеев. Он покинул столицу 30 октября, а на день раньше из Москвы на Дон - уже «к генералу Алексееву» - с письмом-докладом и тремя тысячами рублей из кассы «Союза бежавших из плена» выехал его

Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович (1883-1947). В 1917 г. командир эскадрона лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, ротмистр. Активист Алексеевской организации. В Добровольческой армии с начала ее формирования. Зять Л.Г.Корнилова. Генерал-майор (1920). Эмигрант. *Фото 1919 г.*

эмигрант. Это говорит о согласованности действий московской и петроградской групп Алексеевской организации: отъезд и пункт назначения генерала были известны заранее...

Работа многочисленных военно-патриотических союзов завершалась. Их запрещение или самороспуск не означали разрушения системы офицерских организаций как таковой. Через мелкие, аморфные и наивные общества офицерство приобрело первый опыт самостоятельных действий и впервые соприкоснулось с политикой. В них начали проявляться те неоднородность и разобщенность, которые впоследствии были присущи в большей или меньшей степени всему Белому движению и стали одной из основных внутренних причин его поражения. Однако временная монополизация объединения антибольшевистского офицерства генералом М.В.Алексеевым благоприятствовала созданию на базе военно-политических организаций Добровольческой армии.

-
- ¹ Александр Иванович Гучков рассказывает: воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства.- М.,1993.-С.79.
- ² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары.- М.,1993.-С.253.
- ³ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 - ноябрь 1920).-М.-Л.,1991.-Кн.1.-С.30-31.
- ⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте.-С.352.
- ⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Оп.2.Д.351.Л.18.
- ⁶ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками: воспоминания.-Париж, 1931.-С.12.
- ⁷ Там же.-С.15,17-18.
- ⁸ См.: РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.351.Л.7; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.- Б/м, 1937.- Кн.2.-Ч.1.-С.136.
- ⁹ Лукомский А.С. Из воспоминаний//Архив русской революции.-Берлин,1922.-Т.5.-С.109; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте.-С.256; Головин Н.Н. Российская контрреволюция...-Кн.2.-Ч.1.-С.41.
- ¹⁰ Лукомский А.С. Из воспоминаний.-С.110.
- ¹¹ Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция...-Кн.2.-Ч.1.-С.19.
- ¹² Лукомский А.С. Из воспоминаний.-С.111.
- ¹³ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов.-М.,1995.С.76-77.
- ¹⁴ Оприц И.Н. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917-1920.-Париж,1939.-С.43.
- ¹⁵ РГВИА. Ф.69.Оп.1.Д.75.Л.27.
- ¹⁶ Там же. Л.137; Головин Н.Н. Российская контрреволюция...-Кн.2.-Ч.1.-С.19.
- ¹⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте.-С.268.
- ¹⁸ Там же.-С.268,270.
- ¹⁹ Лукомский А.С. Из воспоминаний.-С.122.
- ²⁰ Иоффе Г.З. Семнадцатый год...-С.142.
- ²¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте.-С.247.
- ²² Цит. по: Рутыч Н.Н. Генерал М.В.Алексеев - основатель Добровольческой армии//Рутыч Н.Н. Думская монархия: статьи разных лет.-СПб.,1993.-С.141.
- ²³ Головин Н.Н. Российская контрреволюция...-Кн.5.-Ч.2.-С.53.
- ²⁴ Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг.-Париж,1962-1964.-Кн.1.-С.21; Кн.2.-С.384.
- ²⁵ Там же.-Кн.1.-С.21-22.
- ²⁶ Вестник первоходника.-1962.-№9.-С.10-11.
- ²⁷ Цит. по: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте.-С.271.
- ²⁸ Иоффе Г.З. Семнадцатый год...-С.180.
- ²⁹ Ларионов В.А. Последние юнкера.-Франкфурт-на-Майне,1984.-С.27.
- ³⁰ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками.-С.23.
-

«ДАЕШЬ ЕКАТЕРИНБУРГ!»: ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ г.ЕКАТЕРИНБУРГА В АВГУСТЕ 1918 г.

Общая обстановка. Силы и планы сторон

В ночь на 25 июля 1918 г. под натиском чешских и белых войск красные оставили Екатеринбург. Отступив от города, войска Красной армии группировались в районах ст.Сарга, Уткинско-го и Верх-Нейвинского заводов, с.Мостовское и Режевского завода, как бы полумесяцем нависая над Екатеринбургом. Красное командование предпринимало усилия, чтобы из многочисленных разрозненных отрядов и направлений создать боеспособные полки и дивизии. Эта задача проводилась в жизнь с большой энергией и решимостью вплоть до применения самых жестоких мер, для чего при штабах дивизий создавались полевые военно-революционные трибуналы. 28 июля 1918 г. красный Северо-Урало-Сибирский фронт был переименован в 3 армию, а его войска сводились в три дивизии: Восточную со штабом в Егоршино, Среднюю со штабом в Нижнем Тагиле и Западную со штабом в Кунгуре. Отдельная бригада обороняла железную дорогу на Кын и Калино¹.

Наиболее боеспособной и организованной силой антибольшевистских войск на Среднем Урале в это время являлись чешские соединения под командованием полковника С.Н.Войцеховского. Они располагались: 1-я группа (2 и 3 пехотные полки, часть 6 пехотного полка и артиллерия) в районе ст.Кузино; 2-я группа (один батальон, тыловые подразделения и казачий полк) прикрывала Екатеринбург. В уральских уездах, освобожденных от советской власти, повсеместно формировались части Белой армии. Высокую активность демонстрировали казаки. 17 Оренбургский казачий полк полковника В.В.Кручинина 30 июля занял Пышму и Балтым на Верхотурском тракте и выдвинул передовое охранение к с.Большое Мостовское, прикрывая таким образом Екатеринбург с севера. 28-29 июля в Екатеринбурге началось формирование добровольческих рот, а с 6 августа на их базе стали разворачиваться полки 2 (будущей 7) Уральской дивизии горных стрелков генерал-майора В.В.Голицына². К востоку от города в районе Богданович-Камышлов в конце июля появились части Белого Западно-Сибирского отряда³.

Формирование Белой армии и организация власти на Урале проходили в условиях продолжающихся боевых действий. В начале августа группа чешских войск из района Кузино перешла в наступление, направляя главный удар по центру 3 Красной армии. Прорвав фронт Отдельной бригады в полосе железной дороги, чехи захватили Уткинский, а вслед за ним и Кыновский заводы. Батальон интернационалистов был окружен и почти весь уничтожен, оставив чехам бронепоезд и шесть паровозов. 6 Тукумский латышский полк самовольно ушел в Лысьву, не желая сражаться. Красные части Западной дивизии, находившиеся под ст.Сарга, вместо удара во фланг и тыл чехам также устремились назад. В журнале военных действий 3 армии отмечалось, что отряд моряков Булкина разложился и уходит в Петроград, а тыловые станции наводнены эшелонами отступающих частей⁴. К 4-5 августа деморализованные части Отдельной бригады оказались в районе Лысьвы и Калино⁵.

Дальнейшее наступление противника в направлении Калино грозило отсечением Восточной и Средней дивизий и угрожало Перми, где находился штаб армии. Чехи пытались повторить маневр июля 1918 г., когда наступая по Западно-Уральской ж.д. от Бердяуша на Нязепетровск и Кузино, они отрезали екатеринбургскую группу красных с запада, что и предрешило падение города. В своей работе о боях под Екатеринбургом Р.П.Эйдеман отмечал, что обстановка требовала принятия героических мер для срыва плана противника и перехвата инициативы⁶. Меры были приняты. Помимо срочной подачи резервов в район Калино реввоенсовет 3 армии приказом №60 от 5 августа 1918 г. потребовал от войск нанесения удара на Екатеринбург. Главный удар должна была нанести нависавшая над городом Средняя дивизия Р.П.Эйдемана, наступая на юг двумя бригадами: одной, вдоль Верхотурского тракта, а другой, по Горнозаводской ж.д., причем правый боковой авангард последней должен был захватить Билимбаевский завод с целью отрезать Екатеринбург с запада. Восточная дивизия начдива Г.И.Овчинникова, связанная боями с Западно-Сибирским отрядом, должна была выделить часть сил, наступая которыми от Режевс-

кого завода, выйти к Екатеринбург и к ст.Баженово⁷. Приказ №60 заканчивался следующими словами: «китак, смело в бой на защиту революции и пролетариата. Объявите красноармейцам всех частей, что трусов и беглецов с поля сражения ждет расстрел, ибо трусы и беглецы являются пособниками заклятых врагов народа - буржуазии и контрреволюционных чехословацких банд. Немедля кончайте с этой сволочью». Начать наступление было приказано 6 августа⁸.

В исходном положении

6 и 7 августа 1918 г. красные части двинулись вперед. Средняя дивизия своей 1 бригадой комбрига Ж.Ф.Зонберга развернулась от Верх-Нейвинского завода до Мурзинки, а 2 бригадой комбрига П.И.Жебенева в районе дер.Малое и Большое Мостовское. Восточная дивизия выделила для наступления на Екатеринбург отряд П.Д.Хохрякова и часть 1 Горного полка⁹. К исходу 7 августа 2 бригада П.И.Жебенева, имевшая около 3 000 человек боевого состава, была своими передовыми частями у Половинного кордона. Не имевший артиллерии и численно слабый, 17 Оренбургский казачий полк оказался перед сильным противником. Становилось ясно, что от исхода боев вдоль Верхотурского тракта будет зависеть судьба всей операции. В этот же день красный отряд из Восточной дивизии появился в районе асбестовых приисков, направляясь к ст.Баженово. Ему навстречу был срочно выдвинут небольшой, человек в тридцать, офицерский отряд из состава 5 Екатеринбургского полка горных стрелков под командованием штабс-капитана Н.В.Башкевича. В районе Вознесенского прииска произошло боевое столкновение. Оказалось, что красные имели около 300 человек. Горные стрелки отступили в сторону Баженово, вынеся из боя смертельно раненого прапорщика Константина Вырыпаева. В ночь на 8 августа для действий против красных в районе асбестовых приисков и прикрытия железнодорожной линии на Тюмень к Баженово отбыл отряд командира 5 Екатеринбургского полка полковника С.М.Торейкина в составе 145 штыков офицерской и студенческой рот, а также 93 коней 4 сотни 2 округа Оренбургского казачьего войска¹⁰.

7 августа ситуация на фронте Отдельной бригады продолжала ухудшаться. Красные части оставили Лысьвенский завод, разведка противника была отмечена у ст.Калино. Войска Западной дивизии оставили ст.Сарга¹¹.

Наступление

8 августа полки 1 бригады Средней дивизии заняли Тарасково и ст.Таватуй, отошедший на 10 верст противник закреплялся у линии железной дороги. Красные войска исправляли путь и готовились продолжать наступление. Один батальон двигался по дороге на Билимбаевский завод.

На другом фланге происходили следующие события. Прибывший рано утром 8 августа на ст.Баженово отряд полковника С.М.Торейкина занял позицию севернее станции по речке Каменке и выслал разведку. Спустя несколько часов разведчики сообщили, что на приисках противника нет и, по сообщениям местных жителей, красный отряд после боя 7 августа ушел в сторону Режа. Узнав, что угроза железной дороге снята, генерал-майор В.В.Голицын вечером этого же дня приказал Торейкину возвращаться в Екатеринбург¹².

Наибольший успех в этот день имели части 2 бригады П.И.Жебенева. На рассвете 3 Екатеринбургский красный полк при поддержке артиллерии сбил казаков с Адуйского кордона и повел наступление на с.Балтым. Белые оказывали упорное сопротивление, особенно усилившееся у речки Балтым, имевшей топкие берега. Деревянный мост казаки разобрали и сильным ружейным и пулеметным огнем отбивали атаки красных в течение почти трех часов. Командир 3 Екатеринбургского полка И.А.Онуфриев, описывая этот бой, вспоминал, что позиция белых была взята революционной «босой атакой», когда сам командир полка, скинув сапоги, бежал впереди таких же разувшихся красноармейцев. Казаки оставили позицию и отошли к Медному руднику и Пышме¹³. К вечеру, продолжая наступать, красные захватили эти населенные пункты. Казачий полк подался назад и занял оборону в двух верстах от Пышмы. Красноармейцы были охвачены ликованием, и казаки слышали крики «Дашь Екатеринбург!». Начальник среднего боевого участка краском И.А.Онуфриев в 16 часов подписал следующий приказ:

«Противник после упорных боев сломлен нашими частями и отходит к Екатеринбург. Войскам под стенам Екатеринбурга придется дать ему хорошую трепку. Справа от нас наступает бригада Зонберга и слева на ст.Монетная группа Хохрякова. 1 Рабоче-Крестьянский полк, Беспощадный отряд Галенкина и отряд анархистов подчиняю себе. Приказываю:

а). 1 Рабоче-Крестьянскому полку с рассветом 9 августа перейти в наступление, занять Верх-Исетский завод, перехватить железную дорогу, взорвать мосты, выставить заслон к Екатеринбург и ударить в тыл белым на ст.Таватуй для соединения с бригадой Зонберга;

б). Отряду анархистов перейти в наступление на с.Шарташ, перехватить железную дорогу Екатеринбург-Реж и тракт на Березовский завод, выставить заслон к Екатеринбург и ударить в тыл противника на ст.Монетная для соединения с отрядом Хохрякова;

в). 3 Екатеринбургскому полку с легкой батареей наступать по тракту на Екатеринбург и к вечеру 9 августа овладеть Екатеринбургом. В первую очередь захватить тюрьму, выпустив политических, почту и телеграф;

г). Беспощадному отряду перейти из с.Мостовое в с.Балтым и находиться в резерве;

д). Кавалерийскому эскадрону Соколова вести разведку на ст.Монетная, Пышминский и Березовский заводы.

При занятии Екатеринбурга людей держать скученно и ни в коем случае не распускать»¹⁴.

Самым желанным для командования 3 армии было сообщение из штаба Отдельной бригады о затишье на участке. Разведка, высланная к Лысьве, противника не обнаружила.

9 августа с утра наступающие красные цепи натолкнулись на упорное сопротивление оренбургских казаков. Семнадцатый полк, окопавшись поперек Верхотурского тракта и имея справа и слева труднопроходимый лес, встретил атакующих сильным огнем. По запискам В.В.Кручини-на, «в этот момент в каждом стрелке чувствовалась решимость победить или с честью умереть! Даже раненые, способные еще вести борьбу, оставались в цепи, ибо в этот момент поистине каждый стрелок был дорог!»¹⁵.

Семь лет спустя в своих воспоминаниях И.А.Онуфриев живописал, как артиллерийский гул и ружейно-пулеметный огонь навели панику на екатеринбургскую буржуазию. Из города был слышен набат и заводские гудки. Белогвардейское командование, перетрусив, отдало приказ об оставлении города. Население, бросившись в храмы, служило молебны о даровании победы христобивому воинству и братьям-чехам¹⁶. А вот его противник, командир казачьего полка В.В.Кручинин, вспоминал много лет спустя уже в Харбине, что Екатеринбург праздновал в эти дни освобождение от коммунистического гнета и не думал о нависшей над ним грозной опасности¹⁷.

8 августа начальник гарнизона устроил завтрак, а также парад по случаю пребывания в Екатеринбурге командующего Сибирской армией и управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н.Гришина-Алмазова. По свидетельству его спутника И.И.Серебренникова, генерал Гришин-Алмазов не только принимал парад, но и весь день занимался военными делами¹⁸.

После полудня 9 августа на помощь казачьему полку стали подходить подкрепления. Первой появилась офицерская полурота 7 Камышловского полка горных стрелков под командованием полковника М.С.Тарасевича. Офицеры выдвинулись за левый фланг 17 казачьего полка, прикрывая пространство между Верхотурским трактом и оз.Шувакиш. Взятые в плен офицерским дозором два красноармейца сообщили, что их рота недавно оставила находящиеся неподалеку Ильинские высоты и отошла за речку Пышму в Медный рудник, где находятся крупные силы. Район к северу от Верх-Исетского завода и дороги на дер.Коптяки, Палкино и к Медному руднику прикрывали заставы чехов и казаков 3 Самаро-Уфимского полка. Здесь к западу от оз.Шувакиш красные активности не проявляли, да этому и препятствовала лесисто-болотистая местность¹⁹. Таким образом, успех красных был налицо только в центре у дер.Пышма. На флангах продвижения к Екатеринбург не наблюдалось. Отряд Хохрякова по-прежнему вел перестрелку с чехами между ст.Крутиха и Монетная, а полки бригады Зонберга не продвинулись далее нескольких верст южнее ст.Таватуй. Их боковой авангард у Билимбаевского завода подвергся сильному удару с запада от подошедших в эшелонах чехов и оставил завод. Получившая в ночь с 7 на 8 августа приказ идти на помощь Екатеринбург, Лысьвенская группа чехов двигалась в эшелонах через ст.Кузино на восток, и конечно, батальон красных не мог задержать противника.

Контрудар

С рассветом 10 августа первой начала контрнаступление 3 офицерская рота 7 Камышловского полка. Цепь офицеров перешла вброд речку Пышму и атаковала пос.Медный рудник. После небольшой перестрелки с патрулями красных рота заняла южную окраину. В середине дня вместе с подошедшей командой фронтовиков поручика Муратова офицеры вытеснили красноармейцев на северную окраину Медного рудника²⁰.

Немного позже перешел в контрнаступление 17 казачий полк, получивший подкрепление в виде роты чехов с двумя орудиями. Орудия были выкачены в цепь и картечным огнем заставили красных очистить Пышму²¹.

Хотя на помощь к казакам были потом направлены еще две роты, основные силы прибывающих - части 2-го, 3-го и 6 пехотных чешских полков под командованием подкапитана Милоша Жака - были переброшены в район ст.Монетная, откуда нанесли удар во фланг и тыл 2 бригады Жебенева. Чехи наступали при поддержке огня трех артбатарей, среди которых выделялась своей храбростью и искусством русская батарея капитана Куликовского. П.И.Жебенов начал отводить свои части с Пышминского фронта на север к Балтыму, стремясь отбить чехов. Ввиду плохой связи и наступившей неразберихи 1 Рабоче-Крестьянский полк вступил в бой с отрядом анархистов, приняв последних за противника. С обеих сторон было много убитых и раненых²².

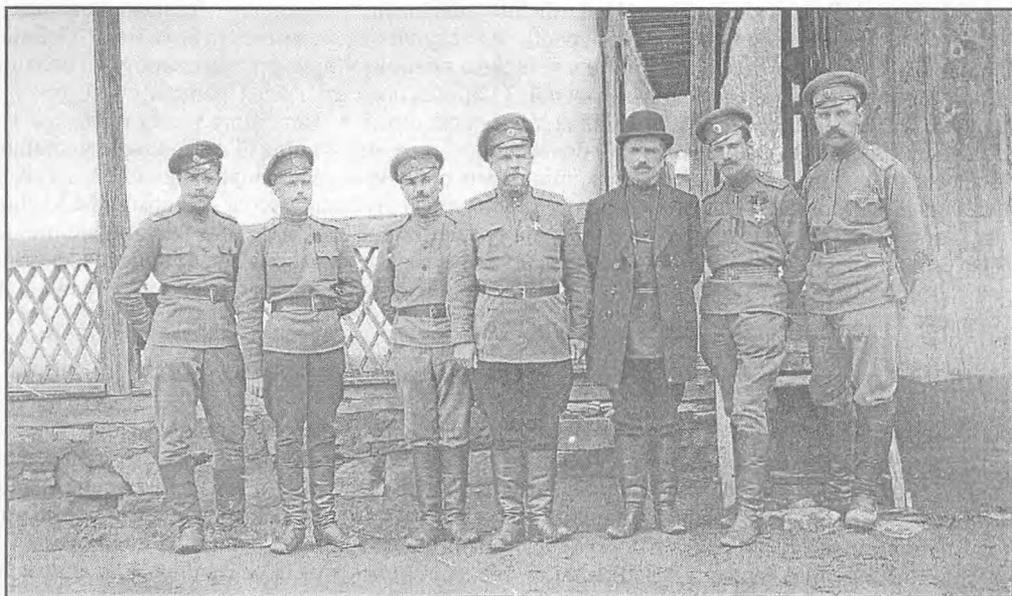
Главный бой за с.Балтым протекал 11 августа. По словам чехов - участников Первой мировой войны, Балтым напоминал им какое-нибудь галицийское или волыньское село, столько в нем было окопов, ям и ходов сообщений. Контратаки красных проводились с большим ожесточением, и в них участвовали построенные в несколько волн мобилизованная рабочая молодежь, мадьяры, эстонцы и матросы из Петроградской анархической дружины с черными ленточками на фуражках. В последней цепи катили пулеметы. Под напором чехов, казаков и добровольцев красные начали медленно отступать, отстреливаясь через каждые 20-30 шагов, и только после оставления Балтыма их отход стал беспорядочным²³. 3 Екатеринбургский полк, потеряв ранеными всех своих командиров взводов, рот, обоих батальонов и командира полка И.А.Онуфриева, стал по-существу небоеспособным²⁴. 1 Рабоче-Крестьянский полк оставил на поле боя более 250 человек убитыми и ранеными²⁵.

Вторая красная бригада, потерпев поражение, отходила на с.Большое Мостовское. Неудача сказалась и на полках 1 бригады, которые оставили ст.Таватуй, и отходили на север. Командующий 3 армии Р.И.Берзин приказал частям Восточной и Средней дивизий переходить к активной обороне, а Отдельной бригаде преследовать противника до выхода на линию основных частей²⁶.

С отходом красных войск на исходные позиции угроза нового удара на Екатеринбург не была снята, и это хорошо понимало руководство чешских и белых войск. Чтобы окончательно обезопасить Екатеринбург, нужно было продолжать наступление.

Кадриль у ст.Крутиха

14 августа отряд чехов двинулся вдоль железной дороги на Тавду и через два дня подошел к ст.Крутиха. Станцию оборонял сводный отряд красных войск, состоявший из Алапаевского рабочего батальона, отряда П.Д.Хохрякова и роты 1 Горного полка под командованием командира батальона С.Г.Пичугова. Единого командования фактически не было. 17 августа чехи повели наступление, оглябая левый фланг оборонявшихся. Алапаевский батальон, не выдержав нажима и опасаясь обхода, бросил позицию и стал отходить. При попытке остановить бегство алапаевцев был убит П.Д.Хохряков. Взяв тело своего погибшего командира, хохряковский рабочий отряд покинул позицию и уехал в сторону Егоршино. Роте Горного полка ничего не оставалось, как отступить следом в сторону Режа²⁷. Продвижение чехов задержал на следующий день 1 батальон 1 Горного полка. 19 августа подошел Волынский полк, началось контрнаступление, и 20 августа ст.Крутиха была отбита²⁸. Действовавший против волынцев чешский отряд был отведен с фронта. Его местозанял отряд командира 7 Камышловского полка горных стрелков полковника М.С.Тарасевича в составе офицерской роты в 110 штыков, чешской Курганской роты и казачьей сотни. Выгрузившись на ст.Монетная, отряд стал наступать на Крутиху, исправляя повреждения на железной дороге. Поздно вечером 22 августа офицерская и чешская роты захватили Крутиху, взяв немалые трофеи, в том числе 32 вагона. Оборонявший станцию батальон красноармейцев и сотня китайцев потеряли почти половину состава и были сильно дезорганизованы. 23 августа отряд М.С.Тарасевича взял позиции на 61-й версте и обнаружил в оставленных окопах 9 убитых и один пулемет. 24 августа белые достигли 70-й версты. Волынский полк, отойдя к Режевскому заводу, готовил оборону по речкам Реж и Серебрянке²⁹. Получив подкрепление, красные начали наступать и в первых числах сентября вновь, уже в третий раз за месяц, заняли ст.Крутиха. В последующих боях взбунтовался и почти в полном составе (более одной тысячи человек) перешел к белым Волынский полк, что позволило немногочисленному белому отряду снова выдвигаться к Режевскому заводу³⁰.

Офицеры 195 пехотного Оровайского полка на Румынском фронте.
Второй справа - полковник М.С.Тарасевич, с 6.08.18 г. командир 7 Камышловского полка горных стрелков; третий слева - капитан П.К.Рожко, с 6.08.18 г. начальник хозяйственной части 7 Камышловского полка горных стрелков. *Фотолет 1917 г.*

Мостовский фронт

14 августа командир 5 Екатеринбургского полка горных стрелков получил приказ полковника С.Н.Войцеховского «вступить в командование Балтымским отрядом». В этот же день полковник С.М.Торейкин выступил к с.Балтым, имея в офицерской и студенческой ротах 170 штыков при трех пулеметах. По прибытии в село добровольческие роты сменили бывшие там две роты 2 чешского полка и совместно с оренбургскими казаками повели разведку в сторону с.Большое Мостовское³¹. 17 августа разведотряд белых имел стычку с противником у этого села, выясняя силы и расположение частей 2 красной бригады³². 18 августа к отряду подошла на усиление одна чешская рота в 155 штыков. Отряд в составе двух рот горных стрелков, чешской роты, 1-й и 3 сотен 6 Оренбургского казачьего полка и трех легких орудий выступил на север. 19 августа после небольшого боя отряд полковника С.М.Торейкина занял с.Большое Мостовское³³. 26-30 августа рядом боев горные стрелки, казаки и чехи оттеснили красных на 20 верст к северу и захватили район дер.Малое Мостовское и Верхотурка³⁴.

5 сентября Балтымский отряд был атакован с фронта тремя ротами 1 Рабоче-Крестьянского полка, а с флангов двумя ротами «Отряда беспощадных». После упорного шестичасового боя красные были отбиты и отошли почти на 20 верст к дер.Пьянково³⁵. Тела погибших в этом бою бойцов белого добровольческого отряда были привезены в Екатеринбург и 9 сентября захоронены на Михайловском кладбище. Похоронная процессия шла от вокзала по Арсеньевскому и Вознесенскому проспектам до собора. Под траурные звуки марша несли простые, некрашенные гробы, брели убитые горем родственники. В двух братских могилах погребли студентов горного института В.В.Обухова и Ф.Петрова, казаков Григория Милокова и Трофима Актымова, поручика Бургова и католиков-чехов Ваника Алойса, Коората Гавриеля, Клода Йозефа, Матейко Йозефа и Гайдуша Инека³⁶.

Децимация

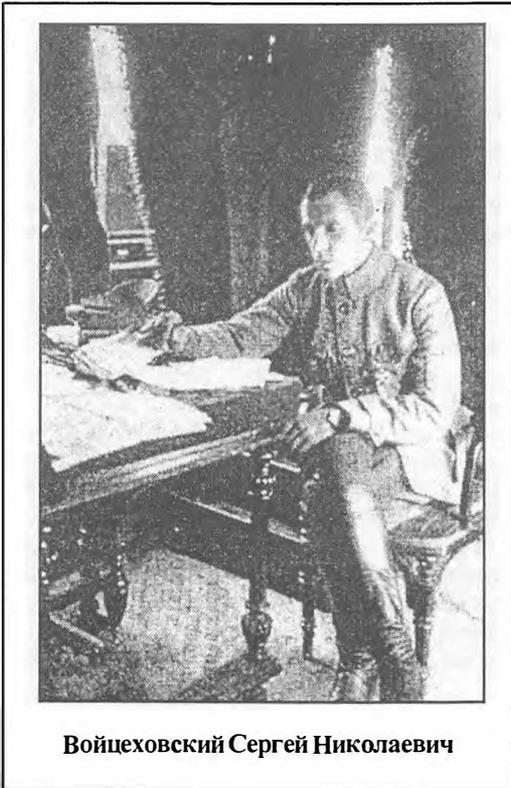
По линии Горнозаводской ж.д. почти две недели было без перемен. 24 августа чехи и казаки начали наступление, захватив в ту же ночь Тарасково, а в последующие три дня Верх-Нейвин-

ский завод. В результате взаимных контрударов фронт к 1 сентября стабилизировался и проходил между Нейво-Рудянским и Верх-Нейвинским заводами. 5 сентября 1 бригада красных, имея справа 2-й, а слева 3 Горные полки, перешла в наступление, стремясь отбить Верх-Нейвинский завод. Когда красные части подошли к чешским позициям примерно на версту и готовились к атаке, произошел непредвиденный случай. 3 Горный полк отказался выполнить приказ и самовольно отошел. Атаку 2 Горного полка чехи легко отбили. Вся бригада откатилась к Нейво-Рудянке. Случай неповиновения тем более удивителен, что 3 Горный полк в значительной мере был укомплектован тагильскими и салдинскими рабочими из добровольцев местных команд³⁷. Начдив Р.П.Эйдеман по прямому проводу доложил члену реввоенсовета 3 армии М.М.Лашевичу о постыдном случае, на что получил распоряжение все присылаемые на пополнение маршевые роты и отряды вливать только в состав испытанных в бою частей. М.М.Лашевич дал согласие на разоружение 3 Горного полка и расстрел не десятого, а каждого пятого за невыполнение боевого приказа³⁸.

Общий итог

Таким образом, к 5-8 сентября 1918 г. наступление на Екатеринбург окончилось поражением красных войск и их отходом на 60-70 верст от города. Чехи, оренбургские казаки и екатеринбургские добровольцы выиграли сражение, несмотря на общее численное и техническое превосходство красных. Чешские и белые войска продолжали удерживать инициативу. Окончательно угроза Екатеринбургу была снята только через месяц после взятия Алапаевска и Нижнего Тагила. Однако по мнению начдива Р.П.Эйдемана, эта екатеринбургская неудача красных позволила 3 армии приковать к себе все внимание противника и вынудила его отвести назад лысьвенскую группу чехов, чем сняла угрозу Перми и полного разгрома армии³⁹.

Краткие биографические справки участников событий

Войцеховский Сергей Николаевич

Берзин (Берзиньш) Рейнгольд Иосифович (1888-1939), чл. РСДРП с 1905 г., прапорщик в Первую мировую войну. В 1918 г. командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом, 3 красной армией, затем на различных командных должностях. Награжден тремя орденами Красного Знамени. После Гражданской войны работал в военной промышленности и сельском хозяйстве. Репрессирован в 1939 г.⁴⁰

Войцеховский Сергей Николаевич (1883-1951), кадровый офицер. В 1912 г. окончил Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны, подполковник. С 1917 г. начальник штаба 1 чехословацкой дивизии. С мая 1918 г. командир сначала Челябинской, затем Екатеринбургской групп войск. Награжден орденом Св. Георгия 4 степ. за взятие Челябинска, Златоуста, Екатеринбурга и Нижнего Тагила. С января 1919 г. командир 2 Уфимского корпуса, затем Уфимской группы. С июля 1919 г. командующий 2 армией. После смерти В.О.Каппеля возглавил остатки войск, ушедших в Забайкалье. Эмигрировал в Чехословакию⁴¹.

Голицын Владимир Васильевич, кадровый офицер, участник китайской кампании 1900 г. и русско-японской войны 1904-05 гг. В 1914 г. выступил на Первую мировую войну в чине капитана, командир роты 16 Сибирского стрелкового полка. С декабря 1914 г. командир 3 батальо-

на, ранен и контужен. После выздоровления вновь на фронте, участник боев при Воле-Шидловской, Прасныше, Люблине и Красноставе. Переведен в 15 Сибирский стрелковый полк, командир полка, полковник. С марта 1917 г. командир 3 гвардейской резервной бригады в Петроградском военном округе, затем офицер для поручений при штабе 8 армии, при штабе Юго-Западного фронта и в Ставке. Входил в окружение генерала Л.Г.Корнилова, содействовал уходу последнего из Быхова на Дон. Участник создания Добровольческой армии, начальник военно-политического центра Нижней Волги. С апреля 1918 г. в Москве, затем уехал в Сибирь. С 6 августа 1918 г. в Екатеринбурге формировал 7 Уральскую дивизию горных стрелков, генерал-майор. Награжден орденом Св.Георгия 4 степ. С 6 января 1919 г. командир 3 Уральского корпуса, генерал-лейтенант. С июня 1919 г. начальник добровольческих формирований в Новониколаевске. Позднее эмигрировал в Харбин, активный участник антикоммунистических организаций. Весной 1945 г. состоял в комитете старейшин Российского эмигрантского собрания⁴².

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1881-1919), кадровый офицер. Родился в Кирсановском у. Тамбовской губ. Настоящая фамилия Гришин. Окончил кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, служил на Дальнем Востоке и в Сибири. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, командир артиллерийского дивизиона, подполковник. С 1918 г. глава подпольных, антибольшевистских, военных организаций в Западной Сибири, подпольная фамилия Алмазов. С мая 1918 г. активный участник и руководитель восстания в Западной Сибири. С 10 июня 1918 г. генерал-майор, командующий Сибирской армией и управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства. После Челябинской конференции (август 1918 г.) вступил в конфликт с некоторыми членами правительства и 5 сентября получил отставку. 22 сентября уехал в Добровольческую армию А.И.Деникина. Военный губернатор Одессы и командующий войсками Одесского района. При возвращении в армию А.В.Колчака был арестован большевиками и посажен в тюрьму Гурьева, где покончил самоубийством⁴³.

Жебнев Петр Иванович (1879-1938), чл. РСДРП с 1898 г., анархист с 1905 г. В 1915-17 гг. служил в запасном полку. В 1918 г. екатеринбургский уездвоенком, организатор отрядов Красной армии на Урале. На фронте с мая 1918 г. командир отряда, бригады. После Гражданской войны проживал в Екатеринбурге-Свердловске. В 1928 г. через газету «Уральский рабочий» публично отрекся от анархизма. В октябре 1929 г. первичной парторганизацией Верх-Исетского завода принят в ВКП(б), позже утвержден на обкоме без кандидатского стажа за революционные заслуги. Переехал в Москву. Репрессирован в 1938 г.⁴⁴

Кручинин Владимир Васильевич (1875-?), кадровый офицер Оренб.каз.войска. В 1918 г. полковник, командир Султаевского отряда, затем командир 17 Оренб.каз.полка. С 1919 г. генерал-майор, командир 5 Оренб.каз.бригады, участник боев на Урале и в Сибири. Эмигрант, владелец похоронного бюро в Харбине⁴⁵.

Лашевич Михаил Михайлович (1884-1928), чл. РСДРП с 1901 г. В августе-ноябре 1918 г. чл. реввоенсовета 3 армии⁴⁶.

Овчинников Георгий Иванович (1896-1971), прапорщик в Первой мировой войне. В 1918 г. начальник Восточной (1 Уральской дивизии), затем начальник 5 Уральской (21 стрелковой) дивизии. Награжден орденом Красного Знамени. После войны на командных должностях и преподавательской работе. Комдив⁴⁷.

Онуфриев Иван Андреевич (1883-1938), прапорщик в Первой мировой войне. Организатор и первый командир 3 Екатеринбургского полка Красной армии. Комбриг 2 Уральской, затем 29 стрелковой дивизии. Позднее на различных командных должностях. Репрессирован⁴⁸.

Пичугов Степан Герасимович (1891-1970), родился в крестьянской семье с.Рождественское Екатеринбургского у. Пермской губ. С 1913 г. на действительной военной службе в 195 пехотном Оровайском полку, унтер-офицер, участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер. После ранения и пребывания в госпитале служил в 107 запасном пехотном полку в Перми, где в 1917 г. вступил в РСДРП(б). После демобилизации зам.председателя Рождественского волстполкома. С мая 1918 г. организатор Рождественского партизанского отряда, затем командир батальона и командир 1 Горного полка. С 1919 г. командир 23 Верхнекамского полка Особой бригады, командир 2 Крепостного полка. Награжден орденом Красного Знамени. В 1921 г. комбриг, участвовал в подавлении восстания в Западной Сибири. Командир 170 Екатеринбургского стрелкового полка. С 1924 г. в авиации, командир авиаотряда и авиаэскадрилии. С 1930 г. в гражданской авиации, начальник Свердловского аэропорта, затем в авиапромышленности, в 1940е г. помощник главного конструктора в КБ С.В.Ильюшина. Проживал и умер в Москве⁴⁹.

Тарасевич Максимилиан Сергеевич (1881-?), кадровый офицер. Из дворян Пензенской губ. Окончил Симбирский кадетский корпус и Александровское военное училище. С 1902 г. подпору-

чик. С 1910 г. в 195 пехотном Оровайском полку, участник Первой мировой войны, дважды ранен, награжден орденом Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В 1917 г. командир 773 пехотного Зайсанского полка, полковник. С 6 августа 1918 г. командир 7 Камышловского полка горных стрелков. 6 января 1919 г. произведен в генерал-майоры, командир 2 бригады 7 Уральской дивизии горных стрелков. В январе 1920 г. находился в Красноярске⁵⁰.

Торейкин Степан Михайлович (1880-?), кадровый офицер. Из мещан Симбирской губ. Окончил Пермское реальное и Казанское пехотное юнкерское училища, участник русско-японской войны, затем служил в 12 пехотном Великолуцком полку. В 1913 г. в чине штабс-капитана зачислен в запас. С 1914 г. по мобилизации младший офицер 308 пехотного Чебоксарского полка, затем командир роты и батальона. Награжден орденом Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В 1917 г. полковник, командир 306 пехотного Мокшанского полка. С 6 августа 1918 г. командир 5 Екатеринбургского полка горных стрелков. С 6 января 1919 г. генерал-майор и командующий 7 Уральской дивизией горных стрелков⁵¹.

Хохряков Павел Данилович (1893-1918), уроженец дер. Хохряковское Вожгальской вол. Вятской губ. С 1914 г. на действительной военной службе, кочегар линейного корабля «Император Александр II» Балтийского флота. С февраля 1917 г. активный участник революционных событий. С июня на Урале, начальник штаба отрядов Красной гвардии в Екатеринбурге, затем председатель Тобольского совета. С июня 1918 г. командир «Карательной экспедиции Тобольского направления». Погиб в бою⁵².

Эйдеман Роберт Петрович (1895-1937), прапорщик в Первой мировой войне. В 1918 г. начальник Средней (затем 2 Уральской) дивизии. Позднее на разных командных должностях. Награжден двумя орденами Красного Знамени. После войны на различных командных должностях. Комкор, начальник Военной академии им.М.В.Фрунзе. Репрессирован и расстрелян⁵³.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.2. Д.360.Л.83.

² Первоначально формируемая в Екатеринбурге дивизия горных стрелков имела №2, полки нумеровались 5,6,7,8. 19 августа 1918 г. дивизия стала носить №7, а полки получили номера 25,26,27,28. - См.: ЦДООСО. Ф.41.Оп.1.Д.127.Л.14-18; Cajda R. Moje pameti. -Brno,1996. -S.102.

³ См.: Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков лето 1918 г. -Шанхай,1934. -С.140; Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом (1918-1922). -Харбин,1937. -С.30-31.

⁴ ЦДООСО. Ф.41.Оп.2.Д.365. Л.2.

⁵ Эйдеман Р.П. Екатеринбург - Тагил // Революционный фронт (Харьков). -1920. -№4. -С.35.

⁶ Там же.

⁷ Наиболее боеспособная часть Восточной дивизии - бригада М.В.Васильева наступала на Богданович и вела бои с белыми отрядами подполковников Смолина, Панкова и капитана Жилинского, позднее составивших основу 1 Степной Сибирской стрелковой дивизии. Эти бои, проходившие в 80-ти верстах к востоку от Екатеринбурга, сказывались на общей обстановке, хотя непосредственной угрозы Екатеринбургу не создавали и поэтому в статье не рассматриваются. -См.: Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. -М,1997. -С.55-56; Неустроев С.П. Вел нас в бой начдив Васильев. -Свердловск,1973. -С.90-98.

⁸ ЦДООСО. Ф.41.Оп.2.Д.360.Л.81.

⁹ Эйдеман Р.П. Екатеринбург - Тагил. -С.35.

¹⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.39813.Оп.1.Д.10.Б.л.

¹¹ Эйдеман Р.П. Екатеринбург - Тагил. -С.35.

¹² РГВА. Ф.39813.Оп.1.Д.2.Л.1-6.

¹³ Зуев А.В. Оренбургские казаки... -С.31; Онуфриев И.А. Гражданская война на Урале: воспоминания бывшего комбрига. -Свердловск,1925. -С.41.

¹⁴ Онуфриев И.А. Гражданская война... -Приложение 1.

¹⁵ Зуев А.В. Оренбургские казаки... -С.31-32.

¹⁶ Онуфриев И.А. Гражданская война... -С.41.

¹⁷ Зуев А.В. Оренбургские казаки... -С.32.

¹⁸ Серебренников И.И. Мои воспоминания. -Тяньцзин,1937. -Т.1. -С.124.

¹⁹ РГВА. Ф.39517.Оп.1.Д.4.Л.52.

²⁰ РГВА. Ф.39517.Оп.1.Д.1.Л.3-6.

²¹ Зуев А.В. Оренбургские казаки... -С.32.

²² Эйдеман Р.П. Екатеринбург - Тагил. -С.36.

²³ Зауральский Край (Екатеринбург). -1918. -11 сент.

²⁴ Онуфриев И.А. Гражданская война... -С.42.

²⁵ Феофанов П.Г. Рабоче-Крестьянский, Краснознаменный //В боях и походах: воспоминания участников Гражданской войны на Урале. -Свердловск,1959. -С.253.

²⁶ Эйдеман Р.П. Екатеринбург - Тагил. -С.37.

- ²⁷ ЦДООСО. Ф.221.Оп.2.Д.572.Л.30-38.
- ²⁸ ЦДООСО. Ф.41.Оп.2.Д.365.Л.16-17.
- ²⁹ РГВА. Ф.39517.Оп.1.Д.4.Л.94,104,124.
- ³⁰ ЦДООСО. Ф.41.Оп.2.Д.365.Л.42-43; Ф.221,Оп.2.Д.78.Л.152. Из перешедших на сторону белых, солдат Вольнского полка был сформирован отряд, сыгравший значительную роль в боях под Егоршино и Алапаевском. Отрядом командовал офицер 25 Екатеринбургского полка горных стрелков капитан М.А.Демишхан. -См.: Голос Сибиряка (Екатеринбург). -1918. -12 окт.
- ³¹ РГВА. Ф.39813.Оп.1.Д.2.Л.8.
- ³² РГВА. Ф.39813.Оп.1.Д.10.Б.л.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Студент Василий Васильевич Обухов был племянником городского головы Екатеринбургга А.Е.Обухова. -См.: Зауральский край. -1918. -8 сент.
- ³⁷ См.: Материалы участников революционного движения и Гражданской войны в Нижнем Тагиле // Нижний Тагил. -Свердловск,1964. -С.115-116.
- ³⁸ 3 Горный полк был расформирован в конце сентября 1918 г. на ст.Лая. Личный состав вошел в 1 Рабоче-Крестьянский полк. Сведений о проведении децимации нет. -См.: ЦДООСО. Ф.41.Оп.2. Д.365.Л.34; Материалы участников революционного движения... -С.119.
- ³⁹ Эйдеман Р.П. Екатеринбург - Тагил. -С.37.
- ⁴⁰ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. -М.,1987. -С.65.
- ⁴¹ См.: Там же. -С.111.
- ⁴² См.: Голос Сибиряка. -1918. -17 окт.; Время (Харбин). -1945. -14 апр.; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Борьба генерала Корнилова. - М.,1991. -С.41.
- ⁴³ См.: Вибс П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. -Омск,1994. -С.66-67.
- ⁴⁴ ЦДООСО. Ф.4.Оп.10.Д.83.Л.23.
- ⁴⁵ Зуев А.В. Оренбургские казаки... -С.25-34.
- ⁴⁶ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. -С.323.
- ⁴⁷ См.: Там же. -С.414.
- ⁴⁸ ЦДООСО. Ф.221.Оп.2.Д.881.Л.307..
- ⁴⁹ См.: ЦДООСО. Ф.221.Оп.2.Д.420.Л.3-4.
- ⁵⁰ См.: РГВИА. Ф.408.Список №19-302.
- ⁵¹ РГВИА. Ф.409.Оп.1.Д.140695.Б.л.
- ⁵² ЦДООСО. Ф.41.Оп.2.Д.211.Л.2-26; Д.489.Л.3,20-21; Ф.221.Оп.2.Д.572.Л.30-39.
- ⁵³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. -С.685.

ДОНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ. 1919 ГОД

Уход П.Н.Краснова с поста Донского атамана породил у многих его критиков и противников надежды на то, что теперь-то уж, освободившись от жестких, по существу диктаторских, приемов бывшего вождя в управлении государством, дело упрочнения оного приобретает новые перспективы. «О диктатуре в России, - сообщал в одном из интервью ростовский генерал М.В.Свечин, - говорить еще преждевременно. Ведь на Дону, как и на Кубани имеется и без всякой диктатуры законный порядок, и в освобожденных от большевиков местностях России диктатору теперь фактически нечего и делать»¹. Не менее оптимистично излагал свою оценку происходившего и М.В.Родзянко, изгнанный с Дона Красновым. Объединение антибольшевистского командования на Юге страны он трактовал как «важнейшее событие 1918 года, наряду с полным мировым провалом социалистических теорий на практике» и «первую ласточку единой, великой и народной России»². В состоянии аналогичной эйфории пребывал и другой изгнанник, миллионер Н.Е.Парамонов. Еще до официальных перевыборов атамана, он явился на февральскую сессию Круга, пожертвовал 500 тыс. рублей на инвалидный дом в станице Нижне-Чирской и удостоился избрания заместителем председателя форума В.А.Харламова³.

В комиссию по обороне Круга по его предложению немедленно оказались выдвинуты все военные, находившиеся в опале при П.Н.Краснове - Алферов, Быкадоров, Семилетов⁴, а командующим Донской армией А.И.Деникин назначил молодого 35-летнего генерала В.И.Сидорина, тоже красновского недоброжелателя и деникинского поклонника. Благодарный Деникину за карьеру, Сидорин не жалел высокопарных дифирамбов своему покровителю, когда поздравлял его по поводу принятия решения номинально подчиниться А.В.Колчаку. «Да явится наше военное объединение под предводительством Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака во единую Русскую Армию, - телеграфировал В.И.Сидорин в Екатеринодар, - предзнаменованием грядущего свободного объединения всех верных сынов России в то новое, стоящее на новых незыблемых основах Российской государство, под сенью которого все ветви русского народа и все племена, населяющие наше обширное Отечество обретут свое место и равные условия для сохранения и развития самостоятельности»⁵.

Ожидание развития казачьей государственности именно в этом направлении, кстати, лежало в русле идей автономистской интеллигентской части Круга и, кроме того, не противоречило положениям «Грамоты адмирала Колчака» от 24 мая 1919 г., в которой роль казачества в создании и обороне России оценивалась высоко, содержалось признание «незыблемости всех правовых особенностей земельного быта казаков, образа их служения, уклада и управления военного и гражданского, слагавшихся веками». Тут же Верховный Правитель обещал издание закона, гарантирующего «сохранение войскового самоуправления и земельных прав»⁶.

Вопрос о максимально допустимых пределах «демократизма» и «народоправства» специально Кругом не поднимался. Подразумевалось достаточным быстро ликвидировать некоторые, особо прямолинейные проявления насильственно-принудительных акций красного правительства и командования в диалоге с народом и, в первую очередь, с казачеством. Об этом хорошо сказал сам П.Н.Краснов за день до отставки: «Если они (т.е. казаки - Ю.Г.) по малодушию или легкомыслию могли изменить Краснову, то Кругу своему они не посмеют изменить»⁷.

В условиях растущих военных неудач Донской армии и эйфории от объединения с деникинцами проблема различного понимания «самобытности» казачьих областей А.И.Деникиным и его окружением, с одной стороны, и донскими автономистами, с другой, достаточно очевидно

замалчивалась. Сам Деникин, заинтересованный в тот момент главным образом в восстановлении боеспособности донских вооруженных сил в плане их использования для похода на Москву и спасения России, в довольно корректной форме высказал Кругу пожелание «примирить интересы разнородного населения, внести начало справедливости и внутреннего мира» в жизнь Всевеликого Войска Донского (ВВД)⁸.

Одновременно деникинская разведка продолжала внимательное наблюдение за настроением донских войск на фронте, не отказываясь при случае «прибрать к рукам» отдельные части, входившие в состав Донской армии. Так, с 20 февраля 1919 г. связь с ее штабом потерял Астраханский корпус, вступивший в тесное взаимодействие с 6 корпусом деникинской Кавказской армии, направленной на Царицын. После временных успехов 17 февраля, красные выбили астраханцев из с.Обильное, а антибольшевистское восстание более чем двадцати сел в Астраханской губернии было подавлено. Гарнизон с.Новоселовка, состоявший из отряда киселевских крестьян, воевавших в составе Астраханского корпуса, 20 февраля перешел к красным и открыл огонь по сотне казаков-астраханцев, которая с трудом вырвалась из мятежного села⁹.

4 марта, по оперативной сводке одного из штабов Восточного казачьего фронта, обстановка в районе слобод Орловки и Мартыновки, калмыцких станиц Батмаевской и Платовской представляла собой «безотрадную картину». «Везде паника, - продолжалось дальше, - калмыки бегут за Маныч, уводят скот и табуны. Масса бродячих казаков, грабит население. Хоперцы и усть-медведицкие (казаки -Ю.Г.) ведут пропаганду о переходе на сторону красных. Пьянство поголовное, картина полного угрожающего развала». 31 марта из 6 корпуса Кавказской армии доносили: «Стойкость конных частей понизилась по случаю большой убыли, множества больных и недостаточности спайки казаков, сведенных из разных частей»¹⁰. Даже лучшие части, вроде Гундоровского полка, присылали своих представителей на Круг просить о переводе с Северного направления фронта на защиту родной станицы¹¹.

То, что произошло с ВВД в начале 1919 года, на языке политологии носит название кризисного состояния политических режимов переходного типа, вмещающих в себя демократические институты «вперемешку» со значительным наследием авторитарного прошлого. Конфликт между традиционалистскими ценностями, на которых базировалась легитимность власти ВВД, и потребностями модернизации, связанными с необходимыми политическими шагами к изменению архаики традиционных общественных связей на Дону, существовал и при П.Н.Краснове. Последний, предпочитая сословно-военную цельность государственности (и отчасти преуспев в этом) намного более сложному и требующему иных условий (мирных) преодолению разрыва между текущими интересами различных групп населения, подвел донской режим к многоплановому кризису, как политической культуры, так и собственно управления.

Выход из такого кризиса переходное общество осуществляет, как правило, двумя путями. Первый предполагает использование харизматических лидеров, способных объединить национальную или территориальную общность. Обычно это производится радикальными средствами политической мобилизации населения, что чревато насилием, несущим внутреннее отрицание целей модернизации. Такой вариант был пройден ВВД в 1918 году, если не считать гораздо меньшей способности А.И.Деникина, чем П.Н.Краснова выступать для казаков в роли харизматического лидера.

Второй путь состоит в осуществлении государственной политики, нацеленной на создание механизма содействия людям в поисках чувства идентичности с режимом, что предполагает сильный отказ от гипертрофии идеологических решений и концентрацию усилий на «прозе жизни» - хозяйственных вопросах, соцобеспечении, использовании опыта и других мерах, формирующих благоприятные условия для социальной мобильности¹².

Понятно, что при сохранении объективной реальности Гражданской войны государственная модель устройства ВВД по сравнению с 1918 годом изменилась мало. Просто логика ее развития обуславливала некоторое смещение акцентов в деятельности Войскового правительства и Круга на хозяйственные и социальные задачи при концентрации военной сферы в ведении Белого командования Вооруженных сил Юга России.

Программы у Круга не было. Поэтому, начиная с февраля он действовал больше эмпирически, под влиянием потребностей текущего момента. Радея за Дон, депутаты пытались разрешить одновременно традиционно широкий круг проблем испытанным способом создания разнообразных комиссий. Кроме комиссии по обороне, были созданы комиссии по делам местного самоуправления, по военно-авиационному делу и Донской флотилии, по ревизии госаппарата различных ведомств, по закупке хлеба на Кубани и в Ставропольском крае. 10 мая возобновилась работа земельной комиссии.

Не все из них приносили достаточно эффективную пользу. Так, комиссия по обороне, особенно в лице входивших в нее интеллигентов, предъявляла претензии на вмешательство в оперативные решения командования армии. Вопреки порядкам, существовавшим при Краснове, решили закрыть все донские вузы, а студентов, офицеров-учителей и казаков внутренней стражи призвать в армию. Снова, как и при А.М.Каледине, началось формирование партизанских отрядов из молодежи. Гораздо более полезной мерой, улучшившей управление армейскими соединениями, стало сокращение штабов и других учреждений военного отдела¹³. Большое значение придавалось не слишком результативным агитационным призывам и пропагандистским разъяснениям относительно поголовной мобилизации «всех способных носить оружие» и закрытия «всех зрелищ и увеселений». Инициатором организации антибольшевистской и патриотической пропаганды в войсках и среди населения выступил секретарь Круга, писатель Ф.Д.Крюков¹⁴.

На фоне пропагандистско-мобилизационных акций запечатлелись попытки утверждения хотя бы минимального баланса социальной справедливости. В марте - апреле Круг принял ряд постановлений соответствующего характера. Среди них встречались такие, как документы о принудительном отчуждении в пользу Войска части движимого имущества коннозаводчиков, о немедленном прекращении взыскания с крестьян «за убытки в пользу помещиков вследствие разорения имений во время революции без суда», о недостатке продовольствия, полученного в апреле рабочими и служащими горнозаводских предприятий (4,5 вагона хлеба вместо необходимых по «голодной норме» - 60-ти)¹⁵.

4 марта Круг проголосовал за закон о засеве полей на территории Войска. Призрак голода из-за недоиспользования пахотных земель или возможного недобора в данном случае заставил донских законодателей поступить целесообразно, хотя и не без опоры на методы принуждения. Ответственными за посевную компанию объявлялись станичные, хуторские, сельские правления и выборные для наблюдения за посевом 2-3 уполномоченных. Контролировать их работу обязали отдел землеустройства и земледелия. Всем частным владельцам и арендаторам «вменялось в обязанность» засеять в 1919 году не менее двух третей собственной или арендованной земли. Кто не мог этого сделать, должен был сдать землю другим лицам.

К казакам и крестьянам, владевшим паевой и надельной землей, отношение выглядело гораздо мягче. В качестве пожелания им полагалось сделать посев «в возможно большом размере», а если не удастся сдать свою землю в аренду, то использовать ее под покос и попас. Арендная плата устанавливалась местным правлением и после этого не подлежала изменению. Если же закон не выполнялся, то земли сдавали в аренду с аукциона, а деньги шли в казну.

Тем же законом вводилась продразверстка. Владельцам оставался хлеб в размере, необходимом для посева, продовольствия семьи и прокорма скота до нового урожая. За сокрытие хлеба полагался штраф не выше 10 рублей с пуда, тоже вносившихся в войсковую казну. Из собранного таким образом зерна станичные, хуторские и сельские правления должны были снабжать семенами нуждающихся с обязательством возврата этого семенного фонда¹⁶.

Мамонтов Константин Константинович (1869 - 1920), генерал-лейтенант, в 1919 г. командир конной группы Донской армии, командир 4 Сводного казачьего корпуса ВСЮР.

Закон вызвал значительный интерес среди зажиточного крестьянства и других землевладельцев неказачьего происхождения. После окончания посевной иногородние Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов ходатайствовали перед Кругом об освобождении тех из них от мобилизации, кто засеял не менее шести десятин¹⁷.

Переломным в работе Круга 1919 года можно считать весть о соединении Донской армии с казаками-повстанцами станиц Вешенской, Мигулинской и Казанской Верхне-Донского округа. 24 - 27 мая было уже очевидно, что надежды на реанима-

цию казачьей идеи овладевают сознанием «донской общности» вновь, особенно после сообщения генерала К.К.Мамонтова о боевых успехах его группы и обещания взять Усть-Медведицкую станицу и Арчеду к 1 июня. «Иногороднее население, - информировал генерал депутатов, - хорошо проученное товарищами и советскими порядками, совершенно изменило свое отношение к нам и стало особенно внимательным и ласковым к казакам»¹⁸. Мамонтову вторил публицист «Донских ведомостей» С.Анненков, мнение которого нужно рассматривать в качестве точного слежка с коллективной оценки происшедшего интеллигентными антибольшевиками из состава Большого Войскового Круга (БВК). «Восстание в северных округах Дона, - вешал он в своей статье, - где не осталось теперь никаких партийных организаций, где нет ни буржуазии, ни интеллигенции (они бежали от террора), где мало даже офицеров-вождей, это восстание простых трудовых казаков, стариков и детей, - есть действительно восстание народа покинутого на самого себя»¹⁹.

Повысившаяся уверенность депутатов Круга позволила им продолжить упражнения в области земельного законодательства. 28 мая утром окружным совещанием (т.е. фракциями) было предложено приступить к обсуждению земельного закона ВВД. Вечером того же дня он уже обсуждался постанетайно. Попутно (30 мая) комиссия разрабатывала законопроекты о вознаграждении бывшим владельцам отчуждаемых земель, а правительство - о наделении землей малоземельных казаков и крестьян.

1 июня закон приняли. Все казачьи земли, юртовые, станичные, хуторские и войсковые запасные, объявлялись «неотъемлемой собственностью» Донской казачьей общины в лице депутатов Большого Круга. Только они имели право варьировать нюансы обладания этими землями: «в пользование или в собственность», «обществам» или «товариществам», а также «отдельным казакам»²⁰.

Крестьянской неотчуждаемой собственностью признавалась наделенная земля донских крестьян, а также вся купленная земля общинами, товариществами и единолично при содействии Крестьянского банка по стольпинским законам 14 июля 1910 г. и 29 мая 1911 г.²¹ Не подлежали отчуждению также земли городов, посадов и местечек, усадебные земли с постройками и огородами, сады (независимо от размеров), земли немцев-колонистов, вопреки царским законам об уничтожении немецкого землевладения в России 1915 и 1916 г.

На правах аренды у Войска могли пользоваться землей в хозяйственных целях владельцы высококультурных имений, бесплатно - монастыри, ведущие хозяйство, а также научные и учебные заведения.

Все остальные земельные площади изымались в Войсковой фонд, с разбивкой на три местности и оставлением, соответственно, в руках одного лица не более 35, 40 и 50 десятин. Все расчеты войсковой казны по вознаграждению бывших землевладельцев за потери приурочивались к 1 сентября 1919 г., а осуществление закона возлагалось на Войсковое и окружные по земельным делам присутствия²².

Легко видеть, что «по букве» долгожданного земельного закона ВВД все виды землевладения и землепользования, существовавшие на Дону до этого, в общем-то сохранились. Зато Круг, как верховный законодатель, удержал за собой мощные экономические рычаги воздействия на все перечисленные группы населения и, в первую очередь, на казачество, которому нельзя было позволить «расслабиться» в антибольшевистской войне.

Интересно также проанализировать июньское Положение донского совета управляющих «о праве на урожай 1918 - 1919 сельскохозяйственного года...», предназначенное к распространению только «на территории, занимавшейся в этом году советской властью» и сравнить его с деникинскими «Правилами о сборе урожая 1919 года», утвержденными Главкомандующим ВСЮР для местностей, находящихся под его управлением.

Если в донском законе правительство, относительно хорошо разбиравшееся в оттенках казачьей и крестьянской психологии, поставило в основу принцип добровольного соглашения при посредничестве органов местного общинного самоуправления или низших сословных судебных инстанций (или мировых судов), то деникинский вариант предусматривал выплату владельцу или арендатору земли (захватчиком) одной трети урожая зерновых и пяти шестых урожая корнеплодов. Если в донском случае урожай на землях крестьян и казаков, ушедших в Красную армию вместе с семьями, обращался в пользу оставшихся одностаничников и односельчан, то весь урожай сахарной свеклы в «Правилах» отходил к владельцу сахарного завода, либо к деникинской администрации. На Дону семья, оставленная красноармейцем на месте, убирала урожай сама. Деникин же вынужден был в своей декларации «О земельном вопросе» специально оговориться о том, что «власть должна не допускать мести и классово-вражды, подчиняя частные интересы благу Государства»²³.

При некотором сходстве содержания приведенных документов следует также признать, что перед нами совершенно различный уровень близости к глубинам традиционалистского общинного сознания, причем донские политики выглядели к ним значительно ближе, нежели деникинцы.

О том же, собственно, но уже с поправкой «на мобилизацию» говорилось и в декларации Войскового Круга, изданной сразу же после принятия земельного закона, утвержденного на принципе, что «земля принадлежит трудящимся на ней». «Круг, - говорилось в документе, - убежден в исключительной политической важности земельной реформы. Он считает недопустимым решение земельного вопроса за пределами Войска в форме возвращения дореволюционных земельных отношений или ликвидации земельных отношений революционного времени в порядке административных штрафов и взысканий»²⁴.

В плохо скрываемом диссонансе с деникинской политикой находились довольно радикальные заявления Круга о государственной автономии «с правом законодательства по вопросам местного значения» и установления «правового порядка, действительно обеспечивающего гражданские свободы, огражденные законом и системой управления». Достаточно многообещающе была сформулирована «задача строительства жизни на местах», «восстановления там нормального правопорядка, основанного на законе, с отменой исключительных положений и восстановлением земского и городского самоуправления»²⁵.

По сути дела, подобный хотя бы даже декларативный радикализм и являл собой «нечто большее», чем мотив «опасности растворения казачества в многократно превосходящем окружении»²⁶, но, думается, именно в этом содержалось стремление левой части донского Войскового Круга учесть уроки ВВД образца 1918 г. и нащупать путь его дальнейшей эволюции в рамках либерально-демократической модели, прежде всего, «в области государственного гражданского строительства»²⁷.

Однако взаимодействие командования ВСЮР и его правительства (Особого совещания) с властями Дона и других казачьих областей вскоре выявилось в форме последовательного лишения последних одной за другой функций государственного управления, т.е. тех самых прав на решение «задач государственного строительства», которые широкоуничтожительно рекламировались для населения в первые месяцы долгожданного «народовластия».

Уже 26 апреля ростовское «Вечернее время» объявило о появлении законопроекта Особого совещания о создании «Совета внешней торговли», куда входили представители от всех трех южных казачьих регионов, но председатель искомого совета должен был назначаться генералом А.И.Деникиным²⁸. Еще до утверждения его Главнокомандующим ВСЮР деникинский генерал В.З.Май-Маевский запретил вывозить сырье с территории, занятой Добровольческой армией, на Дон, мотивируя это тем, что данный товар деникинская военная администрация считает «общегосударственным достоянием» и не может предоставить право распоряжаться им казачьим государственным образованиям. 10 августа правительство ВВД пошло на ответные запретительные меры. Деникинское Особое совещание хотя и согласилось на участие в примирительных совещаниях в Ростове, но заняло на них неуступчивую позицию. Деникинцы объяснили свой диктат необходимостью компенсации полученных через Новоросийск заграничных кредитов и иностранной валюты.

Между тем донцы «упирали» на факт сокращения добычи своего донецкого угля до 11-12 млн. пудов в год при потребности в нем Юга России не менее чем в 20 млн. пудов. Безвольный атаман А.П.Богаевский при этом как всегда спасовал и прокомментировал

Май-Маевский Владимир Зенонович (1867 - 1920), генерал-лейтенант, в 1919 г. командир 3 пехотной дивизии, командующий Донецкой группой войск, командующий Добровольческой армией.

«ошибку Особого совещания» отсутствием на встрече генерала А.И.Деникина. В результате вопрос о товарообмене между Доброармией и ВВД «остался открытым», усугубив экономические трудности последнего²⁹.

Уже 1 мая А.И.Деникин принял к сведению, а 8 августа Особое совещание утвердило «Временное положение о центральном управлении Государственного банка». Под контроль ВСЮР ставились все банковские учреждения Дона, Кубани, Терека и других территорий, находившихся в зоне Добровольческой армии и ее военных «филиалов». В то же время Дон - «обладатель печатного станка», обязан был снабжать своими денежными знаками все антибольшевистские силы Юга России, очистив свое денежное обращение от различных суррогатов: «Займа свободы», всяких купонов и т.п.³⁰.

Весьма раздражали Войсковой Круг выходки чинов Добровольческой армии вроде той, которая имела место 8 мая в Таганроге. Здесь пьяным полковником-деникинцем за неотдание чести были арестованы члены оборонной подкомиссии Круга С.Зотов и И.Бердин. В ответ на напоминание председателя подкомиссии Борисова, прибывшего в деникинскую часть выручать арестованных, о том, что «на территории Всевеликого Войска Донского личность депутатов Круга неприкосновенна», добровольческий капитан Марченко в грубой форме заявил: «Всевеликое (Войско - Ю.Г.) - это и есть Деникин», сопроводив фразу пьяной бранью³¹.

Ростов-на-Дону, вскоре превращенный А.И.Деникиным в одну из постоянных баз своих армий, также слабо ощущал присутствие в городе автономной казачьей власти, которую подавляла «добровольческая» военная администрация³².

Не достался ВВД и Царицын, так упорно штурмовавшийся Донской армией в 1918 году. 17 июня 1919 г. его взяли войска Кавказской армии генерала П.Н.Врангеля, 27 июня назначенного Главным начальствующим Саратовской губернии. 9 июля город перешел в состав северной части Астраханской губернии под номинальное управление Астраханского казачьего войска. Но фактически в Царицыне продолжали распоряжаться деникинцы. До «прибытия гражданских властей» местное управление осуществлял начальник гарнизона, который уже 20 июня своим назначением сформировал городскую управу из шести человек. С назначением гражданским градоначальником графа Гендрикова (28 августа) положение не изменилось: всем продолжали распоряжаться деникинские военные власти³³. Одним из важных политических последствий взятия Царицына, по их мнению, должно было стать то, что «все мелкие федеративные образования поймут свое ничтожество и не замедлят слиться с неделимой Россией»³⁴.

Рабочий вопрос деникинское правительство объявило задачей общегосударственной власти, но приступило к рассмотрению соответствующего законодательства лишь в сентябре. Поскольку обсуждение затягивалось, управляющий отделом внутренних дел ВВД Каклюгин на осенней сессии БВК призвал рассмотреть рабочий вопрос «сейчас же» и в рамках Донского законодательства³⁵. Озабоченность руководителя ведомства ВВД была связана с активизацией профсоюзов Юга России, подвергаемых гонениям со стороны деникинской и донской военной бюрократии. В октябре совет профсоюзов региона (Югпроф) обратился к Кругу с протестом против попыток «поставить профсоюзную деятельность в связь с задачами Советской власти» и просил разрешения иметь на Круге своего представителя³⁶.

Не считались военные власти ВСЮР и с провозглашаемой в казачьих областях свободой печати. «Если печать заражена большевизмом или самостийными тенденциями, - заявил генерал В.З.Май-Маевский, - тогда не может быть никакой пощады»³⁷. Он и другие видные деникинцы вообще стремились к упразднению казачьих правительств, соглашаясь (в лучшем случае) на сохранение полновластных атаманов и народных представительств, полностью ответственных «перед Всероссийским диктатором»³⁸.

В сентябре советник Деникина, К.Н.Соколов, выступая в Кубанской Раде по случаю годовщины смерти основателя Белого движения генерала М.В.Алексеева, уверенно рассуждал на примере деникинского режима, что «демократическая власть может принять и уже приняла форму демократической диктатуры, ибо вышла она из народа, существует для народа, действует через народ»³⁹. И добавлял, что «южнорусская власть будет создана, как только удастся договориться с представителями казачьих областей». Словно бы отвечая на этот «как бы упрек» казачьим политикам в сепаратизме, 19 сентября (ровно через год после полного овладения красновцами Таганрогским округом) с Атаманского дворца в Новочеркасске был спущен флаг Донского государства с заменой его на российский «триколор»⁴⁰.

Таким образом, в сентябре, хотя до создания южнорусской власти было еще далеко, многие созидательные проекты государственных кругов ВВД уже оказались повержены и подчинены

руководству деникинских политиков, которые и сами-то не очень высоко оценивали собственную деятельность по государственному строительству, отличавшуюся «политической безличностью и правительственным безволием»⁴¹.

В то же время законодатели и правительство Дона также не достигали значительных успехов в укреплении «обратной связи» между казачьим и крестьянским народом и институтами политической системы Донской государственности, хотя значительные усилия по данному поводу, разумеется, предпринимались. Так, 14 мая, в речи на открытии Сената, переименованного из «Донского» в «Правительственный», управляющий отделом внутренних дел Каклюгин продемонстрировал достаточно ясное понимание невозможности остановиться на часто декларативных заявлениях об обновлении политического режима ВВД. «Я нахожу, - говорил он, - что наш государственный дом в самых существенных его частях не достроен. Мы возвели крышу, создали законодательный Круг и центральную исполнительную власть государственного характера, фундамента же среднего этажа государственного дома не сделали. Этой недостроенной частью являются органы местного самоуправления, намеченные основными законами Всевеликого войска Донского. Кроме того, Основные законы установили так называемые гражданские свободы. Это декларация прав. Свободы эти должны быть реализованы в определенных законодательных нормах, детально разработанных». Каклюгин заявил также, что при осуществлении основной цели власти - «создания правового государства» - надо «совершенно устранить произвольное и извращенное толкование законов: иначе будет исполняться не воля закона, не воля Войскового Круга, а воля исполнителей»⁴².

Аналогичные воззрения разделял и командующий Донской армией В.И.Сидорин. 17 июня он настаивал на необходимости восстановления гражданской власти на Дону и учета при этом инноваций, привнесенных эпохой революции в сознание граждан ВВД. Постоянной заботой Сидорина стало снабжение армии пропагандистскими материалами⁴³.

Сначала пропагандистские функции на данной территории исполнял отдел пропаганды при деникинском Особом совещании (ОСВАГ). 16 января 1919 г. главой этого ведомства был назначен вышеупомянутый Н.Е.Парамонов. В качестве своих ближайших сотрудников из донских общественных деятелей он пригласил Ф.Д.Крюкова и С.Г.Сватикова. Но вскоре выяснилось, что оба весьма трудно контактировали с военным командованием деникинских частей и «главноначальствующими» над территориями, занятыми ВСЮР. Возникли трения с ними и у самого Парамонова⁴⁴. Поэтому вскоре и Н.Е.Парамонов, и его сотрудники подали в отставку. В качестве «конкурирующей фирмы» с ОСВАГОм на Дону был создан собственный отдел осведомления («Донотос») ⁴⁵. В процессе этой параллельной конкуренции, когда деникинское ведомство старалось ничего не сообщать населению о собственно Донской государственности и ее политике⁴⁶, донские пропагандисты старались эксплуатировать в основном казачью тематику на фоне пока-за событий Гражданской войны в целом. Широко использовались факты расказачивания, как особой формы красного террора, и антисоветских казачьих восстаний в Верхне-Донском и Усть-Медведицком округах⁴⁷. В июле, например, газета «Верхне-Донской край» обратилась к учреждениям и частным лицам с просьбой присылать заметки и статьи о моменте прихода в Верхне-Донской округ красных, об их зверствах и насилиях, о геройстве отдельных лиц и частей в дни восстания доблестных «верхне-донцев»⁴⁸.

Конечно предметом особого внимания донских властей, как объект усиленной политизации массового сознания, являлись воинские части. 31 мая генерал-квартирмейстер штаба Донской армии Г.Я.Кислов в интервью для печати констатировал «резкий перелом настроения казаков в результате террора»⁴⁹. Что же представляло собой по сути это самое настроение?

Некоторую возможность приоткрыть завесу над этим, столь утилитарно понимаемым генералитетом Донской армии «настроением» позволяет доклад деникинскому штаб-офицера для связи с Донской армией, внедренного в ее войска летом 1919 г. Отмечая «значительное улучшение настроения казаков (очевидно по сравнению с январем 1919 г.), он довольно точно фиксировал, что явление сие связано отнюдь не с патриотическим подъемом. На поверхности, таким образом, лежал боевой порыв не только казачьих, но и крестьянских стрелковых частей ВВД, а в глубине - подоплека сиюминутной материальной выгоды от участия в борьбе за «восстановление России». «Разговоры о политике с рядовыми казаками, - отмечал офицер, - только на этой почве и возможны». Появление в полках «идеалистов» - представителей Войскового Круга, не изменяло положения, так как депутаты «парламента» служили для фронтовой массы не более чем информаторами о «текущем моменте». Традиционалистское же сознание перерабатывало данную информацию по-своему. «Грабеж, - продолжал информатор, - служит одним из главных двигателей армии... всякие на-

сильственные меры (по борьбе с ним - Ю.Г.) могут привести к падению настроения казаков, а то и к разложению фронта»⁵⁰.

Непосредственно в станицах самым надежным показателем изживаемости «анархического потенциала» сознания и затухания «традиционалистского взрыва» не только на Дону, но и России в целом служило желание станичников, «уставших морально и физически», «скорейшего окончания войны». В том же Черкасском округе агитаторы отмечали постоянно повторяемую здесь фразу «только бы скорей все это кончилось, только бы какой-нибудь твердый порядок!»⁵¹. То же самое настроение демонстрировало в июле казачье и иногороднее население станиц Богаевской, Аксайской, Константиновской, а также Новочеркаска, Батайска, Азова, жаждавшее «спокойствия и порядка», начинавшее ностальгировать (что также свойственно патерналистским представлениям об историческом процессе) по старым дореволюционным порядкам: «Ах, кабы Царь был жив!»⁵².

Другим следствием усталости казачества от войны и неустойчивости властей стал упадок казацких традиций, кризис старинной культуры, развитие конфликта поколений, несвойственного казачьей общине ранее. Этим был, например, вызван приказ окружного атамана 2 Донского округа от 7 июня. Сетую на «забвение лучших донских традиций нашей общественной и даже семейной жизни», он призывал казачье население округа «сознательно подтянуться от распушенности» и осознать, что «никакая жизнь... невозможна и немыслима без должного уважения и почтительности друг к другу, младших по летам и положению к старикам, и обратно - стариков к молодым»⁵³.

В июле кампанию борьбы за исправление нравов затеял и окружной атаман Верхне-Донского округа, который после объезда станиц вынужден был констатировать «раскол и анархию в жизни», как следствие «владычества большевиков, развративших казачество и пробудивших дурные инстинкты». В результате, по мнению атамана, казаки не желали выполнять распоряжений хуторских и части станичных властей по подводной и другим повинностям. Упадок казачьего самоуправления сопровождался укрывательством станичным и хуторским начальством дезертиров. Особенно слабо порядок поддерживался в станицах Вешенской и Еланской⁵⁴. Вскоре дезертирство приобрело массовый характер и превратилось в настоящий бич Донской армии. Оно носило прямой, но чаще всего скрытый характер, когда казаки, получавшие отпуск с фронта, не торопились туда возвращаться, сговаривались с местными начальствующими лицами, в том числе и за взятку⁵⁵. Аналогичная ситуация сложилась на х. Болдыревском, где в роли укрывателя выступил хуторской атаман⁵⁶. Борьба с дезертирством велась и во 2 Донском округе.

Уже 27 мая Донской атаман А.П.Богаевский издал свой приказ № 840. По содержанию данного документа ответственность за дезертирство возлагалась на семью дезертира, из состава которой приказывалось брать в ряды войск следующего мужчину «независимо от возраста и здоровья». Если же инспектор тылового района указывал на присутствие дезертиров или их поимку в округе какой-либо станицы, хутора или селения, то донская станичная, хуторская или сельская администрация автоматически считалась укрывательницей и пособницей дезертиров и предавалась военно-полевому суду. Предусмотренные меры надлежало «приводить в исполнение немедленно, без всякого отсутствия или послабления, дабы закон не оставался только мертвой буквой, а исполнялся во всей его точности и неуклонности»⁵⁷.

Кроме того трудности с продовольствием для городов заметно усугубились недоразрешенностью аграрного вопроса и проблемами проведения сельскохозяйственных работ в 1919 году. Еще 20 мая на сессии БВК окружные совещания выразили пожелание привлечь к проведению земельного закона в жизнь представителей науки. Завершить все дело предполагалось в течение пяти лет, а для начала - пережевать земли ВВД на квадраты по 96 десятин и расценить нормы наделения «по нормальной десятине средней земли»⁵⁸.

После принятия земельного закона Кругом настроение многих крестьянских сел склонилось в пользу Донской власти. Для июня 1919 г. Донотос отмечал этот факт как характерный в Таганрогском, Ростовском, Донецком округах⁵⁹. Но некоторое время спустя стало выявляться недоверие, связанное как с медлительностью при осуществлении главного закона о земле, так и с несовершенством и в ряде случаев непоследовательностью проведения на практике закона о засевах полей. Частично крестьянское население желало радикализации последнего, вплоть до объявления всей помещицей (частновладельческой) земельной площади войсковой собственностью, чтобы абсолютно все землепользователи не казачьего статуса платили аренду за нее. Тягу к уравнительности подогревала у крестьян боязнь земельной спекуляции и, надо сказать, эти опасения во многом подтвердились. В некоторых селах и слободах богатые землевладельцы, собственность которых должна была подвергнуться частичному отчуждению и обязательной сдаче в аренду под контролем правительственных агентов, сумели запугать местных крестьян слухами

о двойной аренде, а значит и о двойной арендной плате хозяевам земли и казне. Добившись отказа крестьянства от аренды, они после отъезда чиновников отдела землеустройства и земледелия сдали сохранившиеся у них противозаконные излишки земли от своего имени, предельно взвинтив арендную плату. Аналогичную операцию проделали немцы-колонисты села Екатериновки.

Отрицательно воспринимало крестьянство и внезапное изменение формы войсковой аренды. Вместо платы деньгами государство из-за инфляции и острой нужды в стратегическом запасе продовольствия захотело получить ее непосредственно частью урожая. В неплодородных районах плата составляла 2-3 пуда за аренду одной десятины, а в традиционно хлебодородающих - 4-5 пудов. В денежном выражении один пуд зерна в сельской местности стоил примерно 100-200 руб. Спекулянты же порой повышали аренду до 10-12 пудов с десятины⁶⁰.

В итоге неразберихи с арендной платой и слабой оперативности правительственных агентов много земель в ВВД осталось незасеяно. Другими причинами этого стала Гражданская война и постоянные мобилизации, изымавшие рабочие руки из сельского хозяйства, недостаток средств у населения, падеж рабочего скота от эпидемий. Все перечисленное сказывалось и на крестьянском, и на казачьем хозяйстве. Число постоянных арендаторов паевой казачьей земли - крестьян и иногородних - тоже сократилось по всем вышеназванным причинам⁶¹. Наиболее недовольными новыми аграрными порядками и земельным законодательством Войскового Круга оказались крестьяне-помещики, потерявшие часть земли в пользу Войска, и иногородние, по закону наделавшиеся ею в последнюю очередь⁶².

Когда наступила пора сбора считавшегося неплохим, особенно в северных округах, урожая, в разряд главных трудностей донских земледельцев в тылу сразу же выдвинулась нехватка рабочих рук⁶³. Атаман А.П.Богаевский, в конце июня совершивший объезд ряда станиц, предпринял меры по снабжению казачьих хозяйств военнопленными, но в основном советовал привлечь наемных сельскохозяйственных рабочих из соседних губерний и платить им, по требованию, даже не деньгами, а натурой - сеном или хлебом⁶⁴.

Цены на работников действительно впечатляли. Так, обработка (пахота одной десятины) стоила 500 руб. (десятину обычно запахивал один конный работник за 4 дня), а другие полевые работы (косьба, жатва) - 30 руб. в день⁶⁵. Однако немалую часть рабочих оттянула на себя Кубань, где платили больше: мужчинам - 50-110 руб. в день, а женщинам - 25-40 руб.⁶⁶, а продовольствие было в два раза дешевле.

Кроме того донская урожайная зона постоянно находилась в прифронтовой полосе и львиная доля выращенного урожая уходила на снабжение не только Донской, но и деникинской армии. Деникинцы к тому же несли с собой многие архаичные порядки в области поземельных отношений, которые противоречили земельному законодательству ВВД. С июля конфликт на этой почве возник в одном из сел 2 Донского округа, где вернувшиеся с Кавказской армией собственники земли, распаханной и засеянной при советской власти местными крестьянами, потребовали от них платы в размере половины урожая зерновых, а за площадь под картофелем и бахчами - денежное возмещение по 120 руб. за использованную десятину⁶⁷. Такой же конфликт возник в Сальском округе. Жертвой его на этот раз стали семья казаков, находившихся на фронте. «Всеобщее озлобление...», - сообщал агент Донотоса, - усиливают возвращающиеся частные землевладельцы, которые рассчитывают снять весь урожай в свою пользу». При этом большинство местных казаков высказывало «страшное недовольство» зажиточными одностаничниками - крестьянами, которые пользуясь безвыходным по-

Богаевский Африкан Петрович (1872 - 1934), генерал-лейтенант, в 1919 г. атаман войска Донского (преемник П.Н.Краснова).

ложением оставшихся без работника казачьих семей и освобождением от призыва в армию, брали с последних за уборку травы непомерно дорогую плату: за покос трех четвертей десятины - 250-300 руб. Казаки-фронтовики говорили: «Ведь это же петля для нас! Не будет сена, придется продать последнюю коровенку, и семья будет голодать». Более озлобленные были убеждены, что «не было и не будет правды на белом свете; как раньше душили нас деревенские кулаки, так и теперь душат!»⁶⁸.

Иначе говоря, «всенародной» уборки урожая под лозунгами антибольшевистского патриотизма, пропагандируемого законодательными и исполнительными властями ВВД, явно не получилось. Донские станица и деревня по-прежнему пребывали в плену традиционалистской, общинной и архаизированной за годы революции и Гражданской войны собственнической психологии, не позволявшей энтузиастам концепции «народоправства» привлечь народ к участию в построении, провозглашенного на будущее правового государства, хотя кое-что для соблюдения законов, принятых Войсковым Кругом, и предпринималось. В описанном выше случае с непомерными претензиями землевладельцев к крестьянам засевающим во 2 Донском округе, окружное управление выступило на стороне закона, а не «крестьянских помещиков»⁶⁹.

Между тем, закон о сельском, станичном, хуторском и волостном самоуправлении был принят только осенью, а порядок управления округом в середине сентября 1919 г. только еще рассматривался⁷⁰. По-прежнему хуторские и станичные атаманы назначались обычно окружными атаманами и только в отдельных случаях, по постановлению Войскового Круга от 15 мая, предусматривались выборы низшего звена казачьего управления «из лиц непричастных к большевистскому движению»⁷¹.

До конца года оставалось необеспеченным законодательно и городское самоуправление ВВД, хотя уже 28 февраля 1919 г. Круг образовал специальную комиссию по разработке соответствующего закона. В это время органы городского самоуправления юридически стояли перед необходимостью исполнения еще январского 1918 г. приказа П.Н.Краснова начать перевыборы в состав дум, «не дожидаясь истечения срока полномочий гласных, избранных ранее»⁷².

Данный приказ выполнил (и только частично) Новочеркасск, управа которого выделила на избирательную кампанию свыше 17 тыс. рублей из городского бюджета⁷³. Однако выборы не состоялись из-за низкой активности избирателей. Не приняли участие в избирательной кампании и новые центры городского самоуправления, например, Дмитриевск (Калединск), инстипуированный советом управляющих 31 октября 1918 г. на базе жилого массива, прилегающего к железнодорожной ст. Миллерово⁷⁴. Здесь из состава выборщиков в 35 человек явилось на февральское собрание 1919 г. всего десять, и управляющему отделом внутренних дел Каклюгину самому пришлось назначать единственного члена городской управы Обдаева на должность исполняющего делами городского головы⁷⁵. В пригородах Ростова-на-Дону, Батайске и с.Койсуг, тоже не нашлось достаточно активных общественных сил, и роль земских и городских учреждений здесь исполняли волостные правления⁷⁶. Ростовская дума была учреждена лишь в сентябре по инициативе управы во главе с городским головой Н.А. Козловым. Не дожидаясь появления нового закона, ростовчане ходатайствовали перед донским атаманом об организации «некоторого подобия Временной думы» из состава прежних гласных как дореволюционного «цензового», так и «демократического» (1917 г.) самоуправления в количестве 20 человек. К ним добавлялись представители домовладельцев и квартиронанимателей - по 10 человек от группы и представительство от обществ юристов, врачей, инженеров, приказчиков, фабрикантов, заводчиков, Донского университета, Доно-Терского сельскохозяйственного общества и ремесленников по 2 человека от каждого⁷⁷. Надо думать, что и Новочеркасская управа пошла аналогичным путем, так как уже в майском заседании здешнего самоуправления приняли участие 12 гласных Городской думы⁷⁸, хотя по красновскому закону выборы должны были дать 60 новых гласных⁷⁹. Единственную Городскую думу, избранную еще по закону Временного правительства, на территории ВВД имел Таганрог. Если большую часть 1918 года она находилась вне пределов досягаемости красновского правительства, то и в 1919 году ее состав почти не изменился, быстро восстановившись после роспуска П.Н.Красновым. Он по-прежнему делился на партийные фракции, главными из которых являлись кадеты и социал-демократы (меньшевики). Таганрогская дума довольно успешно лавировала между донской и деникинской администрациями в своей повседневной деятельности⁸⁰.

Помимо общего для всех городских самоуправлений антибольшевистского Дона ведения муниципального хозяйства, источники дают возможность установить особенность приоритетных направлений в работе некоторых из них. Так, Новочеркасское самоуправление выглядело чуждым каким бы то ни было увлечениям политикой. Зато упорство «отцов города» в борьбе с

официальными властями буквально за каждый рубль городского бюджета позволяет судить о преданности делу и высокой степени ответственности членов городской управы и помогавших им энтузиастов из среды местной общественности.

Первой же проблемой, на которой сосредоточилась Новочеркасская управа в новом 1919 году, стало переобложение городов Донской области земскими сборами. Местным муниципалам казалось крайне несправедливым «неуравнительное состояние», в котором с 1916 г. пребывала столица ВВД по сравнению с другими городами Дона, а в особенности - с Ростовом. С Новочеркасска власти брали 8 млн. рублей, в то время как ростовчане платили 4 млн. рублей городского налога в год. При этом население Ростова более чем в 2,5 раза превышало новочеркасское (200 тыс. против 77 тыс. человек). Новочеркасск имел 7,02 рублей сбора на душу населения (Ростов всего лишь 3,01 рубль) и платил 34% против 39% ростовских от общей налоговой суммы. Остальные города, естественно, несли еще меньшие расходы: Таганрог - 13,3%, Нахичевань - 5,6%, Александров-Грушевск - 5,5%, Азов - 1,8%⁸¹.

Кроме попытки добиться переобложения земских сборов Новочеркасская управа сосредоточилась на тактике, предусматривавшей, во-первых, введение новых и повышение уже существовавших внутригородских налогов с населения, мотивируя свои действия постоянным ростом земских потребностей и увеличением в связи с этим земских расходов; во-вторых, в основу пополнения городской казны лег постоянный поиск новых льгот и субсидий для муниципального бюджета путем настойчивых апелляций к государственным органам власти⁸². Например, руководителей столичного самоуправления не удовлетворял перечень новых сборов, представленных для взимания в городской бюджет по красновскому городскому Положению, куда входили: канцелярский сбор; сбор с реклам и объявлений; добавочный сбор к государственному подоходному налогу; увеличенный сбор с публичных зрелищ и увеселений; пошлина за взвешивание грузов на городских весах; сбор за содержание собак; сбор с промысловых свидетельств (с 50 до 150 рублей в год при делении промышленных заведений на пять разрядов)⁸³. Уже в начале февраля прокурор Новочеркасской судебной палаты заявил протест по поводу введения нового налога на новочеркасских домовладельцев за ступени, крылечки, балконы, «зонты» (т.е. навесы над крыльцом, выемками). Протест судебных властей был удовлетворен. Не удалось городской управе и незаконно увеличить плату за объявления. На этот раз суд принял сторону управляющего отделом внутренних дел⁸⁴.

Полной удачей завершились просьбы управы о субсидии из войсковой казны на борьбу с эпидемией холеры в августе 1919 г. Государство выделило на это дело 345 тыс. рублей, а город принимал на себя расходы всего в 40 тыс. рублей⁸⁵. Добилось новочеркасское самоуправление и увеличения окладов своим служащим и рабочим на 50% (апрель 1919 г.). В мае, имея в виду обострение продовольственного кризиса, город просил у Донского правительства ссуду в 6 млн. рублей сроком на три года. Кстати цифра эта выглядела весьма скромно, по сравнению с расчетами, представленными управой: согласно им, на три месяца требовалось 225 тыс. пудов муки, что составляло в денежном выражении 15 750 тыс. рублей, а при закупке хлеба на территории ВВД - в два раза больше⁸⁶.

Не оставляла Новочеркасский муниципалитет и мысль о разрешении экономических трудностей своего города коллегиальным порядком, в русле правовых отношений, провозглашенных в начале года Войсковым Кругом. Для этого Новочеркасская управа выдвинула проект создания Экономического союза городов Донской области на основе принципа добровольного вступления. Помимо городов, членами данного Союза по проекту могли стать крупные станичные, волостные и хуторские правления. Союзу придавался статус юридического лица с правом собственности. Высшим распорядительным органом планировался съезд представителей городских управлений. На нем предполагалось формировать исполнительные органы Союза, обсуждать экономико-правовые вопросы, устанавливать размеры ежегодных денежных взносов в общую кассу и т.п. Съезды должны были собираться не менее раза в месяц по инициативе бюро Союза. Бюро в составе председателя, двух членов, двух кандидатов и управляющего делами избиралось съездом на два года. Проект его организаторы хотели сделать обязательным для всех городских самоуправлений, вошедших в названное объединение⁸⁷.

Таганрогская «демократическая» дума в отличие от новочеркасских коллег в большей степени выглядела ориентированной на принятие решений по социально-политическим вопросам. 29 января 1919 г. председатель думы В.М.Бухштаб и городской голова Д.М.Михайлов предприняли шаги к улаживанию конфликта между забастовавшими рабочими и администрацией металлургического завода. В результате удалось добиться соглашения и передачи дела в примирительную камеру, а градоначальник отменил свой первоначальный приказ о предании забастовщиков

военно-полевому суду⁸⁸. В марте таганрогские думцы начали кампанию за включение в черту города рабочих поселков Касперовки и Скарамантовки с целью привлечь к думским выборам как можно больше демократических элементов. 2 декабря названная инициатива увенчалась успехом. По постановлению совета управляющих жители упомянутых рабочих поселков получили все права городских обывателей⁸⁹.

2 апреля на заседании Таганрогской думы разыгрались политические страсти почти в духе бурных дебатов безвозвратно ушедшего 1917 года по поводу судьбы члена управы и председателя городской продовольственной комиссии И.И. Логунова, арестованного контрразведкой Кавказской армии. В столе у арестованного контрразведчики при обыске нашли листовки антиденикинского съезда крестьян Таганрогского округа. Председатель В.М. Бухштаб хотел уклониться от обсуждения этого вопроса под предлогом невозможности вмешательства самоуправления в дела военных властей. Однако социал-демократическая фракция думы отреагировала на такой оппортунизм резким протестом и по призыву своего лидера Лодыженской покинула зал заседания. Потом правда Бухштаб съездил в Екатеринодар и на переговорах с командованием Добровольческой армии достиг соглашения, по которому начальнику Таганрогской контрразведки его начальство предложило официально опровергнуть «допущенное им огульное обвинение членов Таганрогского самоуправления во враждебном отношении к Добровольческой армии». Логунова же обещали освободить под личное поручительство председателя Городской думы⁹⁰.

Недовольство «левой» репутацией Таганрогской думы со стороны властей ВВД проявилось в конце мая, когда управляющий отделом внутренних дел усмотрел в ведении ей городского хозяйства «крупные дефекты». При ближайшем же рассмотрении оказалось, что дефекты эти сводились к содержанию речи В.М. Бухштаба, который «связал продовольственный вопрос с политикой и критиковал действия правительства»⁹¹.

Хозяйственными делами таганрогское самоуправление тоже разумеется занималось. Так, уже в июне 1919 г. городской комиссии по снабжению населения топливом удалось заранее обеспечить им город на предстоящую зиму 1919/20 гг. Кроме того, местные управа и дума в течение первых двух лет Гражданской войны поддерживали материально окружную суд, казенные учебные заведения, а также благотворительные учреждения и бюджетные организации. Немалым бременем на Таганрогском муниципалитете лежала военная квартирная повинность. В мае один из здешних работников отмечал: «Служащие управы с утра до вечера ходят по городу, отводя помещения войсковым частям». На благоустройство этих помещений к названному времени было израсходовано из городской казны 300 тыс. рублей, которые никто возмещать и не думал⁹².

Общие проблемы местного хозяйства Дона способствовали созыву городского съезда области, состоявшегося 6-7 июля в Ростове. В нем приняли участие представители пяти городов. Общий смысл рассуждений выступавших на нем деятелей и специалистов по самоуправлению сводился к стремлению увеличения внутригородского налогообложения и переложения части городских расходов на государственную казну. В аргументации особой необходимости последнего таганрогский голова Д.М. Михайлов даже сослался на опыт большевистского правительства, которое «разрушая городское хозяйство, покрывает его расходы, благодаря чему долги северных городов не растут», а ростовский голова Н.А. Козлов вместо переложения долгов южных самоуправлений на северные в постбольшевистской России уточнил, что часть дефицита долгов периода Гражданской войны должна быть оплачена вообще «будущими поколениями». Собрание осудило законы ВВД о содержании средних учебных заведений за счет муниципальных бюджетов и повышении заработной платы учителям за счет городов. В целом же участники решили требовать: а). расширения прав в обложении налогами городского населения; б). увеличения надбавок к государственным налогам в пользу городов; в). передачи части государственного налогообложения городским самоуправлением безраздельно; г). привлечения земства к более широкому участию в лечебных, учебных и дорожных расходах городов; д). освобождения городов от расходов по расквартированию войск, стражи и борьбе с эпидемиями; е). предоставления городам долгосрочных ссуд и займов для покрытия дефицита финансового баланса и получения оборотных средств⁹³.

Экономический союз городов Донской области можно было считать учрежденным. Некоторые участники съезда, например та же Таганрогская дума, 13 августа даже постановили внести в его складочный капитал 200 тыс. рублей. Однако продолжения начатое дело не получило. Уже в октябре признаки деформации хрупкого организма городского хозяйства стали ощущаться все явственнее. 19 октября нахичеванский городской голова А.Х. Закиев докладывал Войсковому Кругу о громадной задолженности города в 5 млн. рублей и дефиците бюджета в 0,5 млн. рублей,

в результате чего пришлось отказаться от ряда работ по благоустройству, продовольствованию и культурно-просветительным нуждам населения⁹⁴. Каждое городское самоуправление ВВД продолжало оставаться один на один с хозяйственными трудностями военного времени и действовать в неопределенных законодательных рамках вплоть до конца года.

Таганрогской же думе с 18 декабря и вплоть до вступления в город 24 декабря 1919 г. красных пришлось заниматься традиционно несвойственными ей полицейскими функциями по охране имущества и населения «в виду ухода из города властей». Меры, последовавшие вслед за этим, заключались в создании специальной комиссии из восьми гласных, объявлении управой комендантского часа с семи вечера и до пяти утра, организации дружины самообороны и «чистке» местной тюрьмы. Думская комиссия выпустила на свободу 272 политических заключенных, оставив в камерах 98 уголовников. Винтовками и патронами, полученными от уходившего в отступление окружного атамана, были вооружены рабочие, выделенные советом профсоюзов. Совместными усилиями этого органа и городского муниципалитета уже 19 декабря все грабежи в городе оказались прекращены, а на следующий день удалось водворить спокойствие и в порту, изолировав от толпы значительные запасы спирта⁹⁵.

Общая оценка роли городского самоуправления ВВД в 1919 году, разумеется, не может быть исчерпана «двумя словами», а требует комплексного осмысления.

Во-первых, самоуправленческий механизм антибольшевистского Дона в названное время отнюдь не вышел за пределы статуса, определявшегося на практике смешением черт «государственной» и «хозяйственной» теорий самоуправления - преимущественной основой муниципального устройства еще дореволюционной России⁹⁶. Если первая из них предусматривала разделение труда между государством и органами самоуправления, чреватое перманентным вмешательством в процесс организации муниципалитетов и требованием от них принудительно-повинностной отдачи, то проявление второй видится в установлении сохранившимися думами и управами внутригородских налогов и обеспечении названными органами повседневных насущных нужд городского населения.

Две отмеченные тенденции продолжали существовать в сфере самоуправления ВВД как до, так и после ухода П.Н.Краснова с атаманского поста и заявок Войскового Круга на демократизацию донского режима. Надо сказать, что муниципалитеты его, по сравнению с низовыми структурами советов в большевистской России, находились в условиях относительно большей свободы от диктатора и бюрократического контроля «сверху». Проблема квалифицированных кадров не выглядела в городах Дона столь же острой, как, допустим, в петроградских советских учреждениях районного звена, сотрудники которых без конца подвергались различного рода мобилизациям. Не существовало у антибольшевиков и полного подавления финансовой автономии городского самоуправления во второй половине 1918 - 1919 гг. Далеко не в той мере как по другую сторону фронта в отношении низовых советов осуществлялись в ВВД попытки централизованного ведомственного руководства комиссиями и отделами городских дум и управ⁹⁷. Гораздо мягче на Дону, чем например в колчаковской Сибири, выглядел произвол военных по отношению к местному самоуправлению. Случаев хулиганского избиения офицерами председателей городских или земских управ, имевших место в «Колчакии»⁹⁸, на Дону не было.

Во-вторых, городское самоуправление ВВД, представлявшее собой осколочный эмбрион модернизационного пути развития российского общества в направлении расширенного воспроизводства гражданской свободы, начиная с эпохи великих реформ 60-70-х гг. XIX в., и, отчасти, свободы политической (в качестве реликта временного периода февраля-сентября 1917 г.), в данных качествах являлась самым перспективным учреждением в плане «народоправческих» деклараций Войскового Круга в 1919 году. Однако как форма самоорганизации повседневной жизни населения городское самоуправление Дона явно нуждалось в более прочном и адекватном провозглашенным политическим целям законодательном оформлении, связывающем жизнь муниципалитетов, с одной стороны, с остальными элементами политической системы режима, а с другой, с иными социально-правовыми обязанностями, составлявшими социальную основу системы донской государственности. Ни того, ни другого в достаточной для стабилизации власти и движения донского общества к правовому государству мере не получилось. Прочной законодательной опорой городское самоуправление Дона на протяжении всего 1919 года так и не обрело, не говоря уж об очередной неудачной попытке восстановить здесь бессословное земство, как опосредующее звено между властными структурами ВВД и сельским (казачьим и крестьянским) населением.

В результате противоречие между городом и деревней (станцией) если не ликвидировать, то хотя бы слегка сгладить не удалось. Они, по-прежнему оставались политическими изолянтами

по отношению друг к другу. Между тем, проблема политической социализации, т.е. приспособления донской «конституции» и идеала правового государства к массовой политической культуре оставалась открытой, что отнюдь не способствовало сплоченности и прочности государственного организма ВВД. В конечном счете можно заключить, что главные институты власти этого политического режима так и не смогли обеспечить себе реального проникновения во все сферы общества. Благодаря этому сам образ правового государства, рожденный сознанием нескольких поколений российских интеллигентов и принимаемый донскими политиками 1919 года за программу, подлежащую осуществлению в жизнь, оказался без духовной основы.

При этом, субъективно, власть не могла не стремиться к гармонии внутридонских отношений по преодолению кризиса взаимоотношений с народом, постепенно, но неуклонно нараставшего после кратковременной эйфории крестьянства от самого факта попыток Круга пересмотреть земельные отношения на Дону; казачества, ожидавшего гораздо больших социальных льгот и прекращения военных действий на территории Донской области; рабочих, надеявшихся на быстрое решение своих проблем; городских обывателей, мечтавших о прочных гарантиях стабильности повседневного существования. Но методы, применявшиеся при этом вдохновителями и реализаторами курса внутренней политики ВВД, неоправданно часто грешили слабой эффективностью, так как сводились либо к уговорам, либо к акциям устранительно-принудительного характера. Именно такой была ознакомительно-пропагандистская поездка атамана А.П.Богаевского, в конце июля посетившего вместе с видным деятелем Круга Б.Н.Улановым станицы и хутора Сальского, 2 Донского и Донецкого округов. Повсюду они убеждали казаков поддержать Круг и правительство⁹⁹. В сентябре атаман с формулировкой «навсегда» распорядился закрыть новочеркасскую газету «Дон», позволившую себе критику Войскового Круга за содержание принятого земельного закона и совета управляющих за медленное проведение его в жизнь¹⁰⁰.

Как известно, стабильность власти в переходные периоды в немалой степени зависит от состояния финансов и экономики государства. Конец 1919 года застал финансовую систему ВВД в положении стагнации. Продолжали усиливаться и инфляционные процессы. 16 апреля Войсковое правительство объявило 5%-е краткосрочные обязательства государства имеющими хождение внутри Донской области наравне с денежными кредитными знаками¹⁰¹. К августу, однако, печатный станок выбросил в обращение на территории ВСЮР кредитных билетов еще на сумму в 1 млрд. рублей¹⁰². К 30 октября дефицит бюджета исчислялся уже в 7 201 млн. рублей, а чрезвычайные расходы в 400 раз превысили запланированные. Работа по выпуску денежных знаков велась в это время уже в три смены, причем из 9 402 млн. рублей 5 108 млн. рублей пришлось отдать Деникину, Кубани и Тереку¹⁰³. Между тем армейское жалование как для рядовых бойцов, так и для офицеров, по сравнению с красновским периодом повысилось всего на 13-14%¹⁰⁴. Попытки совета управляющих выйти из тяжелой финансовой ситуации путем перераспределения средств между различными подразделениями государственного хозяйства в пользу государственной казны в целом оказались недостаточными. Только отчасти, и то в очень ничтожной степени, позволили сократить разницу доходов и расходов некоторые меры по налоговой политике. Более 5,5 млн. рублей с января по октябрь 1919 г. дала сахарная монополия¹⁰⁵. Кое-что принесло сдерживание «финансовой инициативы» городов, пытавшихся установить новые налоги на городское население в свою пользу¹⁰⁶ и субсидировавшихся государством по остаточному принципу. Но в общем целый ряд направлений социального обеспечения, намеченный властями ВВД в начале года, например кампания по восстановлению сожженных и разоренных Гражданской войной поселений, оказался проваленным¹⁰⁷.

То же самое случилось и с кооперативной политикой, поначалу задуманной в качестве одной из основных составляющих общегосударственного дела. Кооперативы Дона должны были заниматься исполнением закона о натуральной хлебной повинности в тесном единении с административными органами и военными властями, а также снабжением городов, поселков и округов товарами первой необходимости - солью, топливом, горюче-смазочными материалами, мануфактурой, галантереей и т.п. За это они получали от правительства кредиты и имели право на комиссионные¹⁰⁸. Но деятельность кооперативов, даже самых крупных и авторитетных, никогда не достигала результатов, ожидаемых советом управляющих и Кругом. В сентябре донская пресса констатировала, что «Докат» (Донской комитет акционерных товариществ) вот уже три месяца почти без всякого эффекта возится с закупкой товаров из-за границы, а пока скупает мануфактуру мелкими партиями у ростовских «коммерсантов и посредников»¹⁰⁹. Подобный механизм снабжения по-существу исключал последовательное выполнение закона о злостной спекуляции, принятого Кругом 1 июня 1919 г. Меры наказания за его нарушение (военно-полевой суд,

розги или смертная казнь с конфискацией имущества, штраф до 10 тыс. рублей или арест от 7 дней до 3-х месяцев - за нарушение обязательных постановлений о правилах торговли)¹¹⁰ в большинстве случаев остались только на бумаге. Не изменилось положение и в октябре, хотя Каклюгин с гордостью докладывал Кругу об «успехах «Доката», закупившего мануфактуры всего на 2 млн. рублей. Закупка еще на 150 млн. рублей при этом только «ожидалась»¹¹¹.

В «глубинке» кооперативное снабжение тоже осуществлялось лишь от случая к случаю и далеко не в полном ассортименте необходимых товаров. Так, во 2 Донском округе слободы и хутора смогли воспользоваться удачной оказией только однажды - в начале июля местная сеть кредитных товариществ сумела добыть и скопить для продажи казачьему и крестьянскому населению некоторое количество соли. Торги велись в окружной станице Нижне-Чирской по 30 рублей за пуд¹¹². В целом вся кооперативная система ВВД страдала незавершенностью. Только к концу 1919 г. власти попытались создать шестое отделение отдела финансов по делам кооперативов, но и эта затея, предпринятая с запозданием, не получила должного организационного оформления¹¹³.

Гораздо сложнее обстояло дело со снабжением продукцией нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, которой ВВД не располагала. Заявки станиц и волостей на нефть, керосин, бензин, смазочные материалы и т.п. почти не удовлетворялись¹¹⁴, хотя данная отрасль снабжения была выведена из сферы кооперативной компетенции и названные товары подлежали централизованному распределению. Совсем или почти ничего для Дона в этом смысле не мог выделить Царицын, на который еще в 1918 году возлагались большие надежды П.Н.Красновым. Все запасы жидкого топлива и смазочных масел, уцелевшие здесь в 1919 году, «съедались» Кавказской армией П.Н.Врангеля, чей тыл сам начальник деникинского штаба генерал И.П.Романовский в сентябре признавал более «бедным относительно тылов Донской и Добровольческой армий». Смазочные масла, например, врангелевские снабженцы вынуждены были закупать через частных агентов на Кубани и Тереке¹¹⁵, а в декабре в белом Царицыне, как свидетельствовал начальник управления военных сообщений Кавказской армии генерал П.С.Махров, «керосин был дороже золота, и в обмен на него на станицах добывали все: баранину, свинину, домашнюю птицу, хлеб и другие продукты»¹¹⁶. Кроме того, поставки нефти с Северного Кавказа, занятого в начале года деникинскими войсками, вскоре значительно уменьшились из-за значительного свертывания нефтедобычи и транспортировки нефти с Грозненских промыслов, последовавших ввиду саботажа нефтепромышленников и недостатка подвижного состава у Владикавказской железной дороги¹¹⁷.

Добыча же угля в Донецком бассейне постоянно сокращалась. Поэтому не только населению, но и железнодорожному хозяйству ВВД хронически не хватало топлива. Деорганизации транспорта способствовали и внеплановые военные перевозки. Результатом было то, что уже в августе поезда приходили к пунктам назначения (по контрасту с налаженным железнодорожным расписанием при П.Н.Краснове) с опозданием на несколько часов¹¹⁸.

Подводя итог, можно сказать, что на исходе 1919 года государственная жизнь антибольшевистского Дона вступила в полосу глубокого системного кризиса. Все его элементы оказались тесно взаимосвязаны. Переплетению проблем экономики и управления неизбежно сопутствовал кризис идентичности режима ВВД, безнадежно запутавшегося в противоречиях между задачами сословной государственности и правового государства, провозглашенного левыми идеологами Войскового Круга в начале 1919 года. Присутствие Дона в составе деникинских Вооруженных сил Юга России отнюдь не способствовало гармонии в достижении поставленных целей. Напротив, узость и сущностная бессодержательность лозунга «великой и единой России», эгоистический утилитаризм деникинское командование по отношению к донской и другим казачьим автономиям вызвал отрыв Донской армии от ее станичной базы и управленческих институтов государственности. Превращение экономики Дона в источник военного снабжения для антибольшевистских сил вызвало ее ускоришийся разлад, а местное городское самоуправление (слабый росток гражданского общества) оставалось в положении ограниченного в правах и брошенного на произвол судьбы института. В подобных условиях эксперимент государственного строительства на Дону был обречен на неудачу, что в конечном счете дополнило трагедию казачества в ходе Гражданской войны.

---

¹ Приазовский край (Ростов-на-Дону). - 1919. - 14 янв.

² Там же.

³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 103. Л. 48, 71.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 9. Л. 107.

- ⁶ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.100.Л.32.
- ⁷ Там же. Л.13.
- ⁸ Приазовский край. -1919. -26 янв.; Добрынин В. Дон в борьбе с коммуной. На Донце и Маныче: февраль-май 1919. -Прага.1922. -С.27.
- ⁹ РГВА. Ф.39457.Оп.1.Д.164.Л.92,102; Ф.39540.Оп.1.Д.56.Л.26.
- ¹⁰ РГВА. Ф.39457.Оп.1.Д.164.Л.251,600.
- ¹¹ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.54.
- ¹² См., напр.: Купрянин Г.Л. Кризисы модернизации // Кентавр. -1994. -№ 3. -С.145,149.
- ¹³ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.165; Донские ведомости (Новочеркасск). -1919. -25 мая; Добрынин В. Дон в борьбе... -С.39-40.
- ¹⁴ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.124,130,168,275.
- ¹⁵ Там же. Л.146,178,282.
- ¹⁶ Там же. Приложения. Л.9-12.
- ¹⁷ Там же. Л.350.
- ¹⁸ Там же. Л.383.
- ¹⁹ Донские ведомости. -1919. -7 июня.
- ²⁰ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.6611.Оп.1.Д.7.Л.61.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л.62, 63,64-65; Приложения к журналам заседаний Войскового Круга ВВД. -Б/м,1919. -С.119.
- ²³ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.7.Л.40,75.
- ²⁴ Там же. Л.49.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Федюк В.П. Деникинская диктатура и ее крах. -Ярославль.1990. -С.426.
- ²⁷ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.8.Л.1.
- ²⁸ Вечернее время (Ростов-на-Дону). -1919. -26 февр.
- ²⁹ Приазовский край. -1919. -24 окт.
- ³⁰ ГАРО. Ф.857.Оп.1.Д.1.Л.41-42,57; Д.22. Л.308.
- ³¹ РГВА. Ф.39540.Оп.1.Д.9.Л.131-132.
- ³² Там же. Д.156.Л.1.
- ³³ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.1.Л.1,3; Д.6.Л.5; Неделимая Россия (Царицын). -1919. -19, 20 июня; Голос Руси (Царицын). -1919. -20 июня.
- ³⁴ Неделимая Россия. -1919. -22 июня.
- ³⁵ Приазовский край. -1919. -6 сент., 31 окт.
- ³⁶ Приазовский край. -1919. -18 нояб.
- ³⁷ Приазовский край. -1919. -27 авг.
- ³⁸ Донские ведомости. -1918. -23 нояб.
- ³⁹ Вечернее время. -1919. -26 сент.
- ⁴⁰ Вечернее время. -1919. -25 сент.
- ⁴¹ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина// Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. -М., 1992. -С.162 и др.
- ⁴² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.452.Оп.1.Д.35.Л.78.
- ⁴³ РГВА. Ф.39540.Оп.1.Д.9.Л.161,162.
- ⁴⁴ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. -С.91-92.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.25.Л.9.
- ⁴⁷ Север Дона (Усть-Медведицкая). -1919. -4, 24 июля; Верхне-Донской край (Весиенская). - 1919. - 28 июня, 10 июля; и др.
- ⁴⁸ Верхне-Донской край. -1919. -10 июля.
- ⁴⁹ РГВА. Ф.39540.Оп.1.Д.9.Л.108.
- ⁵⁰ Там же. Л.367,370.
- ⁵¹ Там же. Л.26.
- ⁵² РГВА. Ф.39450.Оп.1.Д.156.Л.1.
- ⁵³ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.8.Л.7.
- ⁵⁴ Верхне-Донской край. -1919. -17 июля.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.25.Л.1.
- ⁵⁶ Там же. Д.31.Л.4; Д.35.Л.7.
- ⁵⁷ ГАВО. Ф.6611.Д.8.Л.38.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.35.Л.7-8; ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.353.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.14.Л.3,5,16,18,31.
- ⁶⁰ Там же. Л.31, 33,40; ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.7.Л.33.
- ⁶¹ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.7.Л.33.
- ⁶² Там же. Л.39,40.
- ⁶³ Там же. Д.8.Л.9; Север Дона. -1919. - 24 июля.
- ⁶⁴ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.8.Л.46.

- ⁶⁵ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.31.Л.24.
⁶⁶ Станичник (Екатеринодар). -1919. -18 июля.
⁶⁷ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.7.Л.44.
⁶⁸ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.19.Л.12.
⁶⁹ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.7.Л.45.
⁷⁰ Приазовский край. -1919. -31 окт.
⁷¹ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.337.
⁷² Там же. Д.80.Л.1.
⁷³ ГАРО. Ф.835.Оп.1.Д.54.Л.3,13.
⁷⁴ ГАРО. Ф.860.Оп.1.Д.79.Л.8,16-17.
⁷⁵ Донские ведомости. -1919. -26 февр.
⁷⁶ ГАРФ. Ф.452.Оп.1.Д.35.Л.4.
⁷⁷ Вечернее время. -1919. -7,24 сент.
⁷⁸ ГАРО. Ф.835.Оп.1.Д.54.Л.10.
⁷⁹ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.80.Л.4.
⁸⁰ ГАРО. Ф.580.Оп.2.Д.10.Л.66; Вечернее время. -1919. -7 сент.
⁸¹ ГАРО. Ф.835.Оп.1.Д.54.Л.13,18,19.
⁸² Там же. Л.22.
⁸³ Там же. Л.29-30.
⁸⁴ Там же. Л.51,53,65-66.
⁸⁵ Там же. Л.26.
⁸⁶ Там же. Л.145.
⁸⁷ Там же. Л.34-35.
⁸⁸ ГАРО. Ф.580.Оп.2.Д.10.Л.20.
⁸⁹ Там же. Л.107,143.
⁹⁰ Там же. Л.46,47,49.
⁹¹ Там же. Л.67.
⁹² Там же. Л.59,62.
⁹³ Там же. Л.70-71,72,73.
⁹⁴ Приазовский край. -1919. -2 нояб.
⁹⁵ ГАРО. Ф.580.Оп.2.Д.10.Л.109,113-114,117.
⁹⁶ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. -СПб.,1910. -Т.II. -С.40-41,42-44.
⁹⁷ Рабинович А. Петроградский совет первого городского района в период Гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. -М.,1994. -С.186-187,189-190.
⁹⁸ См.: Сибирь в период Гражданской войны. -Кемерово,1995. -С.88.
⁹⁹ Приазовский край -1919. -19 авг.
¹⁰⁰ Вечернее время. -1919. -20 сент.
¹⁰¹ Вечернее время. -1919. -1 мая.
¹⁰² Приазовский край. -1919. -17 авг.
¹⁰³ Приазовский край. -1919. -13 нояб.
¹⁰⁴ См.: ГАРФ. Ф.103.Оп.1.Д.1.Л.11; ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.14.
¹⁰⁵ ГАРО. Ф.857.Оп.1.Д.151.Л.19,31.
¹⁰⁶ ГАРО. Ф.835.Оп.2.Д.54.Л.53,65-66.
¹⁰⁷ Приазовский край. -1919. -19 авг.
¹⁰⁸ Вечернее время. -1919. -25 сент.
¹⁰⁹ Приазовский край. -1919. -17 сент.
¹¹⁰ ГАРО. Ф.861.Оп.1.Д.103.Л.109.
¹¹¹ Приазовский край. -1919. -31 окт.
¹¹² ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.8.Л.62.
¹¹³ ГАРО. Ф.857.Оп.1.Д.151.Л.37.
¹¹⁴ ГАВО. Ф.6611.Оп.1.Д.8.Л.37.
¹¹⁵ Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. -М., 1992. -Ч.1. -С.361,363.
¹¹⁶ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. -СПб.,1994. -С.109.
¹¹⁷ РГВА. Ф.39540.Оп.1.Д.184.Л.3.
¹¹⁸ Приазовский край. -1919. -19 авг.
-

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЛОГО ВРЕМЕННОГО ПРИАМУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1921-1922 гг.)

В 1921-1922 гг. только на Дальнем Востоке России сохранялись Белые режимы. В отечественной литературе достаточно подробно проанализирована история становления и поражения последних антибольшевистских правительств в регионе. Вместе с тем их экономическая политика еще не стала предметом научного исследования.

В данной статье авторы ставят перед собой задачу осветить экономическую политику Временного Приамурского правительства (ВПП) в период его существования, т.е. с антибольшевистского переворота 26 мая 1921 г. по 8 августа 1922 г., когда оно сложилось полностью и передало власть монархисту-самодержавнику М.К.Дитерихсу. Авторы стремились показать попытки Временного Приамурского правительства создать в Приморье либерально-рыночную экономику, отразить источники формирования бюджета, причины его огромного дефицита и катастрофического положения в финансовой области, рассмотреть экспортную политику властей, превратившуюся в расхищение национальных богатств Дальнего Востока в условиях японской интервенции.

В начале 1921 г. в Приморье возникла уникальная по сложности политическая обстановка. В конце 1920 г. под давлением левых сил Временное правительство Приморской земской управы было распущено и в крае было сформировано областное управление Дальневосточной республики (ДВР) во главе с большевиком В.Г.Антоновым. В то же время на юге области, в низовьях Амура и на Северном Сахалине оставались японские войска. Продолжавшаяся интервенция была самой главной политической проблемой ДВР. 4-6 апреля 1920 г. интервенты нанесли внезапно удар по революционным войскам и партизанам Приморья и серьезно ослабили их. Однако японское командование из-за протестов общественности, невозможности найти марионеток из местных белогвардейцев для проведения своей политики, из-за позиции Советской России и США объявило «нейтралитет». Однако интервенты навязали российским краевым властям униженный договор о так называемой «нейтральной зоне» от 29 апреля 1920 г.¹

Ситуация осложнялась еще и тем, что в конце 1920 - начале 1921 гг. в Приморье по КВЖД прибыли остатки семеновских и каппелевских войск (Дальневосточная армия), которые в октябре-ноябре 1920 г. потерпели поражение в Забайкалье от Народно-революционной армии ДВР. Их численность (вместе с беженцами) по самым различным данным составляла от 18 до 25 тыс. человек. Власти края не имели сил противостоять этому потоку, тем более, что Белые войска в Приморье усиленно проталкивали союзные державы. Удалось только разоружить прибывшие части и заставить их снять погоны. С начала 1921 г. Белые формирования, сохранив свою структуру, стали усиленно готовиться к захвату власти в Приморье. Им помогали интервенты и местные несоциалистические организации. В марте 1921 г. во Владивостоке состоялся Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, на который съехались представители 51 организации прокадетской ориентации. В резолюции съезда, принятой 27 марта, ставились задачи борьбы за унитарное государство, Всероссийское Учредительное собрание нового состава, создание рыночной экономики, формирование боеспособной армии. Съезд поддержал идею столыпинского аграрного устройства. В резолюции было уделено внимание «...бережному отношению к имущественным интересам населения, реализации духовно-религиозных нужд народа» и т.д. Съезд, по сути дела, сконструировал теоретическую модель либерально-демократического общества. В основе этой модели лежала скорректированная кадетская программа. В ней не звучали мотивы военной диктатуры, ослаблялась идея «непредрешения», которые были столь характерны для Белого движения в 1918-1920 гг. Общий рефрен постановлений съезда состоял в мысли о возврате «к завоеваниям февраля 1917 г.»².

В конце марта 1921 г., то есть сразу после съезда, белые офицеры совершили попытку переворота в Приморье, но большевики быстро подавили это выступление. Оно было плохо подготовлено и не поддержано японцами. В историю это событие вошло как мартовский 1921 г. «недоворот». Попытка офицеров синхронизировать переворот во Владивостоке с Кронштадтским выступлением в Петрограде и крестьянскими восстаниями в центре страны и в Сибири не удалась.

26 мая 1921 г. составленный из каппелевских и семеновских офицеров «Национально-революционный комитет», которым руководил генерал Лебедев, с помощью японских интервентов

сверг Приморское большевистское областное управление. В ходе переворота «Национально-революционный комитет» передал всю полноту власти совету Съезда неосоциалистических организаций Дальнего Востока. В день переворота совет обратился к русскому населению Владивостока с заявлением, что в своей временной государственной деятельности он будет руководствоваться началами, провозглашенными в резолюциях съезда его избравшего. Совет объявил себя Временным Приамурским правительством (ВПП), в которое вошли пять человек, т.е. все его члены: С.Д.Меркулов (председатель), И.И.Еремеев, А.Я.Макаревич, Е.М.Адерсон, Н.Д.Меркулов.

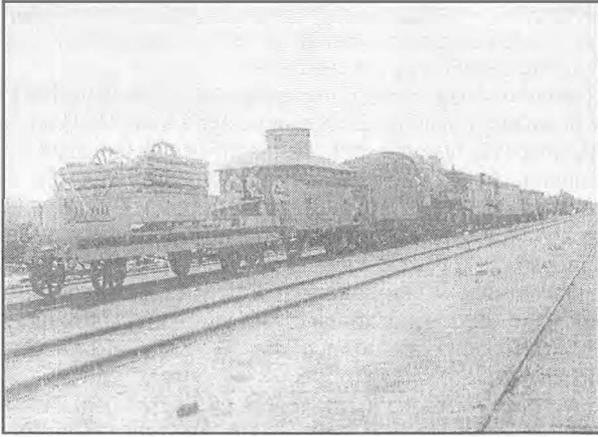
Новое правительство стало создавать аппарат исполнительно-распорядительной власти, в который вошли ведомства, управлявшие экономикой, в том числе ведомство торговли и промышленности, управление путей сообщения, таможня, управление финансово-экономической частью, госконтроль. 16 июня был учрежден главный исполнительно-распорядительный орган ВПП - совет управляющих ведомствами (СУВ), который иногда называли совмином, а его председателя - премьер-министром. Первым председателем СУВ стал бывший казанский журналист и работник колчаковского Русского бюро печати В.Ф.Иванов. На посты управляющих ведомствами были назначены бывшие белые администраторы Н.Витковский, В.П.Разумов, В.С.Колесников, Б.В.Данилевич и другие.

Приамурское Народное собрание, как законодательный орган власти в области, имело весьма ограниченные права³. Оно избиралось только на один год и имело лишь право законодательной инициативы, утверждения бюджета, налогов, займов, размера эмиссии и международных договоров. Оно не могло сместить ни ВПП, ни СУВ, а законы, им принятые, вступали в силу только после подписания их правительством. Само же правительство имело право законодательной деятельности и инициативы, назначения и смещения СУВ, а также роспуска Народного собрания. Вот почему ни о каком реальном разделении властей в Белом Приморье не могло быть и речи. Влияние Народного собрания, в силу этого, на разработку и проведение экономической политики в области было минимальным.

ВПП же сделало ставку на широкие рыночные отношения при минимальном государственном регулировании и провозгласило частную собственность неприкосновенной. В этот период и в ДВР существовал институт частной собственности, а частному предпринимательству была предоставлена свобода действий в рамках госкапитализма.

Еще до октября 1917 г. на Дальнем Востоке существовали крупные казенные предприятия. Ими были Уссурийская железная дорога, Сучанские каменноугольные копи, Дальсудоремзавод и др. Характерно, что и после 1917 г. в Приморье не проводилась денационализация. К частным относились золотодобыча, вылов рыбы, промысел морского зверя и некоторые другие отрасли. Ведущие позиции местный капитал занимал в посреднической сфере. В декларации ВПП, которую зачитал 26 июля 1921 г. в Народном собрании и.о.председателя СУВ В.С.Колесников, говорилось о бедственном положении экономики области и способах пополнения бюджета. За два месяца после переворота в казне образовался дефицит в более чем 260 тыс. зол. рублей. Неотложные платежи в виде заработной платы рабочим и служащим, а также кредиты на развитие производства требовали 2,5 млн. рублей. На содержание госаппарата было выплачено более 1,6 млн. рублей, другие платежи составили еще около 350 тыс. рублей. Ни остаток средств от большевистского облуправления, ни поступления от налогов не смогли перекрыть эти суммы⁴.

Для получения средств ВПП планировало заключить договоры об иностранных займах, получить доходы от сдачи в аренду и концессии природных богатств. Одновременно предлагалось сократить аппарат государственных служащих при совершенствовании налоговой системы. Правительство надеялось, что раскрепощение депонированных колчаковских счетов за границей может дать более 67 млн. зол. рублей⁵. Оно рассчитывало на оплату счетов за ввоз и вывоз грузов, а также за перевозку войск через Владивосток в 1918-1920 гг. командованием союзных армий. Особенно большие трудности в связи с перевозкой интервенционистских сил испытывала Уссурийская железная дорога. Ее коммерческий грузооборот в годы Гражданской войны сократился до минимума. Средств не хватало не только для ремонта дороги, но и для выплаты жалования рабочим и служащим. Поэтому дополнительные неоплаченные людские перевозки были для дороги непосильным бременем. На 1 сентября 1921 г. задолженность союзного командования Уссурийской железной дороге составила 1,6 млн. рублей, что равнялось месячному бюджету всей Приморской области. Попытка администрации дороги и правительства апеллировать к бюро Международного союзного совета во Владивостоке не возымела действия. Аналогичная ситуация сложилась и с долгами Владивостокскому порту. В октябре 1921 г. при отъезде представителя меркуловского правительства В.С.Колесникова на Вашингтонскую конференцию ему было вручено специальное письмо, в котором перечислялись долги союзного командования за невыплату таможен-

Японский бронепоезд на одной из станций Уссурийской железной дороги.

В местной печати говорилось о различных суммах претензий за неуплату по перевозкам войск, грузов, вооружения, таможенных сборов и других выплат союзным командованием (от 38 до 75 млн. зол. рублей)⁷. Претензии только к американскому командованию равнялись 23 млн. зол. рублей. По данным ведомства торговли и промышленности ВПП, задолженность чехословацких войск российским учреждениям (таможне, порту, почтово-телеграфному ведомству, Уссурийской ж. д. и др.) составила почти 25 млн. зол. рублей. В то же время на складах Чешской экономической комиссии во Владивостоке хранилось имущество на сумму 80 млн. зол. рублей, в том числе несколько тысяч винтовок. Но все это находилось под охраной японцев⁸.

Не удалось и раскрепощение колчаковских счетов за границей, хотя С. Д. Меркулов потребовал от бывшего колчаковского атташе в Японии генерала Подтягина, проживавшего с 1921 г. в Харбине, возвращения материалов и средств Верховного правителя⁹. Остались без ответа ходатайства ВПП к иностранным банкам. Провидческими оказались слова известного кадета Л. А. Кроля в Народном собрании о том, что российские счета в иностранных банках разморожены не будут, а средств за перевозку иностранных грузов меркуловское правительство не получит¹⁰. Таким образом, расплатиться союзники с меркуловцами не пожелали, хотя возможности для этого у них были.

Главным источником доходов для Белого правительства стала распродажа товаров, скопившихся во Владивостоке со времен Первой мировой войны. В 1916 г. странами Антанты и США во Владивостокский порт было завезено более 2 млн. тонн грузов, предназначавшихся для отправки в европейскую часть страны. Подъездные пути порта и Владивостокского ж.-д. узла были буквально забиты импортными товарами. Однако из-за кризиса на транспорте большая часть ввезенных в порт грузов так и осталась неотправленной. ВПП не скрывало своих намерений. С. Д. Меркулов в интервью газете «Русский край» заявил о желании правительства получить ссуду под залог грузов Владивостокского морского порта, поскольку поступление налогов и экономия средств при малочисленном населении области ничтожны. Половину средств правительство намеревалось получить сразу, а остальное - при продаже грузов иностранными фирмами на комиссионных началах. Председатель ВПП подчеркивал, что это будет лучший способ получения доходов¹¹.

Так как многие контракты реализовывались втайне, а продажа грузов зачастую осуществлялась бесконтрольно, происходили большие хищения и обогащение чиновников при посредничестве. Приморская пресса постоянно обсуждала скандалы, связанные с получением значительных сумм различными дельцами при недобросовестных поставках в армию. Сам глава ВПП С. Д. Меркулов как посредник получил по рублю с пуда при продаже 54 тыс. пудов медных гильз японцам¹². В начале 1922 г. чрезвычайный ревизор Л. К. Медведев провел ревизию восьми комитетов, комиссий и управлений ВПП. И везде были обнаружены злоупотребления, хищения грузов, превышение власти и бездействие¹³. Однако власти не предприняли никаких мер для пресечения коррупции.

Для распродажи казенных грузов ВПП создало специальную комиссию, которая выставляла их на продажу. Список товаров был самым разнообразным: от тракторов, автомобилей, станков, и электромоторов до карбида, цветных металлов, мануфактуры, сгущенного молока, меда, муки, сахара и соли. Только за три дня октября 1921 г. было реализовано 16 тыс. пудов чая, 3 тыс. пар

ных и акцизных сборов за 1918-1920 гг. Письмо было составлено на основании сведений, предоставленных Владивостокской таможней, управлениями иностранных дел и финансов. Однако и это обращение к «мировой общественности» оказалось безрезультатным⁶.

На Вашингтонской конференции великие державы проигнорировали требования Белой эмиграции поддержать Приморский режим, передать ему КВЖД, равно как и восстановить все привилегии русских в Китае. И хотя делегация ВПП была принята в госдепартаменте США, договориться об официальном признании Белого Приморья не удалось. Слишком неустойчивым казалась меркуловское правительство.

обуви, тысячи пудов пряжи, хлопка, кожи, а также цинк и другие металлы¹⁴. В декабре 1921 г. правительство заключило договор с Японией о продаже обработанного металла со складов порта осакским фирмам за 5 млн. иен. Но эти средства должны были быть вложены в «Чосен-банк» на текущий счет ВПП с последующей передачей в русские банки¹⁵.

Меркуловцы арестовали имущество филиалов советских кооперативных организаций в Приморье. Товары Центросоюза и Продпути были выставлены на продажу с аукциона. Во Владивостоке начала действовать «Сибирская сельскохозяйственная корпорация лимитед», которая объявила себя правопреемницей «Союза сибирских маслоделательных артелей». Корпорацию возглавили известные еще до революции кооператоры А.А.Балакшин, Майоров и Сергеев. Они активно поддерживали антибольшевистские силы, а свое детище зарегистрировали в английском консульстве как английскую фирму, поскольку ее штаб-квартира во главе с главным директором-распорядителем А.А.Балакшиным находилась в Лондоне. Корпорация торговала товарами, полученными из США и Англии, а также оставшимися после ликвидации прежнего Союза. Однако сохранившиеся члены Союза на признавали возникшую фирму и требовали, хотя и безрезультатно, проверки ее финансовой деятельности.

Владивостокская контора «Российского транспортного и страхового общества» организовала аукционные торги невостребованных грузов из Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода, Томска, Бухары и других городов России, осевших во Владивостоке в годы мировой войны. «Комиссия по ликвидации ненужного имущества Морского ведомства» заявила о продаже 1 млн. пудов рельсов. В октябре 1921 г. СУВ постановил продать 7 миноносцев из состава Сибирской военной флотилии. К середине декабря четыре корабля были проданы¹⁶. В распродаже грузов приняла участие и таможня, стремившаяся реализовать товары, хранившиеся на ее складах по 4-5 лет, владельцы которых к этому времени либо погибли, либо эмигрировали.

Усиленная реализация товаров Приморским правительством привлекла внимание иностранных дипломатов и коммерсантов. 20 августа 1921 г. старшина Консульского корпуса во Владивостоке обратился в СУВ с просьбой рассмотреть вопрос о вывозе товаров, экспортных и импортных пошлинах, об упрощении оформления разрешения на экспортные и импортные операции, гарантиях против реквизиций¹⁷. ВПП и СУВ стремились удовлетворить пожелания Консульского корпуса, Союза японских экспортеров и местных торгово-промышленных палат. Речь шла не только о доходах, но и о политической и моральной поддержке режима, а также получении вооружений, к которым Белое правительство прямого доступа не имело¹⁸.

В руках ВПП находился крупнейший российский торговый порт - Владивосток. За 1917-1920 гг. его грузооборот упал с 1620 до 382 тыс. тонн (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Динамика и структура грузооборота
Владивостокского торгового порта в 1913-1922 гг. (в тыс. тонн)¹⁹**

Годы	Ввоз	Вывоз			Общий грузооборот
		Общий вывоз (100 %)	в том числе:		
			Местный вывоз	Маньчжурский транзит	
1913	951,5	510,8	142,6 (27,9%)	368,2 (72,1%)	1462,3
1914	841,1	476,1	154,7 (32,5%)	321,2 (67,5%)	1317,2
1915	1327,3	592,4	133,5 (22,5%)	458,9 (77,5%)	1920,2
1916	2099,1	529,1	62,8 (11,9%)	466,3 (88,1%)	2628,2
1917	1058,6	561,4	82,0 (14,6%)	479,4 (85,4%)	1620,0
1918	209,4	262,6	64,1 (24,4%)	198,5 (75,6%)	472,0
1919	509,3	273,7	141,6 (51,7%)	132,1 (48,3%)	783,0
1920	227,1	155,7	89,2 (57,7%)	66,5 (42,3%)	382,8
1921	148,6	406,0	58,0 (11,7%)	438,0 (88,3%)	554,6
1922	133,7	608,0	80,1 (13,1%)	527,9 (86,9%)	741,8

Из таблицы 1 видно, что до 1914 г. ввоз грузов во Владивосток превышал вывоз. Это было естественно, так как население Дальнего востока нуждалось в товарах, а свое производство было развито недостаточно. В 1915 г. произошел резкий рост грузооборота за счет поставок грузов союзниками России, а также США, присоединившихся к Антанте позднее. С 1918 г. порт был вновь задействован в основном на вывозе товаров. В общем объеме вывоза стали преобладать маньчжурские хлебные грузы²⁰. Но характерно, что в 1920 г. доля Владивостока и КВЖД в их вывозе и переработке из Маньчжурии падает до 12 %, а доля ЮМЖД и Дайрена поднимается соответственно до 88 % (см. таблицу 2). Ослабление позиций российских железных дорог и Владивостока четко обозначилось с начала Первой мировой войны и подошло к опасной черте, когда КВЖД могла превратиться, как тогда говорили, в «подъездные пути ЮМЖД».

Таблица 2

Доля вывоза хлебных грузов из Маньчжурии через Дайрен (по ЮМЖД) и Владивосток (по КВЖД и Уссурийской ж.д.) в процентах²¹

Годы	Владивосток	Дайрен
1914	83	17
1915	78	22
1916	75	25
1917	34	66
1918	73	27
1919	64	36
1920	12	88
1921	66	34
1922	55	45

Понимая важность реэкспорта для работы Владивостокского порта и поощряя иностранных экспортеров, правительство пошло на беспрецедентный шаг, отменив вывозные пошлины на хлебные грузы²². От этого в первую очередь выиграли крупные иностранные компании, главным образом английские, датские и американские, закупавшие сою в Маньчжурии и вывозившие ее через Владивосток на рынки Западной Европы и США. Доля Владивостока и КВЖД в вывозе маньчжурского хлебного груза поднялась до 66 %. С каждого вывезенного пуда грузов КВЖД получала по 22,9 зол. копейки. Но финансовое положение ВПП от этого не улучшилось. Более того, меркуловское правительство недополучило, отказавшись от сбора вывозной пошлины за маньчжурские грузы в порту, почти 1,6 млн. рублей²³. Недовольство проявляли и японцы, обеспокоенные усилением роли КВЖД в вывозе маньчжурских грузов.

В связи с неурожаем 1921 г. меркуловское правительство уже в октябре 1921 г. отменило введенные им ранее льготы на вывоз хлебных грузов через Владивосток, а с 1 апреля 1922 г. вывозные пошлины на бобовые и пшеницу из Маньчжурии были подняты до уровня, существовавшего в Дайрене²⁴. Летом того же года на Седьмой конференции по согласованию тарифов на перевозку северо-маньчжурских грузов по российским и японским железным дорогам японцы добились от КВЖД отмены запретительных тарифов на Дайрен²⁵. Против этого активно выступал глава технического совета Межсоюзного железнодорожного комитета американец Дж.Стивенс. Выражая интересы западных компаний, он стремился ослабить традиционного конкурента - японцев, направляя хлебный грузопоток на Владивосток²⁶. Таким образом, тарифно-транспортная политика стала яблоком раздора между Японией и США, и меркуловцы пошли навстречу Японии, поскольку их зависимость от нее была очевидной. ВПП отменило также экспортные пошлины на уголь и пенку. По заявлению Владивостокской торгово-промышленной палаты финансовое ведомство снизило вдвое экспортные пошлины на все остальные вывозимые товары из Приморья, а ставки на мед, сыры, икру и масло уменьшило до 2,5% стоимости. Снижение пошлин не коснулось только пушины, пантов и свинцово-серебряных руд²⁷. Пожалуй, кроме хорошего экспорта, Временному Приамурскому правительству похвастать было нечем²⁸.

Тем не менее, меркуловское правительство было не прочь расширить сферу своего экономического влияния за пределы той русской территории, которую контролировало. Так, после прихода к власти оно поддержало воссозданное ранее, в феврале 1921 г., Временное правление Амурского общества пароходства и торговли («Паратор»), в которое от ВПП вошел чиновник ведомства торговли и промышленности М.Шерр. При этом в споре за главенство в правлении между Н.А.Рачковским, представлявшим интересы местной администрации общества, и А.Н.Давыдовым, членом правления Сибирского торгового банка, контролировавшего финансы пароходства еще до революции, власти заняли сторону первого. В 1922 г. перед падением власти белых в Приморье обе группировки объединились, и новое правление общества в полном составе эмигрировало в Харбин²⁹. Однако воссозданное во Владивостоке правление Амурского общества пароходства и торговли не могло развернуть свою деятельность на Амуре. Для этого требовалось признание правления со стороны правительства ДВР³⁰. Но бессмысленными эти «маневры» тоже назвать нельзя. Они были необходимы членам правления «Паратора» для обоснования законности своих претензий на обладание пароходами и баржами, угнанными после революции по Сунгари в Китай. Почти весь этот речной флот после 1926 г. был продан за бесценок китайцам³¹.

Еще одной попыткой распространить свое влияние на новые территории стала военная экспедиция меркуловцев в Охотско-Камчатский район. С 6 по 28 октября 1921 г. военные силы ВПП численностью 300 человек на военных судах «Свирь», «Взрыватель» и на пароходе «Кишинев» заняли Охотск, Гижигу и Петропавловск-Камчатский. Уполномоченным правительства на этой территории был назначен рыбопромышленник Х.П.Бирич, военными отрядами командовали генерал Поляков и войсковой старшина В.Бочкарев. Белогвардейцы захватили склады кооперативных обществ и почтовые отделения, несколько судов Доброфлота, зафрахтованных американскими промышленниками, конфисковали находившиеся на них товары и оружие. Изъятию подвергались также товары тайских купцов. Американские предприниматели Ч.Пюрингтон и Д.Холмс, занимавшиеся по разрешению ВПП в Охотском уезде разведкой и разработкой золотых месторождений, потребовали от властей компенсации за конфискованные товары, оружие и боеприпасы. По решению специальной комиссии Д.Холмсу была выплачена 31 тыс. зол. рублей. Фирма «Гиббарт, Свенсон и К^о» получила компенсацию за изъятое автоматическое оружие на сумму более чем 13 тыс. зол. рублей. Она была выплачена американскому консулу во Владивостоке для перевода на счет фирмы в Сиэтл³².

11 ноября 1921 г. ВПП учредило «Временное особое по Охотско-Камчатскому краю совещание» во главе с С.П.Рудневым³³. В объяснительной записке к проекту совещания говорилось, что оно призвано «помочь населению в культурном отношении, направить поток людей, желающих жить рыболовством или пушным промыслом, уменьшить безработицу в Приморье, спасти край от иностранных посягательств»³⁴. Однако планы так и не были реализованы. Представители иностранных фирм задешево скупали у местного населения пушнину, искали и добывали золото, били оленей, активно торговали, в том числе спиртными напитками и табаком. При этом мало кто из них обращался к Белому Приморскому правительству и в бывшие российские консульства за визами и лицензиями. В марте 1922 г. в Сиэтле была создана Русско-Американская компания по торговле мехами, в которую вошли О.Свенсон, якутский предприниматель П.А.Кушнарев, русские капиталисты братья Демби, Бриннер, Швецов. Компания послала к Охотскому побережью шхуны «Мазатлан» и «Чукотка». Ее конкурентами являлись японские фирмы и англо-американские компании «Гудзон Бей» и «Вестерн Драй Гудз», которые наняли охотников и готовили склады под пушнину и привозные товары. Хищническим промыслом занимались мелкие и крупные браконьеры. Некий Янг набрал в США 40 авантюристов, купил пулемет и собрался идти на Камчатку. Обо всем этом предупреждал в своем письме от 26 апреля 1922 г. управление внутренних дел ВПП бывший российский консул в Сиэтле Н.Богоявленский³⁵.

Вместе с тем следует отметить, что Белое правительство Приморья пыталось сохранить природные богатства уникальных островов в Охотском и Беринговом морях. Ведомство торговли и промышленности ввело строгие правила по ведению пушного промысла на Командорских островах и определило нормы добычи котиков, каланов и песцов. Сдача этих островов в концессию была запрещена³⁶. Кроме того в июле 1922 г. это же ведомство учредило «Временные правила о порядке сдачи в аренду островов Охотско-Камчатского края для промышленного звероводства». Согласно им целый ряд островов на 12 лет объявлялся заповедным для разведения и содержания ценных пушных зверей. Однако сил для соблюдения введенных правил у ВПП не хватало. Да и сама администрация Охотско-Камчатского края погрязла в коррупции. Оправдываясь перед С.Д.Меркуловым за продажу пушнины с Командорских островов японской фирме «Нихон-Моохе», Х.П.Бирич сообщал во Владивосток, что у него нет угля, не выплачивается

зарплата, учителя, персонал радио и метеостанций не менялись много лет. На Камчатке и Чукотке не хватает продовольствия, и среди учителей, чиновников, солдат и офицеров Северного экспедиционного отряда наблюдается настоящее недоедание³⁷. Между тем в аренду акционерным обществам О.Свенсона, П.А.Кушнарева, Демби, Бриннера были отданы Командорские острова, что являлось грубейшим нарушением вышеуказанных «Временных правил». Продовольствие на Командоры по договору с ВПП должна была доставлять японская фирма «Нихон-Моохе», которая получила право скупки пушнины на Камчатке. Однако в июле 1922 г. при получении пушнины с полуострова почти на 100 тыс.рублей фирма поставила на острова продовольствия на 40 тыс.рублей при месячной потребности в закупках на 70 тыс.рублей. Стало также известно, что особоуполномоченный правительства по Охотскому побережью Х.П.Бирич занимался незаконной сдачей в аренду засоленных участков японским предпринимателям³⁸. Особенно тесные связи сложились с фирмой О.Свенсона у В.Бочкарева. Он сдал на шхуну «Мазатлан» более 100 тыс. шкурок белки, 1,5 тыс. шкурок песцов на 220 тыс.зол.рублей, получил на 30 тыс.рублей товаров, а на остальные - долговые обязательства с выплатой в США³⁹. Американцы явно «покупали» белогвардейцев. В поисках выхода из создавшейся ситуации 22 июля 1922 г. СУВ утвердил Положение, согласно которому повышались полномочия управляющего Камчатской областью. Последний теперь имел право изыскивать новые источники обложения населения, не ожидая сметы, и вводить их с разрешения правительства по телеграфу⁴⁰. Таким образом, успешной хозяйственную деятельность белых на Северо-Востоке страны назвать трудно, а экономические цели, которые они ставили, оказались недостижимы.

Большие надежды меркуловское правительство возлагало на иностранные инвестиции, прежде всего японские. В Приморье активно действовали филиалы японских банков «Чосен банк», «Йокогама спешуи банк», отделения японских фирм «Судзуки и К^о», «Мицуи», «Кухара», «Мицубиси» и др. Японцы инвестировали средства в каменноугольную, лесную, рыбообработывающую промышленность Приморья. По японским данным в промышленность Дальнего Востока к началу 1922 г. ими было вложено до 20 млн. иен. Кроме того, займы японских частных фирм Приморскому правительству достигали 5 млн. рублей при 15 % комиссионных и 10 % годовых⁴¹.

Для повышения деловой активности отечественных предпринимателей и привлечения иностранного капитала приморские власти объявили о сдаче в концессии лесных площадей, месторождений полезных ископаемых и участков моря на лов рыбы. Уже 14 июня 1921 г. начались торги на лесные участки для сдачи их в концессию. Только в Тетюхе Ольгинского района на аукцион выставлялись участки в 14 тыс. кедровых и 6 тыс. еловых стволов⁴². В сентябре управление земледелия и государственных имуществ Приморской, Камчатской и Сахалинской областей объявило торги на сруб леса на два года по 13 лесничествам этих областей на сумму более чем 412 тыс.рублей. К концу 1921 г. в Приморье и по Охотскому побережью были сданы в концессию 10 лесных участков площадью 2,71 млн. десятин. Правительство намеревалось заселить концессии и организовать 5750 хозяйств для наблюдения за концессионерами. Однако средств для этого не нашло⁴³. Были объявлены торги на концессии по добыче месторождений угля и свинцово-серебряных руд. Выигрыш достался представителю горнопромышленного общества «Тетюхе» инженеру Л.Л.Арцу, родственники которого владели горными промыслами в этих местах еще до 1917 г. Он приобрел свои права на концессию всего за 1000 зол.рублей Контрольный же пакет акций «Тетюхе» принадлежал английским компаниям⁴⁴.

Вместе с тем иностранные компании и отечественные предприниматели, оказавшиеся в эмиграции, с недоверием и осторожностью относились к возможностям инвестиций в экономику Приморья и приобретению концессионных прав на эксплуатацию природных богатств области. Главной причиной такой реакции являлась неустойчивость ВПП и опасения возврата большевиков. В июне 1921 г. японская фирма «Мицуи» подписала предварительный договор о лесной концессии в Приморье с правительством ДВР. А между тем эти участки находились на территории, контролируемой меркуловцами. Белая печать разразилась упреками в адрес японцев и ВПП. Болезненно реагировало на этот шаг и советское правительство, поскольку председатель правительства ДВР А.М.Краснощеков подписал данный договор без согласования с Москвой. Советское правительство полагало, что условием заключения концессионных договоров с Японией должен быть вывод всех ее войск с российского Дальнего Востока и выдача всех лидеров Белого движения⁴⁵.

Однако в большинстве случаев иностранные фирмы без всяких концессий бесконтрольно грабили российские природные богатства. Японцы самовольно вырубали лес на российском морском побережье, напрямую вывозя его на свой внутренний рынок. За 1918-1922 гг. вывоз леса японцами с российского Дальнего Востока увеличился с 90 до 411 тыс.кубометров⁴⁶. Но это

лишь официальная статистика. В Приморской области, кроме трех фирм «Мицуи», «Окура» и «Акита», которые занимались рубкой леса на основе полученных от ВПП концессионных прав, около 300 японцев вели хищническую рубку леса, отправляемого ими в Японию контрабандным путем⁴⁷. Значение Владивостока, как главного лесозэкспортного порта русского Дальнего Востока упало с 70 % в 1918 г. до 22 % в 1922 г. Причем вывозился исключительно «кругляк», тогда как русские лесопильные заводы простаивали⁴⁸.

Рыболовный промысел осуществлялся японцами сначала на основе договоренностей с Приморским земством, а затем и с правительством А.В.Колчака. В 1920 г. японцы занимались добычей крабов и выловом трески в полученных ранее зонах. Но после так называемого «николаевского инцидента» в 1920 г. их войска оккупировали районы Нижнего Амура и Северного Сахалина. Здесь рыбный промысел осуществлялся с ведома японского командования. После падения правительства А.В.Колчака отлов рыбы японцами производился самовольно, причем рыбацкие суда сопровождалась японскими военными кораблями⁴⁹. В 1921 г., по данным правительственной газеты «Русский край», из 400 морских конвенционных участков русским промышленникам принадлежало только 48, причем работало из них 32 участка. В 1920 г. в неконвенционных водах действовали 30 рыболовных и 22 засольных участка, где самовольно промышленяли японские рыбаки⁵⁰.

С захватом Охотского побережья и Камчатки ВПП объявило торги на сдачу рыболовных участков по побережью Приморской, Камчатской и Сахалинской областей. Японские дипломаты не останавливались перед угрозой, что в случае неблагоприятного исхода торгов, они предоставят своим рыбакам право свободного лова в российских водах. В апреле 1922 г., перед очередными торгами на рыболовные участки, японский консул во Владивостоке обратился в ВПП с просьбой о снижении объявленной оценки 74 рыболовных участков на 50% и трех участков более чем на 75%. Он также просил разрешить японским подданным пользоваться более емкими неводами, а также позволить устные торги вместо подачи конвертов с заявками. Меркуловское правительство частично пошло навстречу японцам и снизило аренду 74 участков на 25%, а также разрешило устные торги. В тоже время лов рыбы японскими неводами емкого типа разрешен не был. Этот порядок предусматривалось распространить на весь 1922 г., но при условии выплаты японцами недоимок по промысловому налогу, начиная с 1920 г. 4 апреля 1922 г. торги состоялись, но японцы, недовольные неполным выполнением заявленных условий, на них не явились. Рыболовные и крабовые участки достались русским рыбопромышленникам Козлову, Шапошникову и Горбунову. Японцы однако заявили, что оставляют за собой право действовать по собственному усмотрению. Газета «Слово» возмущалась японским произволом и требовала от правительства защитить русские национальные интересы⁵¹. Меркуловское правительство вынуждено было реагировать на протесты общественности области. 24 июня 1922 г. паровая патрульная яхта «Лейтенант Дадымов» пресекла хищнический крабовый промысел японских рыбаков около устья реки Светлая, где находился крабokonсервный завод «Товарищество Такэда и К^о», и конфисковала его имущество, 218 ящиков готовых консервов, 2 катера, 5 кунгасов, общей стоимостью 33 тыс.зол.рублей. Завод был закрыт, а японская пресса заговорила о «зверствах русских». Патрулируя побережье, «Лейтенант Дадымов» задержал японское судно, груженое строевым лесом. Капитан не имел документов на вывоз леса, вырубленного хищническим способом. Осенью 1922 г. военные корабли «Охотск» и «Илья Муромец» собирали пошлину с японских предпринимателей, имевших промыслы на Охотском побережье. Только один рейс давал сборов на 100 тыс. рублей⁵². По данным российского исследователя А.Т.Мандрика, в 1922 г. 91 японский рыбопромышленник эксплуатировал 264 рыболовных участка, на которых было добыто почти 1,1 млн.пудов рыбы, произведено 709 тыс.ящиков консервов. На рыбных промыслах трудилось более 10 тыс. японцев. На собственный рынок японские промышленники вывезли 925 тыс.пудов различной рыбопродукции стоимостью 16,8 млн. иен. В 1918-1922 гг. допущенные японцами нарушения правил рыболовства были зафиксированы в 407 протоколах⁵³.

Активно участвовали в вывозе богатств с российского Дальнего Востока и США. По данным Амторга (специальной корпорации, созданной в 1924 г. в США для торговли с СССР) ввоз оружия, боеприпасов и снаряжения из США на Дальний Восток в 1918-1922 гг. оценивался на сумму почти в 15 млн.долларов. Вывоз же, без учета возвращенных товаров (кроме автомобилей), только за период 1920-1921 гг. оценивался на сумму в 10,3 млрд.долларов. Номенклатура вывоза включала рыбу, пушнину (почти 50%), мамонтовую кость, графит, платину, драгоценные камни, оригиналы художественных изделий⁵⁴.

Статьей дохода в бюджете Приморья должны были стать налоги. В мае 1921 г. ВПП приняло решение об уплате к 5 июля промыслового и подоходного налогов, налогов с капитала и недви-

жимости. Населению предстояло заполнить декларации о доходах с 1920 г. Но намеченное никто не выполнял⁵⁵. 28 июня 1921 г. правительство установило официальный, не облагавшийся налогами, минимум зарплаты в 20 рублей на государственных и 36,5 рублей на частных предприятиях. Профсоюзы же настаивали на повышении минимума заработной платы на государственных предприятиях до уровня частных. Вместе с тем в области не существовало государственного регулирования цен на товары даже первой необходимости⁵⁶.

Отсутствие стабильных и серьезных источников доходов, значительные военные расходы приводили к инфляции, задержкам выплат зарплаты, неуплате налогов, снижению покупательной способности населения. 7 октября 1921 г. Народное собрание обсудило вопрос о невыплате зарплаты за июль-сентябрь рабочим Дальсудоремзавода. В ответ на это правительство ассигновало 20 тыс. рублей на выдачу части зарплаты деньгами и 25 тыс. рублей - продовольствием⁵⁷. Вопрос о невыплате зарплаты рабочим и служащим государственных предприятий постоянно стоял на повестке дня заседаний приморского парламента. Для получения доходов правительство пошло на беспрецедентный шаг: оно разрешило свободное макосеяние в Иманском и Уссурийском районах для получения опиума при уплате налога в 50 руб. с десятины. При его неуплате взимался штраф в трехкратном размере. Правительству, да и прессе было известно, что хунхузы взыскивают с макосеев до половины доходов. Но для пресечения вымогательства у властей не было ни желания, ни сил⁵⁸. Для ограничения распространения наркотиков и получения дополнительных средств правительство само стало контролировать производство опиума, торговлю и его вывоз. Выдавались особые разрешения на право содержания опиокурлен. Был введен особый институт инспекторов по делам опиума. Официальные представители Китая в Приморье (макосеянием, производством и торговлей опиумом занимались в основном китайцы), выступили с протестом против этих мер. В опиумный бизнес включились и японские фирмы⁵⁹.

Для стабилизации финансов требовалось упорядочить курс рубля. В Приморье в это время использовалось много самых разных валют, но главной была иена. В Японии для Приморья была напечатана бумажная иена «Чосен-банка» плохого качества, которая ходила по стихийно складывавшемуся курсу и способствовала выкачиванию российских богатств за границу. В середине июня 1921 г., в области за 1000 рублей: «романовскими» давали 120 иен, «керенками» - 1,8 иены, «сибирскими» - всего 1 иену. В то же время рос курс разменного серебра, которое припрятывалось. В середине июня управление финансово-экономической частью правительства стало объявлять фиксированные недельные курсы валют. Так, после середины июня курс условного золотого русского рубля был определен в 3000 рублей кредитными билетами, в 3,2 рубля билонным (неполноценным) серебром, а также приравнен к 1,035 иены, 0,52 доллара США и 1,05 китайского доллара⁶⁰. Стихийный курс валют на семеновском базаре во Владивостоке немногим отличался от официального⁶¹. По данным японской прессы золотой запас Приморья в ноябре 1921 г. составлял всего лишь 50 тыс. зол. рублей. В связи с почти полным исчезновением разменного серебра Приморское правительство выпустило бумажные боны, которые должны были заменить серебряную и медную монету⁶².

В октябре 1921 г. Народное собрание утвердило «Роспись государственных доходов и расходов Приморья на II полугодие 1921 г.». Расходы определялись в размере 18 млн. зол. рублей, из которых 40% приходилось на армию и флот, 24% - на содержание путей сообщения, 19% - на ведомство внутренних дел, остальное на другие статьи. Бюджет был составлен с дефицитом в 5,83 млн. рублей, не считая 600 тыс. рублей на чрезвычайные расходы СУВ. Основные доходы предполагались от эксплуатации казенного имущества (сдача в аренду рыболовных участков, лесных площадей, прибыль казенных предприятий), а также от сбора налогов.

Председатель ВПП С.Д.Меркулов в интервью газете «Голос Родины» в октябре 1921 г. заявил, что причиной дефицита бюджета является небольшая территория Приморья и арест русского имущества интервентами. И ни слова не было сказано об огромных военных расходах, тяжким бременем лежавших на экономике области, тратах на содержание полицейского аппарата, вывозе по низким ценам имущества, разграблении природных богатств иностранными фирмами. Председатель правительства сетовал, что в области нет своего твердого денежного знака, а основным денежным знаком остается иена. Создать же свой эмиссионный банк не представлялось возможным из-за опасения, что золото неизбежно уплывет за границу. С.Д.Меркулов признавал, что в Приморье нет гарантий для развития частной промышленности. Русские капиталисты-эмигранты в условиях политической и экономической нестабильности отказывались от инвестиций в экономику области⁶³.

Дефицит бюджета заставил правительство установить денежное содержание военных в раз-
мере гораздо меньшем, чем жалование гражданских чинов. Согласно утвержденному Народ-

ным собранием табелю окладов по четырнадцати разрядам армейские и флотские чины должны были получать от 23 рублей по четырнадцатому разряду до 100 рублей по второму разряду⁶⁴. Оклады же гражданских чинов колебались от 35 до 300 рублей. Такой табель окладов вызывал возмущение в войсках⁶⁵. Тогда же правительство приняло решение о запрете увольнения из вооруженных сил с 1 ноября 1921 г. по 1 мая 1922 г., а с офицерами и рядовыми был заключен шестимесячный добровольный контракт⁶⁶.

В аграрной политике Приамурское правительство придерживалось курса на постепенное проведение столыпинской реформы и создания фермерского хозяйства. Этому способствовали особенности сельскохозяйственного развития Дальнего Востока в конце XIX - начале XX вв. В регионе преобладало государственное землевладение и полностью отсутствовало помещичье. Усадьбы крестьян находились в подворно-наследственном владении. Крепкие хозяйства складывались не только из-за льготного наделения крестьян-старожилов землей (семейный надел в 100 десятин до 1901 г.), но также из-за землепользования, основанного на «захватном праве». После 1901 г. переселенцы (их стали называть «новоселами») получали по 15 десятин далеко не лучшей земли на мужскую душу. С началом столыпинской реформы стремление к выходу из общины в разных районах Дальнего Востока складывалась неодинаково. Переселенцы переносили в регион традиции своих мест. Южно-Уссурийский край (Приморье) заселялся в основном украинцами, которые хорошо знали хуторское хозяйство, а также подворное землевладение. Здесь выход из общины был активнее, чем в Амурской области. Основными культурами сельскохозяйственного производства региона являлись пшеница и овес. Сеяли также рожь, ячмень, сажали картофель. С 1917 г. начал сеяться рис. Специфика аграрных отношений на Дальнем Востоке состояла в том, что крестьянские хозяйства начинали идти по фермерскому пути развития. Они ориентировались на производство товарных культур, использовали наемный труд, внедряли сложную сельскохозяйственную технику⁶⁷.

Иным было и социальное расслоение дальневосточной деревни. Важную роль в ней играли середняки и зажиточные крестьяне. Они составляли 67 % среди крестьян региона, в то время как в Европейской России - 35 %. Бедняки соответственно составляли 33 % и 65 %⁶⁸. В Сибири и на Дальнем Востоке другим было содержание понятий «бедняк», «средняк» и «кулак». Конечно, и на Дальнем Востоке происходило расслоение крестьянства и казачества, существовали издольщина и испольщина, батрачество, арендаторство, особенно среди безземельных корейцев и китайцев и т.д.

После установления советской власти на Дальнем Востоке стала проводиться ликвидация сословий, национализация частных земельных владений (их число в регионе было невелико), наделение земель батраков и бедняков за счет государственного фонда, социализация земли⁶⁹. Но «Декрет о земле» из-за отсутствия помещичьего землевладения в регионе практически ничего не дал дальневосточному крестьянству и казачеству. Ликвидация казачьего сословия, попытка передела казачьих и крестьянских земель в пользу переселенцев, государственная хлебная монополия, бездумные в ряде мест переделы земель по новым трудовым нормам привели к антисоветским выступлениям среднего и зажиточного крестьянства и казачества, что способствовало падению советской власти в регионе⁷⁰. Антибольшевистские власти восстановили на Дальнем Востоке старую систему аграрных отношений, привилегии казачества, провозгласили свободу торговли. Общее направление деятельности Российского правительства А.В. Колчака в земельном вопросе было зафиксировано в «Записке о направлении аграрной политики», которая подтверждала курс на столыпинскую аграрную реформу с поправками, диктуемыми после революционной обстановкой. Для «естественного завершения» этого процесса, по мнению колчаковских аграрников, необходимо было 42 года⁷¹.

Провозгласив ДВР, большевики провели корректировку аграрной политики. Отныне они пытались более гибко решать возникавшие в сельском хозяйстве проблемы. Теперь уже не допускалось уравнительное перераспределение земель (массовые переделы всех земель начались только в 1925 г.). Разрешались аренда и наемный труд в сельском хозяйстве, не вводилась хлебная монополия, из-за опасения восстания крестьян не проводилась продрозверстка. В ДВР практиковался натуральный продналог. По Конституции ДВР земля объявлялась общенародным достоянием. Согласно Конституции и Закона о земле обеспечивалась свобода форм землепользования, допускались выделы из обществ как коллективных объединений, так и единоличных хозяйств. Изъятие излишков земель казачьих общин и крестьян-стодесятинников предполагалось проводить постепенно. Однако основные аграрные преобразования были отложены до окончания Гражданской войны⁷².

ВГП усиленно искало поставщика сельхозпродукции и фуража для армии. Этим в значительной мере, а также стремлением расширить социальную базу Белого движения в деревне, объяс-

няется аграрная политика меркуловского режима. Для привлечения симпатий крестьянства и казачества не производилась мобилизация в армию, были запрещены реквизиции, а снабжение войск продовольствием, фуражом и подводами проводилось на основе контрактов и при расчете наличными на месте. Такова была идея «белоповстанчества», принятая меркуловским правительством и каппелевским командованием. В то же время приморские крестьяне должны были платить в казну оброчную подать (подходящий натуральный налог). Однако они сплошь и рядом уклонялись от этого, предпочитая заключать контракты на поставку своей продукции через Приморский крестьянский союз (организацию кооперативного типа) для интендантства Белой армии. Союз имел свою фракцию в Народном собрании и добился почти монопольного права снабжения войск продуктами питания и фуражом. Кроме этого Союз стал торговым агентом ВПП на внешнем рынке, особенно в Маньчжурии. ВПП обещало обеспечить безработных земель из фондов переселенческих земель и даже уплатить переселенцам по обязательствам за освоение свободных земель, но на это не хватило средств. Для упрочения буржуазных отношений в приморской деревне правительство пошло по пути укрепления единоличных хозяйств, подтвердив их право на выход из общины. В апреле 1922 г. СУВ внес в Приамурское Народное собрание проект «Временных правил о порядке определения земельных наделов на территории, управляемой Временным Приамурским правительством»⁷³. После обсуждения и одобрения данного проекта в Народном собрании ВПП своим указом его утвердило⁷⁴. Согласно «Временным правилам» наделение землей в Приморье производилось из нормы действительного пользования, но не более 15 десятин удобной земли на наличную мужскую душу. Кроме того независимо от земельного надела производилось выделение лесных участков по 3 десятины на мужскую душу. Таким образом, наделение землей в Приморье предполагалось производить по нормам, сложившимся после 1901 г. для «новоселов». В состав наделов включались усадебные земли, земли в сплошном отрубе, мельницы, огороды и сады, торфяники и осушенные земли, орошаемые и очищенные от леса. Самостоятельно разработанные ранее земли, согласно «Правил» оставались в пользовании хозяев еще два года. Если земельный надел крестьянина был больше 15 десятин, то должно было производиться доприселение других мужских душ. Однако в «Правилах» было важное исключение, состоявшее в том, что в ряде случаев можно было сохранить действующие наделы, которые были большими, чем по 15 десятин на мужскую душу без всякого доприселения. Это исключение вводилось специально для защиты крупных хозяйств. Сельский сход простым большинством голосов мог заменить общинное пользование участковым или подворным (наследственным). Сход также мог ограничить наделы отдельных хозяев или сохранить их. В «Объяснительной записке» говорилось, что целью «временных правил» является утверждение права ходатайства крестьян о единоличном владении земельными наделами без разрушения при этом общинного землепользования. Шла подготовка к законодательному оформлению фермерского хозяйствования. На владение отводимыми наделами выдавался акт, именованный «Отводной записью». Как отмечалось, «необходимо было закрепить то, что создано самой жизнью»⁷⁵. Речь, таким образом, шла не только о дальнейшем переходе к фермерскому типу хозяйствования, но и о закреплении имущественного неравенства, углублении социального расслоения в аграрном секторе экономики Приморья.

Однако положение с продовольствием в крае в целом оставалось сложным. Неурожай 1921 г. привел к тому, что крестьяне Приморья не стали продлевать аренду земли корейцам и китайцам и готовили запашку новых земель. Резко возросла цена товарного хлеба, что осложнило снабжение армии. Вместе с тем крестьяне ряда уездов в погоне за легкой наживой сдавали часть своих земель в аренду китайцам для макосеяния.

Одной из самых острых проблем для Белой власти являлась проблема получения оружия из рук японского командования. Выдача оружия производилась последними в ограниченных размерах и при строгой регистрации. Японское командование вынуждено было учитывать ход Дайренских переговоров между ДВР и Японией, противодействие США, которые очень внимательно следили за действиями своего соперника на российском Дальнем Востоке, а также поддерживать, хотя бы формально, соглашения о «нейтральной зоне» от 29 апреля 1920 г. Приморскому правительству приходилось скупать оружие у различных фирм и дезертиров в полосе отчуждения КВЖД, а также втайне приобретать его у японцев. За взятки японским офицерам временно снимались часовые у поездов с оружием, оставленных чехословаками. Разгрузка производилась по ночам. Так, по свидетельству генерала В.М.Молчанова, белые купили за 30 тыс.зол.рублей 5000 винтовок⁷⁶.

Надвигающийся экономический кризис и зависимость от интервентов вынудили ВПП в конце 1921 г. обратиться к японскому правительству и командованию с просьбой об оказании срочной

помощи⁷⁷. В феврале 1922 г., выступая на закрытом заседании Народного собрания, С.Д.Меркулов сообщил депутатам о секретном договоре ВПП с Японией, согласно которому японцы обязались помогать белым деньгами, амуницией и оружием, а в случае их поражения гарантировали убежища лидерам и возвращение средств, находившихся в японских банках. За это Япония должна была получить все необходимые ей товары Владивостокского порта по фиксированным ценам, остров Сахалин и весь рыбный промысел океанского побережья, взять в аренду на пять лет Сучанские копи, получить привилегии при раздаче концессий и аренды⁷⁸. Однако одним из главных условий помощи Японии Белому правительству были обязательства последнего открыть военные действия против ДВР. Об этом откровенно говорилось в переписке японского военного министерства с командованием экспедиционных сил во Владивостоке⁷⁹. Инициированное японским командованием наступление Белых войск являлось средством давления на Дальневосточную республику на Дайренской конференции по выполнению требований из 17 пунктов, грубо ущемлявших суверенитет и экономические интересы республики. Однако, толкая белых на войну, японское командование по вышеуказанным причинам не вооружило в полной мере белогвардейские воинские формирования.

Предпринятое в конце 1921 г. «белоповстанческой» армией под командованием генерала В.М.Молчанова наступление на Хабаровск было чистойшей авантюрой, проходило на фоне углублявшегося экономического и политического кризиса меркуловского правительства. Разногласия между ВПП и Народным собранием, в том числе и по экономическим вопросам, перерастали в открытое противоборство. Так, депутат Народного собрания от Демократического союза (организации крупной буржуазии проамериканской ориентации) М.Н.Павловский в декабре 1921 г., выступая в законодательном собрании области, подчеркивал, что «Приморье идет к национальному обнищанию». Он высказался против требования правительства о принудительном займе, поскольку задержка жалования рабочим и служащим и была, по его мнению, фактически принудительным займом. Депутат сообщил Народному собранию, что во втором полугодии 1921 г. только расходы на армию и управленческий аппарат составили 23 млн.рублей, а доходы - всего 9 млн.рублей. Дефицит бюджета, таким образом, вырос в 2 раза и был связан с началом войны против ДВР и общей экономической ситуацией в Приморье. М.Н.Павловский бил тревогу по поводу того, что налоги не поступают, 2/3 домохозяев их не платят, а промысловое обложение дает средств в 27 раз меньше, чем положено⁸⁰. Депутаты от Демократического союза указывали, что в Приморье широкой рекой течет контрабандный китайский спирт, а таможенная граница не прикрыта, хотя еще в 1916 г. ввоз спирта из Китая был запрещен⁸¹. Наконец Народное собрание потребовало права на назначение и смещение членов СУВ.

В ответ на критику правительство в декабре распустило Народное собрание до 15 февраля 1922 г. Однако экономическое положение заставило правительство созвать новую сессию парламента раньше срока. Несмотря на некоторые военные успехи (захват Хабаровска и выход на левый берег Амура) ситуация в Белой армии складывалась катастрофическая. Добровольный набор не дал результатов. Армия голодала и мерзла. В войсках возникали слухи о гигантском мощенничестве в тылу. Генерал В.М.Молчанов требовал от Народного собрания не приветствий, а валенок, подчеркивая, что народ, отказывающийся кормить собственную армию, будет вынужден кормить чужую⁸². Ряд общественных организаций Приморья призвали к сбору одежды и продуктов для армии и организовали точный учет пожертвований с каждого двора или квартиры. В феврале 1922 г. гласный Владивостокской городской Думы Жигалов отвез собранные подарки на фронт, но это не решило проблему снабжения армии в принципе⁸³. Правда в январе 1922 г. во временно захваченный белоповстанцами Хабаровск на бронепоезде прибыл член правительства Е.М.Адерсон и привез для личного состава жалование на общую сумму 1 млн.иен. Для успокоения войск финансово-бюджетная комиссия Народного собрания составила новый табель окладов чинов армии⁸⁴. Но этого было слишком мало.

С 23 января по 7 февраля 1922 г. во Владивостоке работала чрезвычайная сессия Народного собрания Приморья. Обсуждался самый большой вопрос - снабжение армии. Предлагалось ввести чрезвычайный военный налог, усилить косвенное обложение. Торгово-промышленная палата призвала предпринимателей выполнить свой долг и выплатить налоги. По данным правительства, невыплаченные налоги к февралю 1922 г. составляли 2 млн.рублей. Правительство предлагало создать эмиссионный банк, возвратиться к собственной денежной единице, прекратить хождение различных денежных знаков, особенно иены. Однако, уступая давлению предпринимателей, учитывая общее обнищание населения, Народное собрание так и не решилось ввести чрезвычайный военный налог. В феврале были введены новые налоги на предметы рос-

Генералы и офицеры Дальневосточной Белой армии в Гирине (Китай).

Во втором ряду слева направо сидят: подполковник Левицкий, полковник Сидамонидзе, генералы Ястребцев, Г.А.Вержбицкий, М.К.Дитерихс, В.М.Молчанов, полковники А.Г.Ефимов, Савчук, барон фон Вах. *Фото 1923 г.*

коши, соль, электричество, автомобили и даже велосипеды. В начале марта в парламенте начались прения о введении прогрессивного налога на имущество и денежные капиталы⁸⁵.

Налицо был эгоизм предпринимателей, которые больше заботились о своих прибылях, чем о войсках, сражавшихся «за Всероссийское Учредительное собрание, за Русь святую, за церкви божьи». Приморская буржуазия по сути дела предала свою армию. Даже атаман Г.М.Семенов, отринутый Меркуловыми, отмечал, что «буржуазия проявила весьма мало жертвенности и больше зарабатывала на Белых армиях, чем помогала им»⁸⁶. ВПП, реализовывавшее интересы приморских предпринимательских кругов, не решилось пойти на жесткие меры государственного регулирования экономики, не смогло, да и не захотело создать эффективный налоговый аппарат, не поставило заслон коррупции и само погрязло в ней.

10 - 12 февраля 1922 г. произошло решающее сражение под Волочаевкой. 13 февраля Народно-революционная армия ДВР заняла Хабаровск. После тяжелых боев под Бикином Белая армия спешно ушла в нейтральную зону южнее Имана под защиту японцев, которые не допустили разгрома белогвардейцев, который мог последовать еще в апреле 1922 г. Командование НРА, выполняя директивы Читы и Москвы, не стало ввязываться в конфликт с интервентами.

Поражение на фронте неблагоприятно отразилось на положении самой Белой армии. Под разговоры и заявления членов правительства о необходимости аккуратно выплачивать жалование армии происходило неуклонное ухудшение ее денежного содержания. Мало того, что правительство не полностью выплатило жалование солдатам за шесть месяцев добровольного контракта, оно в апреле 1922 г. запретило увольнения из армии. Бюджет ВПП, составленный на второе полугодие 1922 г. предусматривал более 45 % затрат расходной части на армию и флот, а также полицейский аппарат и содержание тюрем. Официально дефицит был определен в 200 тыс.рублей, однако доходная часть бюджета рассчитывалась с учетом выплаты всех налогов и пошлин, что было весьма сомнительно. В связи с тяжелым финансовым положением прави-

тельство прямо признавало невозможным оплату текущих расходов наличными деньгами и в июле 1922 г. объявило о выпуске краткосрочных беспроцентных обязательств государственного казначейства на сумму 3,5 млн. зол.рублей для расчета с рабочими и служащими, с подрядчиками и поставщиками. Эти краткосрочные государственные обязательства должны были иметь право хождения наряду с другими дензнаками и погашаться ежемесячным тиражом в течении двух лет. Однако бурное развитие событий и крах правительства не позволили реализоваться этому проекту.

В июле 1922 г. С.Д.Меркулов, подводя итоги деятельности своего правительства более чем за год, признал общее обнищание населения, провал налоговой политики и курса на сокращение госаппарата. Он подчеркнул, что самая тяжелая ситуация из-за нехватки средств сложилась в народном образовании. И все это говорилось при заявлении, что «экспорт был хорош»⁸⁷. В уездах Приморья из-за постоянного дефицита бюджета и недостатка средств пришли в упадок медицинское обслуживание (не хватало медработников и медикаментов) и народное образование. В ремонте нуждались дороги и мосты, разрушалась сельская торговля и почтовая связь.

Тяжелым ударом для белых стало решение японского правительства от 24 июня 1922 г. об окончательном выводе войск с российского Дальнего Востока. К этому Японию вынудили тяжелое внутреннее политическое и экономическое положение, протесты национальной и мировой общественности, позиция РСФСР, ДВР и США.

Для спасения Белой власти и преодоления разногласий между ВПП и Народным собранием, доходивших до вооруженных столкновений сторонников того и другого, на пост военного диктатора из Харбина был приглашен генерал-лейтенант М.К.Дитерихс. Для него не было вопроса, чью сторону принять. Отсутствие демократических традиций в российском обществе, господство реставраторских авторитарных тенденций решили спор в пользу исполнительной власти. Народное собрание было распушено, а некоторые его члены подверглись преследованиям. 23 июля 1922 г. был создан Земский Собор. В его состав входили епископы епархиальных округов Приморья, Владивостока, Харбина и Камчатки, епископ старообрядческий, высшие чиновники, командующие войсками и флотом, войсковые атаманы, главный священник армии и флота, главный мулла армии. В этих условиях даже местные кадеты были вынуждены издавать свою газету «Наш голос» подпольно. А бывший председатель президиума Народного собрания Н.А.Андрушкевич скрывался в штабе 3 корпуса. Себя М.К.Дитерихс объявил «Верховным правителем Приморья» и «Воеводой Земской рати» (так стала называться Белая армия).

Новая политика свидетельствовала об инволюции Белого движения. Последнее завершило цикл развития от либеральных фраз к открытой реакции. Особенностью этого цикла была его краткость и законченность. Внутренняя логика борьбы в период Гражданской войны диктовалась общей тенденцией к поляризации политических сил, а также стремлением белогвардейцев обрести хоть какое-то внутреннее единство.

Несмотря на принятые меры, остановить мародерство и падение дисциплины в армии не удалось. Коррупция в тылу достигла небывалых размеров. Торговали даже штабными картами. По требованию капеллевских офицеров С.Д.Меркулов, назначенный полпредом в Вашингтон, был снят с парохода. Офицеры требовали от М.К.Дитерихса назначить ревизию счетов братьев Меркуловых. Перед своим отъездом в США С.Д.Меркулов хотел получить по ордерам крупные суммы за продажу 10 тыс. пар сапог и 10 тыс. комплектов теплого обмундирования. Однако в последний момент это имущество было конфисковано интендантством Земской Рати. В конце августа 1922 г. «ненужные грузы» стали распродаваться с таможни огромными партиями. Войск «Земской рати» для поставленных целей не хватало. На 1 сентября 1922 г. Белая армия насчитывала всего 8000 штыков и сабель, 35 орудий и 3 бронепоезда⁸⁸. Мобилизация не дала ожидаемых результатов.

Крупные промышленники на армию денег не предоставили: слишком малы были шансы на успех. Тогда М.К.Дитерихс спустил «госзаказ»: Владивосток должен был дать армии 4000 человек и 1,5 млн.рублей, Никольск-Уссурийск - 700 человек и 0,5 млн.рублей. Однако приказ остался не выполненным. Деньги не поступали, мобилизованные разбежались⁸⁹. В отчаянии правительство М.К.Дитерихса стало прибегать к прямым актам «экспроприации», на что не решались меркуловцы. В августе 1921 г. из кассы Уссурийской ж.д. на нужды «Земской рати» изъяли 300 тысяч, а в начале октября еще 200 тыс.рублей. Эти «драконовские» меры были вызваны тем, что крупные финансисты Б.Ю.Бриннер и М.Р.Шапошников займа М.К.Дитерихсу не предоставили и предпочли перевести средства в иностранные банки. Не сбылись надежды получить золото и пушнину с Камчатки, поскольку все суда Доброфлота и Сибирской военной флотилии участвовали в антипартизанских акциях, патрулируя побережье, находились в ремонте или дооборудовались артиллерией, снятой с бронепоездов. Обещанные вдовствующей императрицей Марией

Федоровной 6 млн.рублей для Белого движения на Дальнем Востоке на счет архиепископа Мефодия в Харбине так и не поступили⁹⁰.

Японцы готовились к эвакуации последних своих частей с российского Дальнего Востока. Когда они оставили Спасск, туда торжественно прибыл М.К.Дитерихс и высказал радость по поводу «освобождения от интервентов русской земли»⁹¹. Он обратился к японскому командованию с просьбой вернуть русским военное имущество и грузы. Пойти на это под давлением внешних обстоятельств интервенты не могли. Более того, японцы стали приводить в негодность орудия береговой артиллерии, вывозить ценное имущество. Поставки оружия были мизерны, да и то только для частей, охранявших Уссурийскую ж.д. Офицерские роты под Спасском дрались отчаянно. Но для разгрома белых на помощь ДВР прибыли части и соединения 5 Красной армии из Сибири. М.К.Дитерихс признал, что «Земская рать сломлена и без пополнения воевать одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледового похода не может»⁹².

Перед падением Владивостока некоторые офицеры, наблюдая как японцы вывозят огромные ценности, решили спасти их от разграбления. Совместными с подпольщиками усилиями были сохранены огромные пороховые склады на Русском острове, имущество авиашколы, часть подвижного состава и оборудования Уссурийской ж.д., ценнейший архив и библиотека Генерального штаба, вывезенные сюда еще колчаковцами. Только во Владивостоке не захотели покинуть Родину и выехать за рубеж 34 генерала и более 2000 офицеров и чиновников последнего белогвардейского правительства⁹³. Ушедшим досталась горькая доля эмигрантов в Китае, Австралии и США. Таков финал Гражданской войны в России.

Итак, взяв на вооружение идеи либерализма, Белые Приморские власти создали поистине рыночную экономику. В условиях ограниченности населения и промышленного развития края основным источником доходов могли бы стать концессии, экспорт природных ресурсов и разумная реализация товарных запасов Владивостокского порта. Однако политическая нестабильность и зависимость ВПП от интервентов превратили его тарифно-экспортную политику в расширение товарных запасов и бесконтрольный грабёж природных богатств области. Белое правительство, выполняя волю предпринимателей, не решилось прибегнуть к методам жесткого государственного регулирования экономики в условиях войны. Вместо соблюдения «прав человека» ВПП обрушило репрессии на левые партии. Военный и экономический кризис власти, обнищание населения привели меркуловское правительство к краху. На смену пришла промарксистская диктатура М.К.Дитерихса, не сумевшая спасти Белый порядок.

¹ Договор гласил, что в тридцатикилометровой зоне вдоль Уссурийской ж.д. (с уходом японцев из Хабаровска осенью 1920 г. из этой зоны был исключен участок железной дороги Хабаровск-Иман) не имеют права находиться любые российские войска, кроме милиции, численность которой определялась японским командованием.

² Вестник съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока (Владивосток). -1921. -31 марта, 5 апр.

³ К избирательным урнам пришло только 20 % зарегистрированных избирателей, но выборы были признаны действительными. -См.: Владиво-Ниппо (Владивосток). -1921. -5 авг., Русский край (Владивосток). -1921. -25 авг.

⁴ Русский край. -1921. -28 июля.

⁵ Часть этих средств была похищена атаманом Г.М.Семеновым из золотого колчаковского запаса и передана японской военной миссии. Однако японские власти не вернули золото. -См.: Дальневосточная республика: становление, борьба с интервенцией. Док. и мат. -Владивосток, 1993. -Ч.II. -С.28-31.

⁶ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914-1924 гг.). -Харбин, 1924. -С.16-17.

⁷ Русский край. -1921. -28 июня, 15 дек. В 1925 г. советская правительственная комиссия определила убытки, понесенные Уссурийской ж.д. Перевозки войск интервентов в 1918-1920 гг. обошлись дороге в 496,2 тыс.зол.рублей. -См.: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.2532р. Оп.2. Д.10.Л.3-5. Это гораздо меньше тех сумм, которые назывались в белой печати.

⁸ Родина (Владивосток). -1922. -13 авг.

⁹ Русский край. -1921. -28 июня.

¹⁰ Русский край. -1921. -4 авг.

¹¹ Русский край. -1921. -5 авг.

¹² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.44. Оп.1. Д.370.Л.1.

¹³ Слово (Владивосток). -1922. -17 марта.

¹⁴ Голос Родины (Владивосток). -1921. -18 окт.

¹⁵ Слово. -1922. -8 февр.

¹⁶ См.: Дальневосточная республика: становление... -Ч.II. -С.106; Русский край. -1921. -11 окт.

- ¹⁷ См.: Русский край. -1921. -1 сент.
- ¹⁸ Во Владивостокском порту скопились военные грузы, стоимость которых оценивалась в 60 млн.зол. рублей. Однако 4-6 апреля 1920 г. японское командование захватило их. Значительная часть боеприпасов и оружия хранилась на бывших чехословацких складах и в гарнизонах Никольск-Уссурийска, Спасска и Раздольного, но находилась под охраной японцев. -См.: Русский край. -1921. -15 дек.
- ¹⁹ Составлено по: РГИА ДВ. Ф.114р.Оп.1.Д.12.Л.72; Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. -Владивосток,1925. -С.125.
- ²⁰ После постройки КВЖД в Северной Маньчжурии сложился район высокоинтенсивного товарного земледелия, главная продукция которого - соя стала вывозиться по железной дороге на экспорт в Японию, а затем и в страны Западной Европы. По Портсмутскому мирному договору между Россией и Японией к последней отошла южная ветка КВЖД и порт Дальний (новое название Дайрей), на базе которой японцами было создано полуправительственное общество Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Стороны условились, что они будут использовать железные дороги в Маньчжурии исключительно в коммерческих целях и ни коим образом не в стратегических. Портсмутский мирный договор положил начало длительной конкуренции российских и японских железных дорог и портов по вывозке маньчжурских хлебных грузов на экспорт.
- ²¹ Составлено по: ГАХК. Ф750.Оп.6.Д.10.Л.17.
- ²² Владиво-Ниппо. -1921. -7 июня,3,4 сент.
- ²³ Подсчитано по: Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. -Харбин,1922. -С.163-164; Целищев М.И. Экономические очерки... -С.125.
- ²⁴ См.: Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. -С.163-164.
- ²⁵ РГИА ДВ. Ф.2532р.Оп.2.Д.6.Л.26.
- ²⁶ О деятельности Дж.Стивенса и Межсоюзного железнодорожного комитета на Дальнем Востоке см.: Попова Е.И. Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1917-1922 гг. // Исторические записки МГПИ. -М.,1957. -Т.60. -С.37-51.
- ²⁷ Голос Родины. -1921. -4 окт.
- ²⁸ Слово. -1922. -30 июля.
- ²⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1884.Оп.60.Д.750.Л.897-898.
- ³⁰ Правительство ДВР не признало с самого начала законность восстановленного во Владивостоке правления «Паратора». Оно, также как и правительство А.В.Колчака, считало незаконной продажу в 1918-1920 гг. русских судов китайцам и требовало от прежних владельцев содействия к возвращению отечественной собственности в пределы России. -См.: ГАХК. Ф.19.Оп.1.Д.9.Л.9-10.
- ³¹ В 1917 г. по Амуре ходило 277 пароходов. По данным на 1924 г. из этого числа 98 пароходов было угнано по Сунгари в Китай. -См.: Экономическая жизнь Дальнего Востока (Владивосток). -1927. -№ 11-12. -С.136-137.
- ³² ГАРФ. Ф.936.Оп.1.Д.25а.Л.38-41,53,57-58,79-81,92,102-106.
- ³³ Вестник ВПП (Владивосток). -1921. -30 нояб.
- ³⁴ ГАРФ. Ф.944.Оп.1.Д.233.Л.1-3,5,7,9-10.
- ³⁵ Там же.Л.197-199.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.936.Оп.1.Д.25а.Л.1; Ф.944.Оп.1.Д.233.Л.1-3,5,7,9-10.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.944.Оп.1.Д.233.Л.67,93-94,126,209-215,243-246.
- ³⁸ Родина. -1922. -15 авг.
- ³⁹ Гарусов И.С. Разгром белогвардейщины в Охотско-Камчатском крае. -Магадан,1963. -С.24-25.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.944.Оп.1.Д.233.Л.336-377.
- ⁴¹ ГАХК. Ф.44.Оп.1.Д.370.Л.1; Экономическая жизнь Дальнего Востока. -1922. -№ 5-6. -С.176.
- ⁴² Русский край. -1921. -18 окт.
- ⁴³ Вестник ВПП. -1921. -8 сент.,17 дек. Зачастую японские фирмы вели торги, прикрываясь подставными лицами. В годы Гражданской войны 82 % мелких предприятий и мастерских Приморья, из 1700 существовавших к 1917 г., стали принадлежать японцам, хотя их юридическими хозяевами считались русские. -См.: Экономическая жизнь Дальнего Востока. -1922. -№ 2. -С.63.
- ⁴⁴ Вестник ВПП. -1921. -23 дек.
- ⁴⁵ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. -Т.44. -С.133,549.
- ⁴⁶ Архипов Н.В. Дальневосточный край. -М.-Л.,1929. -С.71-73,90.
- ⁴⁷ Дальневосточный телеграф (Владивосток). -1922. -19 авг.
- ⁴⁸ Архипов Н.В. Дальневосточный край. -С.71-73,90.
- ⁴⁹ Судзуки А. К российским берегам. Советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР (Владивосток). -1992. -№2. -С.39-40.
- ⁵⁰ Экономическая жизнь Дальнего Востока. -1923. -№1-2. -С.39. В 1921 г. редакция либеральной газеты «Голос Родины» составила список официальных документов, относящихся к интервенции держав в Приамурье, незаконным захватам лесных и рыболовных участков и т.д. Сборник, в который вошло около 90 документов, был назван «Действия Японии в Приамурском крае». В 1922 г. он пополнился изданной также во Владивостоке брошюрой К.К.Куртеева «Угроза русскому Дальнему Востоку».
- ⁵¹ Слово. -1922. -9 апр.

- ⁵² ГАХК. Ф.44.Оп.1.Д.147.Л.52,146,147; Родина. -1922. -18 авг.
- ⁵³ См.: Мандрик А.Т. Подавляющее превосходство японского капитала в рыболовстве Дальнего Востока // Россия и АТР. -1992. -№1. -С.49-50.
- ⁵⁴ См.: Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922 гг.). Сб. док. -Владивосток,1955. -С.671-672.
- ⁵⁵ Русский край. -1921. -12 июня.
- ⁵⁶ Вестник ВПП. -1921. -27 дек.
- ⁵⁷ Русский край. -1921. -9 окт.
- ⁵⁸ Русский край. -1921. -5. 26 июня.
- ⁵⁹ Погребецкий А.И. Денежное обращение... -С.135.
- ⁶⁰ Русский край. -1921. -16,18 июня.
- ⁶¹ Русский край. -1921. -5 авг.
- ⁶² Владиво-Ниппо. -1921. -22 нояб.
- ⁶³ Голос Родины. -1921. -27 окт.
- ⁶⁴ Оклад по первому разряду устанавливался правительством отдельно.
- ⁶⁵ Русская армия (Владивосток). -1921. -22 сент.
- ⁶⁶ Русская армия. -1921. -27 окт.
- ⁶⁷ См.: Иконникова Т.Я. Особенности аграрного развития края в конце XIX - начале XX вв. // Очерки истории родного края. -Хабаровск,1993. -С.91-99.
- ⁶⁸ См.: Героические годы борьбы и побед. -М.,1968. -С.11.
- ⁶⁹ См.: Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX-XX вв.: очерки истории. -Владивосток,1991.
- ⁷⁰ См.: Дальсовнарком. 1917-1918. Сб. док. и мат. -Хабаровск,1969. -С.177-178,192-193; Крестьянство Дальнего Востока СССР. -С.147.
- ⁷¹ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. -М.,1983. -С.183.
- ⁷² См.: Крестьянство Дальнего Востока СССР. -С.145-155.
- ⁷³ Вестник ВПП. -1921. -6,12 апр.
- ⁷⁴ Вестник ВПП. -1922. -2 мая.
- ⁷⁵ Вестник ВПП. -1922. -9,12 мая.
- ⁷⁶ Moltchanoff V.M. The Last White General. -Berkely,1972. -P.116.
- ⁷⁷ Дальневосточная республика: становление... -Ч.II. -С.114.
- ⁷⁸ Павлович М.(Вельтман М.П.) Советская Россия и империалистическая Япония. -М.,1923. -С.70.
- ⁷⁹ Дальневосточная республика: становление... -Ч.II. -С.114-119.
- ⁸⁰ Русский край. -1921. -15 дек.
- ⁸¹ Русский край. -1921. -23 дек.
- ⁸² Слово. -1922. -14 янв.
- ⁸³ Слово. -1922. -5 февр.
- ⁸⁴ Слово. -1922. -3 янв.
- ⁸⁵ Слово. -1922. -21.26 янв., 19 марта.
- ⁸⁶ Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. -Харбин,1938. -С.153.
- ⁸⁷ Вестник ВПП. -1922. -29 июня; Слово. -1922. -30 июля.
- ⁸⁸ ГАХК. Ф.44.Оп.1.Д.147.Л.39,47,93,129,163; Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. -Сан-Франциско,1971. -С.116,122-127. При эвакуации из Владивостока в 1920 г. французскому консулу было передано 10 (по другим данным - 19) вагонов с оружием, но оно находилось под охраной японцев. По просьбе М.К.Дитерихса французский консул Андрэ продавал через подставное лицо оружие Белому правительству. Но вагоны оказались пустыми. Согласно объяснений управления Уссурийской ж.д. эти вагоны ушли на КВЖД с документами Российского Красного креста «с грузом продовольствия и медикаментов» для беженцев в Хайларе, а состав на запасных путях был подменен. Японское командование, которое отвечало за охрану оружия, обещало М.К.Дитерихсу компенсировать потери. -См.: Земский край (Владивосток). -1922. -19 окт.
- ⁸⁹ Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. -С.273.
- ⁹⁰ РГИА ДВ. Ф.2532р.Оп.2.Д.10.Л.5.
- ⁹¹ Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. -С.109.
- ⁹² Там же. -С.312,334.
- ⁹³ Красное знамя (Москва). -1977. -23 сент.

Доронин Ю.П., Хайрулин М.А.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СУДЬБЫ ПЕРВОГО ВОЕНЛЕТА РОССИИ

Руднев Евгений Владимирович.
Фото 1913 г.

Сегодня нельзя с полной уверенностью заявить, что история отечественной авиации досконально изучена, есть в ней «белые пятна», которые в силу определенных обстоятельств не могли быть известны широкому кругу любителей авиации. Восемьдесят лет, как нам кажется, вполне достаточный срок замалчивания о судьбе одного из выдающихся летчиков России, «крестного отца» П.Н.Нестерова в летном деле, военного летчика, полковника Евгения Владимировича Руднева.

В 1992 г. в издательстве «Машиностроение» вышла в свет книга В.И. Лавренца «Летчики России», в ней автор, подводя итог описанию жизни Е.В.Руднева, пишет «... в местечке Сент-Женевьев-де-Буа, где находится русское кладбище, на могиле бетонный крест с надписью: «Военный летчик, полковник Евгений Владимирович Руднев. 1886 - 1945»... Пока неясно, где Руднев получил звание полковника. В последнем документе, адресованном ему русским Авиадармом, летчик именуется капитаном. А сведениями о его службе в Белой армии или армиях интервентов институт военной истории не располагает»¹.

В 1993 г. в журнале «Авиация и космонавтика» №8 была опубликована статья историка отечественной авиации В.Кравца «Первый военлет» о жизненном пути одного из первых рус-

ских летчиков Евгения Владимировича Руднева. Она заканчивалась словами: «Последнюю точку ставить в этой истории рано. К сожалению, подробности жизни Е.Руднева в период с 1918 по 1945 год малоизвестны. Возможно, письма читателей, родственников, а так же лиц, его знавших, дополнят образ верного сына России»².

Материалы фондов Российского государственного военного архива сегодня дают возможность продолжить биографию одного из пионеров русской авиации в период Гражданской войны.

В конце 1917 года капитан Е.В.Руднев, отрешенный от дел начальника Московской школы авиации, предпринял последнюю попытку быть полезным советской власти в роли администратора, преподавателя или просто слушателя любой инженерной академии, но получил отказ, под предлогом, что все вакансии уже заняты³.

Лишенный средств к существованию, воинского звания и всех, связанных с этим привилегий, не имея возможности заработка он уезжает на Украину, где поступает на службу и получает назначение в Одессу в качестве командира авиационного дивизиона⁴. Находясь на украинской службе, Е.В.Руднев вскоре начинает осознавать двойственность своего положения. В 1918 г. Украину оккупировали немцы и фактически стали осуществлять контроль за деятельностью авиации.

Как истинный патриот капитан Руднев не мог смириться с подобной ситуацией, ведь совсем недавно немцы были врагами его Отечества. Он сам в годы Первой мировой войны командовал 31 армейским авиационным отрядом и неоднократно сталкивался с противником в воздушных боях.

К этому времени на юге России уже были созданы очаги Белой борьбы, идеи которой импортировали многим представителям российского офицерского корпуса. Поэтому Е.В.Руднев делает для себя выбор: быть там, где в его понимании, начиналось возрождение утраченной России. Среди сослуживцев нашлись единомышленники, которые помогли ему утвердиться в правильности своего выбора.

После длительных приготовлений, крайне затруднявшихся бдительностью украинских и немецких властей, отряд штаб-ротмистра Надеждина на 8 самолетах (6 - «Ньюпоров», 1 - «Декан», 1 - «Фарман ХХХ») вылетел 16 сентября 1918 г. из Одессы в Екатеринодар.

Благополучно до Екатеринодара с посадкой на заранее подготовленных базах на о.Бирючьем в Азовском море и в Анапе, долетел только прапорщик Шевчук. Лейтенант Ивашкевич и прапорщик Каминский разбили аппараты при взлете в Одессе. Капитан Руднев вследствие порчи мотора вынужден был опуститься между Николаевом и Херсоном, и переодевшись в крестьянское платье, пробрался затем в Екатеринодар. Поручик Каминский, вынужденный из-за недостатка бензина опуститься на Тамани, в расположении большевиков, смог пешком пробраться в Темрюк, а оттуда в Екатеринодар. Штаб-ротмистр Надеждин, лейтенант Ярыгин и поручик Энгельмейер благополучно долетели до о.Бирючьего в Азовском море, где на самолетах штаб-ротмистра Надеждина и лейтенанта Ярыгина перестали работать моторы. Дальнейший путь штаб-ротмистр Надеждин, лейтенант Ярыгин и поручик Энгельмейер совершили втроем на «Фармане ХХХ» последнего. Над Керчью из-за порчи карбюратора они вынуждены были опуститься, и оказались в плену у немцев, которые, продержав арестованных летчиков в крепости 35 дней, под конвоем отправили их в Одессу для выдачи украинским властям. В Мелитополе летчикам удалось бежать, и они прибыли в Екатеринодар.

Приказом инспектора авиации Добровольческой армии от 17 октября 1918 г. капитану Рудневу было поручено приступить к формированию 3 авиационного отряда, в который тем же приказом были назначены все перелетавшие с ним летчики⁵.

В конце 1918 г. Германия вышла из войны, немцы стали покидать пределы Украины, а Добровольческая армия расширила границы своего влияния, потеснив части Красной армии. Руднев сдал командование отрядом ротмистру Надеждину в связи с назначением на должность и.о.инспектора авиации Одесского района Добровольческой армии. На него возлагалась задача обеспечения прикрытия западных границ территории, контролируемой армией генерала А.И.Деникина.

Изменения на фронте в марте 1919 г. вынудили формирования белых оставить Крым и Одесский район, в срочном порядке эвакуировать все авиационные средства и имущество 7,8,9 и 10 авиационных отрядов. Из-за недостатка времени эта эвакуация проходила крайне неорганизованно, поэтому часть самолетов и имущества была утрачена⁶. Не успел выехать и капитан Руднев. 1 апреля 1919 г. он был исключен из списков, как не прибывший по эвакуации из Одессы. Такие случаи в тот период были не единичны. Одной из главных причин своего несвоевременного возвращения в Добровольческую армию Евгений Владимирович впоследствии на следственной комиссии назвал нежелание оставлять на произвол судьбы семью.

Только к августу 1919 г. у Рудневых (вместе с летчиком находилась его жена Софья Евгеньевна) появилась возможность перебраться на территорию Добровольческой армии. Для разбора дела капитана Руднева, не возвратившегося после эвакуации из Одессы к месту службы, приказом Главнокомандующего генерала А.И.Деникина № 1714 от 3.8.1919 г. была назначена комиссия в составе: председатель - военный летчик, полковник Степанов, члены - летчик-наблюдатель полковник Зиновьев и командир 2 Донского самолетного отряда, военный летчик подполковник Лавров.

Заключение о работе комиссии было объявлено в приказе по управлению начальника авиации Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) № 196 от 9.8.1919 г. и носило следующее содержание:

«1). Желание капитана Руднева вылететь из Одессы и, таким образом, не отлучаться от Добровольческой армии является установленным фактом.

2). Капитан Руднев ни в каких частях и организациях большевистской армии не служил.

Оба этих факта свидетельствуют, что капитан Руднев офицерского звания не опорочил. Что касается долгого отсутствия капитана Руднева из Добровольческой армии, то комиссия вынесла заключение, что им не было проявлено достаточной энергии к скорейшему возвращению в Добровольческую армию, что, по мнению комиссии, заслуживает порицания, но не может служить препятствием к возвращению капитана Руднева на службу в авиацию Добровольческой армии...»⁷.

Вскоре Е.В.Руднев был назначен начальником организационного отдела управления начальника авиации ВСЮР, затем и.д.начальника строевого отдела того же управления. 12 февраля 1920 г. капитан Руднев был произведен в подполковники с переименованием в полковники со старшинством с 27 сентября 1918 г., с зачетом на сокращение срока выслуги 30 часов боевых полетов⁸ (см. приложение).

После разгрома войск А.И.Деникина на Северном Кавказе в конце марта 1920 г. остатки Добровольческой армии эвакуировались в Крым. В очередной раз из-за отсутствия транспорта, авиационные части вынуждены были оставлять имущество и самолеты наступавшим советским войскам. На железнодорожных платформах между Ростовом и Таганрогом застряло несколько десятков самолетов. Около 20 аппаратов было сожжено при отступлении из Екатеринодара. Все это привело к сокращению 14 авиачастей. Оставшиеся авиачасти вошли в состав Русской армии генерала П.Н.Врангеля⁹.

После эвакуации в Крым Е.В.Руднев прикомандирован к Качинской (Севастопольской) военной авиационной школе. Вынужденное бездействие в резерве авиации продолжалось более трех месяцев. Вновь назначенный начальник авиации ВСЮР генерал-майор В.М.Ткачев, зная его организаторские способности и опыт администратора, привлекает Е.В.Руднева к работе в аппарате управления, в качестве начальника строевого отдела и помощника по технической части.

Помимо выполнения основных обязанностей он являлся ответственным редактором авиационного журнала «Наша стихия», издававшегося управлением авиации ВСЮР с августа 1920 г.¹⁰ До конца пребывания в Крыму Русской армии издали два номера журнала, третий номер был подготовлен к печати, но не вышел в свет. Белое движение потерпело поражение в Гражданской войне.

В ноябре 1920 г. с П.Н.Врангелем из Крыма эвакуировалось около 300 авиарботников, в их числе находился и полковник Е.В.Руднев, покинувший Россию навсегда¹¹.

Так завершился период Гражданской войны в судьбе нашего соотечественника, нашего земляка свое пристанище на чужбине. Умер Е.В.Руднев 7 июня 1945 г. в Париже¹². Но все же ставить точку в этом повествовании рано, своего исследования ждет эмигрантский период жизни одного из первых военлетов России.

***Хроника службы в годы Гражданской войны
РУДНЕВА Евгения Владимировича
(24.8.1886 - 7.6.1945) - военного летчика, полковника***

- в 1915 г. командир 31 армейского авиационного отряда;
- с XII.1916 г. начальник Петроградской школы авиации;
- с VI.1917 г. начальник Московской школы авиации;
- в VIII.1917 г. избран делегатом Первого всероссийского авиационного съезда;
- в XI.1917 г. отстранен от командования Московской авиационной школой;
- с I.1918 г. командир авиационного дивизиона украинской службы, Одесса;
- 16.IX.1918 г. перелетел из Одессы в Добровольческую армию;
- с IX.1918 г. прикомандирован к подвижной авиационной базе Добровольческой армии;
- с 17.X.1918 г. командир формируемого 3 авиационного отряда Добровольческой армии;
- с 1.XI.1918 г. прикомандирован к авиационному парку Добровольческой армии;
- с 20.XII.1918 г. и.о. инспектора авиации Одесского района Добровольческой армии;
- с 1.IV.1919 г. исключен из списков как не прибывший по эвакуации из Одессы;
- 8.VIII.1919 г. прибыл из эвакуации и назначен начальником организационного отдела управления начальника авиации ВСЮР;
- 12.VIII.1919 г. вр.и.д.начальника строевого отдела с исполнением обязанностей начальника организационного отдела; начальник организационного отдела управления начальника авиации ВСЮР;
- 12.II.1920 г. произведен в подполковники со старшинством с 22.7.1916 г. и с переименованием в полковники со старшинством с 27.9.1918 г.;
- с 1.III.1920 г. отчислен от занимаемой должности и прикомандирован к переменному составу Севастопольской военной авиационной школы;
- с 29.VI.1920 г. прикомандирован к управлению начальника авиации ВСЮР;
- с 12.VII.1920 г. вр.и.д.помощника начальника управления авиации ВСЮР по технической части;
- 7.VI.1945 г. умер в Париже и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

**ВЫПИСКА из приказа Вооруженным Силам Юга России
О чинах воинских**

гор. Екатеринодар

12 февраля 1920 года

Производится:

На основ. Пр. В.В.
1917 года № 130,
со старшинством:
из капитанов в
подполковники и
с переименованием
на основании
Пр. Главн. В.С.Ю.Р.
1919 г. № 1950, в
полковники

По техническим войскам:

Управление Начальника Авиации
Вооруженных Сил на Юге России
Руднев Евгений - с 22-го июля
1916 года и с переименованием
в полковники на основании
Пр. В.С.Ю.Р. 1919 г. № 1950.

Подлинный подписал:
С подлинным верно:

Главнокомандующий, генерал-лейтенант ДЕНИКИН
Начальник 2 Отделения Общего Отдела Военного Управления
полковник ЯКОВЛЕВ

¹ Лавренец В.И. Летчики России. -М.,1992. -С.54-55.

² Кравец В. Первый военлет //Авиация и космонавтика. -1993. -№ 8. -С.29.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф.39540.Оп.1.Д.296.Л.2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д.249.Л.68.

⁷ Там же. Д.250.Л.194.

⁸ Там же. Д.242.Л.1.

⁹ Там же. Д.214.Л.91; Д.282.Л.10.

¹⁰ Там же. Д.331.Л.32.

¹¹ См.: Вольников П. Развал авиационной эмигрантщины //Вестник Воздушного Флота. -1924. -№ 3. -С.2-6.

¹² Кравец В. Первый военлет. -С.29.

¹³ РГВА. Ф.39540.Оп.1.Д.242.Л.154.

ВОЖДИ БЕЛОКАЗАКОВ СИБИРСКОГО ВОЙСКА: КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

*Генерал-лейтенант П.П.Иванов-Ринов -
войсковой атаман и командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса*

Павел Павлович Иванов-Ринов (1869 - ?) - один из руководителей Белого движения в Сибири, последний войсковой атаман Сиб. каз. войска.

Настоящая фамилия - Иванов. Родился 26 июля 1869 г.* в Семипалатинской обл., в семье потомственного дворянина, полковника. Образование получил в Сиб. кадетском корпусе (Омск, 1888) и 1 Павловском военном училище (СПб., 1890). По окончании училища, в чине хорунжего, служил младшим офицером в 3 Сиб. каз. полку на русско-китайской границе (Зайсанский у.). Слыл отличным наездником и стрелком, заядлым охотником. На досуге пробовал себя в литературе, писал в приключенческом жанре, опубликовал несколько охотничьих рассказов. В 1893 г. дважды чуть не погиб: будучи в отпуске и охотясь на территории Китая, за убийство марала был приговорен китайцами к смерти, но бежал; играя в «русскую (офицерскую) рулетку», выстрелил себе из револьвера в грудь (пулю так и не извлекли), был при смерти, но выжил и вернулся в строй (в тот же 3 полк). Произведен в чин сотника. В сентябре 1900 г. в составе 7 полка Сиб. каз. дивизии участвовал в походе в Китай.

В самом начале XX в. Иванов переходит на военно-административную службу в Туркестанское генерал-губернаторство. С 11.IX.1901 г. в распоряжении военного губернатора Семиреченской обл. (с переименованием в поручики), вр.и.д. Адбашинского участкового начальника. В 1904 г. в 7 Сиб. каз. полку. Ротмистр (1904). В 1906 г. Иванов управлял Пржевальским у., вр.и.д. Верненского уездного начальника (Семиреченская обл.). Затем Ходжентский уездный начальник (Самаркандская обл.). Произведен в чин подполковника. Выделялся энергией, был требователен, но справедлив. Приобрел разносторонний опыт управления, т.к. уездный начальник соединял в своих руках гражданскую, военную и полицейскую власть в уезде. Семья у Иванова была большой: жена (Надежда Агафоновна), две дочери (Зинаида и Елена), три сына (Борис, Евгений, Гурий).

Узнав об объявлении в 1914 г. Германией войны России, немедленно покинул Ходжент, чтобы зачислиться в строевую часть и попасть на фронт. Получил назначение на должность помощника командира 2 Кубан. каз. полка. Отличился в боях на Карпатах. Произведен в полковники. Командовал различными сборными военными отрядами, вр.и.д. командира 2 Кубан. каз. бригады (2 Кубан. каз. дивизии). Четыре месяца был командиром 8 полка Сиб. каз. дивизии (16.II-21.VI.1916). Отмечен многими боевыми наградами.

24 мая 1916 г. состоялось назначение Иванова Семиреченским вице-губернатором. Будучи отозван с фронта, он воспользовался законным отпуском, чтобы заехать к семье в Ташкент (VII.1916). Здесь Иванова застигло восстание «туземцев», вызванное мобилизацией их на тыловые работы. Вожди мятежа провозгласили «священную войну» (газават) иноверцам. Восставшие преследовали и избивали безоружное русское население, не щадя ни женщин, ни детей: над мирными жителями учиняли надругательства, били, женщин насиловали; несколько десятков

* Все приведенные в тексте даты указаны: до февраля 1918 г. - в старом стиле, после февраля - в новом.

женщин и детей силой обратили в мусульманство и увели в плен; в ходе мятежа в одном Джизакском у. было убито около 100 человек русских. Бунтовщики грабили имущество русских, жгли их дома, разрушали железнодорожный путь, мосты, станционное оборудование и строения, телеграфные линии. Власти, у которых почти не было войск, растерялись. Генерал-губернатор Матсон предложил Иванову взять на себя командование всеми силами, действовавшими против мятежников. Видя пассивность администрации и глубину кризиса, тот согласился, но при условии, чтобы ему дали право действовать решительно.

Наметив план действий, П.П.Иванов с ротой пехоты прибыл к Джизаку, главному гнезду восставших (16.VII.1916), и возглавил все находившиеся в этом районе и прибывавшие туда войска (к нач. VIII.1916 - 12 рот пехоты, 0,75 саперной роты, 6 орудий, 3 сотни 4 Исетско-Ставропольского полка Оренб.каз.войска). Первым делом он организовал «активную охрану» железнодорожной и телеграфной линий. Одновременно прочно занял Джизак, отогнав противника на 10 верст от города. Реквизировав у населения лошадей и седла, создал в своих ротах большие команды ездящей пехоты. Действовал энергично и жестоко, уничтожая повстанческие шайки и сжигая мятежные кишлаки, благодаря чему в три дня добился перелома в борьбе. Однако восставшие Богданской волости во главе с А.Джевачи еще не теряли надежды на победу: решили наступать на Джизак, чтобы отвоевать его от России и создать самостоятельное бекство. Подняв на газават значительное число людей, они стягивали их в местность Клы (12 верст от Джизака). Здесь 21 июля повстанцы обстреляли и принудили к отступлению казачью команду (30 сабель, 1 пулемет). Для разгрома этого скопища мятежников, а также для преследования остатков других групп, загнанных в горы, Иванов двинул четыре колонны войск. *«Совместные действия... колонн, - сообщал военному министру вр.и.д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р.Ерофеев, - разобили бунтовщиков, рассеяли скопища, потрясли туземное население, которое, видя наступление возмездия, начало изъяслять покорность, выдавать главарей, заявлять готовность выставить рабочих».* К 25 июля Иванов привел Джизакский у. к полной покорности, началась стабилизация. В наказание за мятеж он приказал разрушить строения туземной части Джизака. В глухие горные ущелья были посланы две колонны войск (26-27.VII.1916), которые захватили 12 главарей повстанцев и спасли 56 русских женщин и детей, уведенных в неволю. После завершения карательной экспедиции Иванов был назначен вр.и.д. Ферганского военного губернатора (18.VIII.1916).

Туркестанские события были использованы оппозиционным большинством Государственной Думы для критики правительства. А.Ф.Керенский, съездивший в Туркестан (VIII.1916), обвинил П.П.Иванова в крайней жестокости и варварском разрушении населенных пунктов. Левая пресса дала ему прозвище «Иванов-Джизакский». Но представители туркестанской администрации считали, что в тех условиях (мировая война, стремительное разрастание восстания, минимум русских войск) умиротворить край можно было только так, как это сделал Иванов: решительно, быстро, с относительно небольшим количеством жертв (в том числе в войсках Иванова убито 2 человека, 1 ранен; данных о потерях повстанцев в документальных источниках нет).

После Февральской революции Кокандский совдеп сместил П.П.Иванова с должности, и тот покинул Туркестан. Был зачислен в офицерский резерв Кавказского военного округа (13.IV.1917). На 2 Круге Сиб.каз.войска баллотировался в войсковые атаманы, но не прошел (IX.1917). С 29 сентября 1917 г. Иванов временно исполнял обязанности командира 1 Сиб.каз.полка. А затем - 13 ноября - стал командующим Отд.Сиб.каз.бригады. С Кавказского фронта привел бригаду в войско, в Петропавловск (1.I.1918), где приступил к ее расформированию. Негласно направлял деятельность Петропавловского станичного правления против советской власти.

В апреле 1918 г. рядом активистов Омского антисоветского подполья полковник П.П.Иванов был рекомендован генералу В.Е.Флугу, главе тайной миссии Добровольческой армии, «как лицо, пользующееся большим влиянием среди казачества и имеющее обширный административный опыт». Флуг назначил Иванова начальником нелегальных военных организаций Омска и Петропавловска. Скоро Иванов объединил под своим началом Белое подполье Степной Сибири (Акмолинской и Семипалатинской обл.). Работал под псевдонимом «Ринов». Ориентируясь на Добровольческую армию и политическую программу генерала Л.Г.Корнилова, Иванов только после пятидневных уговоров подполковника А.Н.Гришина-Алмазова согласился подчиниться в оперативном отношении подпольному военному штабу Западно-Сибирского комиссариата (но не эмигрантскому Временному Правительству автономной Сибири). 7 июня 1918 г. возглавил вооруженное выступление в Омске и после ухода красных приступил к формированию в нем Степного корпуса. Фактически, «как опытный администратор и человек с характером» правил освобожденным от большевиков районом (Акмолинская обл. и части Тобольской губ. и Семипалатинской обл.) до переезда в Омск Западно-Сибирского комиссариата (сер. VI.1918).

Приказом по Западно-Сибирской армии назначен командиром Степного Сибирского стрелкового корпуса (13.VI.1918). Произведен в чин генерал-майора (2.VII.1918). Временное Сибирское правительство (ВСП) особым постановлением, за заслуги в свержении советской власти, разрешило ему именоваться впредь Ивановым-Риновым. 4 Чрезвычайным Кругом Сиб.каз.-войска избран войсковым атаманом, с правом совмещать атаманство с должностью комкора (16.VII.1918). Приказом по Степному корпусу ввел военное положение на большей части Западной Сибири (27.VII.1918). Участник «Предварительного Государственного совещания» (Челябинск, VIII.1918), сторонник скорейшего создания единой Всероссийской власти.

5 сентября 1918 г. П.П.Иванов был назначен командующим Сибирской армией (до 24.XII.1918) и управляющим военным ведомством ВСП (до 4.XI.1918). В то же время остался атаманом Сиб.каз.войска, передав текущую работу по управлению войском председателю Войсковой управы Е.П.Березовскому (9.IX.1918). Ввел в Сибирской армии вместо наруканных знаков наплечные погоны защитного цвета, а также петлицы и кокарды (из приказа по армии от 6.IX.1918 г.: *«Погоны омыты священной кровью павших за воссоздание Родины в борьбе с врагами народа - большевиками - и стали символом служения высокому воинскому долгу, за Отечество и угнетенный народ русский. Приказываю военнослужащим это помнить и носить погоны с честью. Воинские отличия особенно обязывают носящего их охранять достоинство всей армии, ибо по случаям отдельных нарушений судят обо всех»*). Восстановил действие всех приказов по военному ведомству за 1915-1917 гг. в части чиновпроизводства и льгот офицеров, военных чиновников и врачей. Подписал приказ о предании суду - как предателей Родины - офицеров, служивших у большевиков (13.IX.1918). По его требованию был разработан и принят (14.IX.1918) закон о «Временном восстановлении смертной казни за некоторые тяжчайшие преступления», в соответствии с которым дела по таким преступлениям рассматривали прифронтовые военно-полевые суды. Участник Уфимского Государственного совещания (IX.1918), на котором проявил себя как сторонник сильной русской власти (представителей «инородцев» предлагал держать в «ежовых рукавицах»). Выступал за ликвидацию эсеровского Съезда членов Учредительного собрания.

В первой половине октября 1918 г. отбыл из Омска в командировку на Дальний Восток, имея задачу реорганизовать вооруженные силы края и подчинить их ВСП. Немало способствовал тому, что атаман Г.М.Семенов и генерал Д.Л.Хорват признали над собой власть ВСП. Резко, но негласно осуждал дальневосточную атаманщину. Во Владивостоке просил «союзников» не поддерживать отдельные отряды и тем самым не мешать созданию и укреплению единой русской власти. Пытался ограничить корыстные устремления Японии, противопоставляя ей другие «союзные» государства. Выступил против идеи продвижения японских войск до Урала, посчитав, что это ничего не даст антибольшевистскому фронту, зато увеличит влияние Японии в России и поощрит ее захватническую политику.

Как лицо, сосредоточившее ключевые военные посты, рассматривался в сентябре-октябре 1918 г. в качестве главного претендента в военные диктаторы. Однако события, произошедшие за время командировки на Дальний Восток - переезд в Омск Директории, формирование ею нового совмина, назначение военным и морским министром контр-адмирала А.В.Колчака (4.XI.1918), - вывели П.П.Иванова-Ринова из борьбы за роль диктатора. Оппоненты попробовали отодвинуть его вообще на дальний план: последовало назначение Иванова командующим мало-значительным Семиреченским фронтом. Увидев в этом попытку полного устранения его от дел и стремление новых военных руководителей (Главноверха В.Г.Болдырева и военмина А.В.Колчака) «отдать всю армию чехам, а кадровые полки на пагубные эксперименты», Иванов поставил перед правительством пять условий (в том числе оставление его командующим Сибирской армией) и в случае их невыполнения грозил остаться на Дальнем Востоке (вероятно, чтобы работать против Омска). В результате, пост командарма был за ним сохранен.

П.П.Иванов критически относился к А.В.Колчаку и его намерениям, а именно: считал, что Колчак, работая в команде генерала Д.Л.Хорвата, «нетактично произвел разрыв с японцами и вообще многое испортил на Востоке своей несдержанностью»; выступал против вредных, по его мнению, планов наступления на северном направлении (на Вятку, Котлас) и против ликвидации системы территориальных корпусных округов. Тем не менее, узнав об омских событиях 18 ноября 1918 г., Иванов отправил из Владивостока телеграмму Колчаку, в которой от имени Сибирской армии заявил о безоговорочном признании его Верховным правителем Российского государства и о полной поддержке всех его начинаний. Другой телеграммой, отправленной командирам корпусов Сибирской армии, начальникам гарнизонов Сибири и атаману Г.М.Семенову, призвал всех их признать власть Колчака и приказал: *«...войскам пресекать в зародыше всякие попытки какого бы то ни было массового неповиновения и пропаганды против Верховного (правителя - В.Ш.) и Совета министров, предавая виновных военно-полевому суду, а в не*

терпящих отлагательства случаях - расстреливать на месте без суда и следствия; поддерживать в войсках железную дисциплину, не подчиняющихся предавать смерти». Возвращаясь в Омск, Иванов предпринял в Чите безуспешные переговоры с атаманом Семеновым, попытавшись примирить его с Колчаком. В то же время он предупреждал и Колчака (2.XII.1918): «Омск остается во власти местных переживаний и не усвоил до сих пор грозных опасностей, надвигающихся с Востока... Без связи с внешним миром, без снабжения армия наша рухнет. Мы - игрушка иноземных сил, которые Омск недостаточно учитывает. Но если мы не учтем значения Востока и этих сил, стоящих вне нас, то мы погибнем, как бы ни были велики наши подвиги и наши жертвы...»

3 декабря 1918 г. последовало назначение П.П.Иванова помощником Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке генерала Д.Л.Хорвата по военной части (до 20.V.1919), с сохранением за ним постов командарма и войскового атамана. Тем не менее, вернувшись в Омск и вступив в командование Сибирской армией, он успел еще возглавить подавление Омского восстания 22 декабря и расправу над его участниками (приказ по Сибирской армии №160 от 22.XII.1918 г. о предании военно-полевому суду «провокаторов»). 23 декабря 1918 г. Иванов был освобожден от должности командарма и, вдобавок к посту помощника Хорвата по военной части, назначен командующим войсками Приамурского военного округа (до 11.V.1919), после чего выступил с таким заявлением: «*До моего сведения доходят слухи, распускаемые врагами Родины, о якобы тайных намерениях моих посягнуть на установленную государственную власть. Дабы окончательно прекратить связанную с моим именем провокацию, торжественно заявляю, что я до последней капли крови решил поддерживать Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Александра Васильевича Колчака...*» (23.XII.1918). 25 декабря Иванов выехал из Омска к месту назначения.

Работая на Дальнем Востоке (I-V.1919), многое сделал для организации военного дела в крае (в частности, под его руководством сформированы стрелковая дивизия, казачья бригада, артиллерийские и инженерные части). Выступил посредником в ликвидации конфликта между адмиралом А.В.Колчаком и атаманом Г.М.Семеновым. Во время встречи во Владивостоке, когда Семенов подчинился Иванову как командующему Приамурским военным округом, были сформулированы предварительные условия соглашения. Омское правительство почти полностью приняло их. Это была завуалированная капитуляция Колчака перед Семеновым и поддерживавшей его Японией. Однако иного выхода у Колчака, исходя из реального соотношения сил на Дальнем Востоке, просто не было.

4 июня 1919 г. П.П.Иванов, смененный со своих дальневосточных постов, прибыл в Омск и как войсковой атаман вступил в управление Сиб.каз.войском. 1 июля он отправился в поездку по станицам, в своих речах горячо призывая казаков «*к защите родного войска, к восстановлению поруганной большевиками веры православной, государственности и русского национально-го дела*». Вернувшись в Омск с приговорами станичных сборов о поголовном выходе казаков на службу, отдал 28 июля приказ войску о мобилизации рядовых 1913-1900 гг. Пятый Чрезвычайный войсковой Круг единогласно вручил ему «*всю полноту власти в войске, всю войсковую силу...*» (7.VIII.1919). 10 августа в Войсковом Никольском соборе Иванова торжественно благословили, привели к особой присяге, вручили ему грамоту круга, войсковой стяг и войсковую шашку. Тут же адмирал А.В.Колчак произвел его в чин генерал-лейтенанта. Иванов приступил к тотальной мобилизации войска и к формированию Отдельного Сиб.каз.корпуса. Был назначен командиром этого корпуса. 19 августа избран председателем Общеказачьей конференции представителей девяти каз.войск (Омск, VIII-IX.1919). Выступал за самые решительные меры по преодолению кризиса на фронте и в тылу (реорганизация власти в сторону усиления диктатуры, поголовная мобилизация, создание цепи постов по Иртышу для ловли дезертиров, облавы в тылу на уклоняющихся от исполнения долга офицеров и военных чиновников, ускоренное судопроизводство по делам о спекуляции, беспощадная борьба с мародерством, развратом, пьяным разгулом, широкое применение в качестве наказания расстрела и т.п.).

В конце августа во главе Отдельного Сиб.каз.корпуса выступил на фронт. У пос.Островного станицы Пресновской лично повел корпус в конную атаку и разгромил две стрелковых бригады красных, за что присутствовавшим здесь же А.В.Колчаком награжден орденом Св.Георгия 4 степ. (9.IX.1919). Однако П.П.Иванов не смог развить успех, упустил инициативу, не выполнив директив командования о рейде по тылам противника. 19 сентября командующий фронтом генерал М.К.Дитерихс «за неисполнение приказаний оперативного характера (рейд на Курган)» отстранил его от командования корпусом, заменив генералом Г.А.Беловым. Срочно приехав в Омск, посредством давления Общеказачьей конференции на Колчака Иванов быстро добился восстановления в прежней должности и 24 сентября отправился из Омска на фронт к своему корпусу. Отдельный Сиб.каз.корпус при поддержке других белых частей смог освободить захва-

ченные станицы войска, отгеснив красных за р.Тобол. Однако командование в дальнейшем перестало использовать его как самостоятельную боевую единицу, «раздергивая» дивизии и полки корпуса для решения разных частных задач, и Иванов фактически оказался не у дел.

В начале ноября 1919 г. назначен помощником главнокомандующего Восточным фронтом генерала К.В.Сахарова по военно-административной части. Вступив в новую должность, издал приказ: *«Предупреждаю, что все граждане и представители государственной службы должны проявить высшее напряжение своих физических и духовных сил для окончательного сокрушения надвигающейся опасности и что мною будут приняты беспощадные меры против всех, уклоняющихся от служебного или гражданского долга, и против явных и тайных врагов Святого Дела Возрождения Родины»* (6.XI.1919). Беспощадными мерами безуспешно пытался предотвратить развал фронта и тыла. 12 ноября с поездом главкома генерала К.В.Сахарова эвакуировался из Омска. На ст.Тайга вместе с Сахаровым был арестован братьями Пепеляевыми (9.XII.1919). Освобожден после смещения Сахарова и назначения главкомом генерала В.О.Каппеля. Когда 29 декабря на ст.Ачинск взорвался эшелон со снарядами, вместе с генералами Каппелем и Сахаровым распорядился спасением людей и тушением пожаров.

Перед Красноярском Иванов был вынужден оставить эшелон и следовать далее походным порядком. Во время красноярской трагедии (5-6.I.1920) он каким-то образом отбился от колонны штаба Каппеля, три дня скрывался в заброшенном шалаше в лесу, затем пробрался в захваченный большевиками Красноярск. Около двух месяцев прожил там на нелегальном положении. Наконец в середине марта 1920 г., раздобыв подложный паспорт «гражданина Армянской республики», через Иркутск смог (на поезде!) проехать в Белое Забайкалье и совершенно неожиданно (ранее прошел слух, что под Красноярском он застрелился) объявился в Чите.

Пробыв в Чите несколько дней и нанеся визит атаману Г.М.Семенову, П.П.Иванов уехал в Харбин (23.III.1920), где и поселился, оставаясь совершенно не у дел и формально считаясь войсковым атаманом. В 1921 г. он приехал в Гродеково и занял должность начальника штаба атамана Семенова. Затем, после расхождения с Семеновым и отъезда того в Японию, жил во Владивостоке. В 1922 г. в Белом Приморье служил начальником тыла армии. Вместе с Земской ратью генерала М.К.Дитерихса эвакуировался в Гензан (Корея). Потом жил в Китае. Рассорился и затем помирился с командующим Дальневосточной каз.группы генералом Ф.Л.Глебовым. В первой половине 1920х гг. состоял в Совете войсковых атаманов.

В 1925 г. Иванов прожилвал с семьей в Тяньцзине, в итальянской концессии. К этому времени увлеченный успехами государственного и экономического строительства в СССР он переменял свои политические взгляды: увидел в революции неизбежную, целесообразную ломку, необходимую при перестройке устаревших общественных отношений на новых, прогрессивных началах. Вступил в связь с советским агентом генералом Гушиным и стал помогать ему в вербовке белоэмигрантов и в формировании (в Лояне) русских частей для армии «красного» китайского генерала Фэн Юйсяна, союзника Москвы. Послал телеграмму Л.Д.Троцкому и М.В.Фрунзе с выражением своей верности. Осенью 1925 г. разоблачен полковником Г.В.Енборисовым, после чего уехал в СССР. Был прощен и принят (во всяком случае, сначала). Дальнейшая судьба Иванова пока неизвестна. Заседанием Войскового правительства в Зарубежье и представителей командного состава строевых частей Сиб.каз.войска (Харбин, 29.XI.1925) признан предателем и лишен звания войскового атамана.

П.П.Иванов-Ринов - фигура сложная, противоречивая. Он, несомненно, был неплохим полковым командиром, хорошим руководителем подпольной организации, наверное, отличным - с точки зрения колониальных интересов России - начальником уезда в Туркестане; многие его поступки и высказывания периода 1918-1919 гг. кажутся вполне продуманными и проницательными. Однако в целом для созидательной работы государственного масштаба ему не хватало ни знаний, ни опыта, ни, возможно, таланта. Как и многие другие участники Гражданской войны, вознесенные событиями наверх, он осознанно или неосознанно пытался компенсировать эти недостатки волевым усилием, энергией, решительностью, самоотверженной работой. Непонимание социально-психологической природы многих явлений, а также, вероятно, туркестанские навыки приводили его к стремлению нацукать и подтянуть подчиненных, а врагов уничтожить физически: перевешать, перестрелять. Впрочем, разве в Гражданской войне побеждают те, кто шадит своих противников, тем более на самом переломе борьбы?

Обращает внимание то, что, будучи войсковым атаманом, П.П.Иванов войском почти не руководил, предпочитая работу более высокого уровня, но и звание атамана с себя не слагал. Вероятно, уровень его притязаний был чересчур высок, а ум расчетлив. Иванову приписывали чрезвычайную искусность в интригах, свободную от морали ловкость в карьерных и материальных делах. Будучи по социально-психологическому типу и политическим симпатиям представи-

телем правого крыла Белого лагеря, он, однако, не был идеалистом и явно цеплялся за место, престиж, власть, деньги, чурался черновой рутины, что претило идейным белогвардейцам и честным фронтовикам, сражавшимся за Россию на поле боя и потому несшим основную тяжесть борьбы. По-видимому, как и в молодости, после принятия спиртного Иванов быстро расслаблялся, становился разговорчив, если не болтлив. Его начинало «нести», хвастался. Это многих раздражало, например, строгого службиста и интеллектуала генерала А.П.Будберга, злого на язык автора знаменитого «Дневника». Иванов, безусловно, умел «пускать пыль в глаза», строить «воздушные замки», причем обманывался сам и обманывал других. Так, в августе 1919 г. он наобещал правительству и общественности поднять казачество и добиться перелома на фронте, но... в результате адмирал А.В.Колчак во время их последней встречи, если верить американскому майору Моринсу, не подал Иванову руки... Впрочем, только победителей не судят, а проигравших судят все, кому не лень, и свои, и чужие.

Атаман поднял Сиб.каз.войско на смертельную борьбу с большевизмом и сначала повел себя неплохо (орден Св.Георгия ему дали за дело), но затем спасовал, не оправдал возложенных на него надежд, «сдулся», и в финале - в отступление пошел не со своими войсковыми частями, а уехал с поездом генерала К.В.Сахарова. Казаки сделали вывод: «Бросил». Затем эта странная, и недостойная войскового атамана, история с приездом из Красноярска в Читу по армянскому паспорту. Сибирские казаки так и не смогли простить Иванову, что в самый трудный период, в Сибирском Ледяном походе, он был не с ними. Еще ниже, дальше уж некуда, пал он в их глазах, когда в 1925 г. предал Белое дело. Многие усмотрели в этом обычное шкурничество: дескать не вынес непривычной нужды и пошел служить тому, кто будет платить - к врагу...

В личности и деяниях генерала П.П.Иванова-Ринова, конечно, немало отрицательных черт и моментов. Но те негативные оценки, которые дали ему современники и потомки, справедливы лишь отчасти. Ведь кроме позднейших ошибок и безнравственных поступков были - в более ранний период - и успехи, и геройство, и почти всеобщее признание. К Иванову-Ринову, как и к прочим историческим явлениям и фигурам, надо относиться объективно, т.е. видеть в нем не только плохое, но и хорошее. Нельзя умалять роль этого человека ни в Белом движении Сибири 1918-1919 гг., ни в борьбе Сиб.каз.войска за свою свободу и существование.

***Полковник Е.П.Березовский -
председатель Войскового правительства и заместитель войскового атамана***

Ефим Прокопьевич Березовский (1869 - 1953) - один из главных административно-хозяйственных и политических руководителей Сиб.каз.войска периода революции и Гражданской войны, видный деятель и идеолог Белоказачьего движения Азиатской России и Дальневосточной эмиграции.

Родился 26 декабря 1869 г. в станице Антоньевской Бийского у. в семье хорунжего П.И. Березовского. Образование получил в Сибирском кадетском корпусе в Омске (1889) и 2 Константиновском военном училище с Санкт-Петербурге (1891). В кадетском корпусе одноклассник и ближайший друг Л.Г.Корнилова. Окончил корпус вторым по списку (после Корнилова).

После выпуска из военного училища и производства в хорунжие (5.VIII.1891) назначен на службу в 3 Сиб.каз.полк в Зайсан. Последовательно занимал строевые должности младшего офицера (командира взвода), начальника полковой учебной команды, командира сотни, произведен в чин сотника (1.VIII.1896). Во время китайской войны командир сотни 6 Сиб.каз.полка (1900). Затем возвращение в 3 полк. Подъесаул (1.VIII.1903). В период японской войны Е.П.Березовский командовал сотней в 6 Сиб.каз.полку, совершил с ним поход в Северную Корею (1904-1905). После войны опять вернулся в 3 полк. Затем служил помощником старшего адъютанта казачьего отделения штаба Омского военного округа (1908-1910) и советником Войскового хозяйственного правления Сиб.каз.войска (1910-1914). Есаул (5.X.1909). Войсковой старшина (6.V.1913). Будучи советником хозяйственного правления, руководил арендным отделением, vyrabotal новые правила сдачи в аренду войсковых запасных земель.

В конце июля 1914 г., оставаясь советником, избран секретарем Войскового центрального комитета помощи семьям призванных на войну в Сиб.каз.войске. Но уже 16 августа 1914 г. назначен вр.и.д.атамана 1 военного отдела (Кокчетав). 11 августа 1916 г. последовал Высочайший приказ о назначении войскового старшины Е.П.Березовского помощником командира 3 Сиб.каз.полка. Однако в это время в связи с мобилизацией на тыловые работы среди киргиз начались волнения, они стали бросать свои традиционные места обитания и убегать со стадами в глубь степи. Войсковой наказный атаман приказал Березовскому временно продолжить исполнение обязанностей атамана 1отдела и одновременно возглавить особый отряд (5 рот пехоты,

Березовский Ефим Прокопьевич.
Фото 1935 г., Харбин.

2,5 сотни, 2 пул.), собранный для подавления саботажа кочевников в Акмолинском у. Командуя этим сборным отрядом, Березовский силой оружия подавил бунты, пресек саботаж казахов и вернул их на прежние места кочевков. Только 14.XI.1916 г., в соответствии с Высочайшим приказом, он сдал должность атамана отдела и перешел на строевую службу помощником командира 3 Сиб.каз.полка, заведующим дивизионом из 5-й и 6 сотен этого полка (до 28.IV.1917).

За годы службы был награжден: орденами Св.Анны 3 и 2 степ., Св.Станислава 3 и 2 степ., медалями - «В память царствования императора Александра II», «В память русско-японской войны», «В память 300-летия Дома Романовых», «За отличное выполнение мобилизации 1914 г.».

После Февральской революции Е.П.Березовский - сторонник либеральных реформ (возможно, член кадетской партии). В Гражданскую войну - белоказак-монархист. Являлся членом Омского Коалиционного комитета (март-лето 1917), Войсковой управы Сиб.каз.войска (25.IV.1917-26.I.1918), участвовал в работах Всероссийского Учредительного каз. съезда в Петрограде (VI.1917), Сибирского областного съезда в Томске (X.1917), 1-5 Кругов Сиб.каз.войска (1917-1919). В конце 1917-нач.1918 г. совер-

шил поездку на Дон и в Оренбуржье с целью установления связи с А.М.Калединым, Л.Г.Корниловым и А.И.Дутовым (командировка длилась около полутора месяцев). На Дону встречался с генералом Л.Г.Корниловым и, вероятно, был одним из тех, кто звал Корнилова в Сибирь. По возвращении в Омск арестован совказдепом (26.I.1918) и вместе с войсковым атаманом генералом П.С.Копейкиным отправлен в Томскую губернскую тюрьму. В марте 1918 г. освобожден и прибыл в Омск для доклада 3 войсковому Кругу и сдачи полномочий члена Войсковой управы, после чего уехал на родину, в станицу Антоньевскую.

После антисоветского восстания 4 Круг избрал Е.П.Березовского председателем Войскового правительства и Войсковой управы Сиб.каз.войска, заместителем войскового атамана (17.VII.1918). В 1918-1920 гг. периодически, по несколько месяцев, исполнял обязанности войскового атамана (например, с 25.XII.1918 до 4.VI.1919, т.е. без малого полгода). Представитель войска на Челябинском и Уфимском государственных совещаниях, один из руководителей (фактически лидер) казачьих фракций. На Уфимском совещании (IX.1918) сыграл выдающуюся роль, от имени войска заявил: *«Сибирское казачество всемерно поддерживает Сибирское правительство, и в своих заявлениях я выступаю менее решительно, чем мне поручено. Но теперь, чтобы прийти на помощь оренбургскому и уральскому казачеству, я решил быть вместе с ними и пошел на уступки. Я не остановился даже перед расхождением во взглядах с Сибирским правительством, которое осталось на прежних позициях. Делаю так единственно из искреннего желания создать необходимую в настоящих условиях единую центральную власть»*. Это заявление, продемонстрировавшее готовность ради спасения Родины идти на компромиссы, произвело на участников совещания большое впечатление.

Будучи в ближайшем окружении генерала П.П.Иванова-Ринова, активно работал в пользу установления военной диктатуры. Ввиду отъезда Иванова-Ринова на Дальний Восток переориентировался на адмирала А.В.Колчака. Поддерживал Верховного правителя безоговорочно и до конца. Произведен в чин полковника (1918). Являлся гласным Омской городской думы по списку кадетской партии (с 22.IX.1918), представителем Сиб.каз.войска в Омском общественном блоке (1918-1919), членом Государственного экономического совещания при правительстве А.В.Колчака, участником общеказачьих конференций в Омске, Чите и станице Гродековской (1918-1920).

Внешне Е.П.Березовский выглядел так: худощавый брюнет среднего роста, хорошо сложенный, с голубыми глазами на рябоватом лице, носивший маленькие усы и короткую стрижку «бобриком». Он обладал определенными личными качествами, которые позволяли ему пользо-

ваться влиянием в достаточно широких кругах сибирского казачества. Об авторитете Березовского и в то же время о его принципиальности свидетельствуют Омские события 4-6 октября 1917 г. Тогда совет казачьих депутатов, побуждаемый социалистами и выборным командующим войсками военного округа прапорщиком Половниковым, руками казаков Омского гарнизона арестовал большинство членов Войскового правительства. Березовского совказдеп не только оставил на свободе, но и предложил ему возглавить коалиционное, с участием представителей совета, правительство. Однако Березовский категорически отказался, указав на недопустимость насильственного посягательства на органы самоуправления, избранные Большим войсковым Кругом. Показателен и другой пример. В конце 1918 г. Березовский, в то время вр.и.д.войскового атамана, заявил, что поздравлений с Рождеством Христовым и Новым годом не принимает и предложил вместо поздравлений произвести подписку на рождественские подарки казакам, находившимся на фронте, причем первым внес 100 рублей - сумму не малую, как в сравнении с ценами того времени, так и относительно прочих пожертвований.

После оставления колчаковской армии Омска Е.П.Березовский с чинами Войсковой управы отступил на восток и прибыл в Читу. В начале августа 1920 г. получил отпуск по болезни, которым воспользовался, чтобы вывести семью из Читы в Харбин. 9.VIII.1920 г. пересек русско-китайскую границу и оказался в Маньчжурии, где вследствие падения Белого Забайкалья и вынужден был остаться как эмигрант. После перехода армии в Приморье вр.и.д.войскового атамана генерал Блохин вызывал Березовского во Владивосток. Но тот, считая Гражданскую войну проигранной, предпочел остаться с семьей на КВЖД. Он просил Блохина считать его состоящим в запасе по войску, а должность его в Войсковом правительстве передать другому лицу.

В Китае жил в Фудизяне и Харбине. Работал на мельнице Урало-Сибирской компании приемщиком зерна (Фудизян, 1920-1925), на Сунгарийских мельницах (Харбин) - сначала продавцом муки и приемщиком зерна (1925-1928), потом счетоводом-конторщиком (1928-1934). С 1.X.1934 г. безработный, на иждивении детей, которых у него было семеро (от первого брака: Анна, Павел, Надежда, Юрий, Николай; от второго: Татьяна, Ирина; вторая супруга - Евгения Дмитриевна). Свое материальное положение определял так - «казак неимуший». С 1934 г. и в течение десяти лет подрабатывал, выступая в качестве контрагента целого ряда русских эмигрантских издательств: выписывал журналы, газеты, книги из Парижа, Берлина, Праги, Белграда, Софии, Риги, Шанхая, Вашингтона и Нью-Йорка, концентрировал их у себя в квартире, превращенной в небольшую склад, а затем продавал через харбинские магазины или лично, отсылая выручку издательствам и получая за реализацию небольшое вознаграждение.

Е.П.Березовский был активнейшим деятелем Белой эмиграции в Харбине и Маньчжурии, о чем свидетельствуют его общественные должности и членство в многочисленных организациях: председатель «Восточного казачьего союза» (V.1923-II.1933), член совета того же союза (1933-1935), глава Войскового представительства Сиб.каз.войска в Зарубежье (1924-1945), редактор газеты и альманаха «Сибирский казак», ктитор храма в харбинских «Доме милосердия» (1941-1945), член «Братства Русской Правды», «Союза казаков на Дальнем Востоке» (1935-1945), «Русского национального объединения», «Русского общественного комитета», «Харбинского комитета помощи русским беженцам», землячества «Сибирская казачья станица» в Харбине, «Общества взаимопомощи бывших кадет 1 Сибирского кадетского корпуса» (1924-1945).

Он одним из первых примкнул к инициаторам объединения казаков-эмигрантов, оказавшихся в Китае, и вместе с полковником Г.В.Енборисовым и генералом В.Д.Косьминым стал организатором «Восточного казачьего союза» (I.1923), а затем и возглавил его. Важнейшие задачи союза Е.П.Березовский определял так: «Бережь Православную Веру», поддерживать «патриотическую казачью настроенность», чтобы в случае возобновления борьбы против СССР помочь русскому народу сбросить коммунистический режим. Полагал, что весь смысл существования эмиграции состоит в борьбе с коммунизмом и защите русских интересов от чьих бы то ни было посягательств, что для такой борьбы необходимо объединить всю эмиграцию и поставить во главе нее единую и сильную волю, что возглавить это движение может только один человек: великий князь Николай Николаевич. По мнению Березовского, великий князь свой долг выполнит честно и после свержения советской власти - при разрешении вопроса о государственном устройстве России - не посягнет на волю народную. В противовес казакам-самостийникам отстаивал идею «Единой и Неделимой России», считая, что сначала лозунгом белоказаков должен быть - «За Родину», а уж потом - «За казачество» (*«Если казачьи войска Европейской России и Кавказа особенно ценят в своей прошлой истории, что они возникли как вольное казачество, дорожат своими вольностями, то казачьи войска Азиатской России гордятся тем, что они служилые казаки, весь смысл их существования - служба Государству, Стране, Народу. Но как те, так и другие могут существовать только тогда, когда Россия будет освобождена*

от ига советско-коммунистической власти»). В прояпонском «Союзе казаков на Дальнем Востоке» ведущих ролей не играл, был лишь председателем суда чести казаков, а также главой комиссии по организации казачьей выставки (с XII.1937). В 1935 г., заполняя анкету БРЭМ, в графе «Политические убеждения» Березовский написал о себе так: *«Казак-государственник. Монархист. Сторонник Закона и Порядка, основанных на Христианской морали, на уважении к личности и к праву частной собственности. Противник социализма и коммунизма».*

С приходом в Маньчжурию Советской армии арестован контрразведкой «Смерш» 1 Дальневосточного фронта (24.VIII.1945) и вывезен в Гродековский лагерь. Затем сидел в 6 отделении Востураллага (Тавда) и тюрьме № 1 Свердловска. На допросах не скрывал своего непримиримого отношения к коммунистам. На прямой вопрос следователя, остался ли он противником советской власти до настоящего времени, ответил: *«Да. Будучи монархистом по убеждениям, считаю монархию, которая руководствуется при управлении Божьей Правдой и во главе которой стоит Царь самодержавный, помазанник Божий, я этот строй считаю более совершенным строем. Я и по сей день остаюсь сторонником своих монархических убеждений и советский строй считаю менее совершенным и приемлемым в силу моих монархических убеждений. Коммунистическую идеологию не разделяю».* 4 декабря 1946 г. Особым совещанием при МГБ СССР 76-летний Е.П.Березовский, страдавший от суставного ревматизма, артериосклероза, притупления слуха и общей старческой слабости, был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, после чего его этапировали в тюрьму № 2 Нижней Туры. Отбывал срок заключения сначала в Усольлаге, а затем - в Минеральном лагере МВД СССР. Умер Ефим Прокопьевич 6 февраля 1953 г. в лагере № 1 Минлага МВД. Похоронен на кладбище пос.Абезь Интинского района Республики Коми.

Генерал-лейтенант Ф.Л.Глебов - заместитель войскового атамана в Зарубежье

Фаддей (Федор) Львович Глебов (1887 - 1945) - один из легендарных боевых командиров Сиб.каз.войска, человек уникальной судьбы, выслужившийся за время Первой мировой и Гражданской войн из нижних чинов в генерал-лейтенанты.

Родился 25 июня 1887 г. в пос.Казанском станицы Пресновской Петропавловского у. в простой казачьей семье. В 1907 г. ушел на действительную военную службу в 1 Сиб.каз.полк. По окончании полковой учебной команды был произведен в младшие урядники (1911). Вышел на льготу и вернулся домой. С началом Первой мировой войны мобилизован в 4 Сиб.каз.полк. В 1914 г. в районе Сейны вывел взвод казаков-квартирьеров из окружения. Получил Георгиевскую медаль 4 степ. и чин вахмистра. В 1915 г. награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней и произведен в подхорунжие (28.IX). В 1916 г. назначен командиром взвода в 1 сотне 4 Сиб.каз.полка (27.III), за боевые отличия произведен в прапорщики (7.X). В 1917 г. получил орден Св.Владимира 4 степ. с мечами и бантом и чин хорунжего.

После свержения большевиков в Петропавловске Ф.Л.Глебов формирует в станице Пресновской 5 сотню 1 Сиб.каз.полка (VI.1918). Затем назначен командиром 1 сотни того же полка. Отличился при ликвидации красного отряда Сухова на Алтае, причем лично руководил расстрелами партийных пленников. По возвращении полка в Омск нес с сотней гарнизонную службу, участвовал в Омском перевороте. Последовательно производился в чины сотника, подьесаула, есаула. В мае 1919 г. с 1 Сиб.каз.полком, в должности помощника командира полка, убыл на фронт под Уфу. Участвовал в боях на Урале. 6 августа 1919 г. назначен командиром 10 Сиб.каз.полка (4 Сиб.каз.дивизии). За конную атаку у пос.Островного станицы Пресновской (9.IX.1919) лично адмиралом А.В.Колчаком произведен в чин войскового старшины. В ноябре 1919 г. уже полковник. После падения Омска сохранил костяк своего полка, вокруг которого в районе Новониколаевска собрались остатки ряда других частей войска, образовав Сиб.каз.бригаду. Глебов возглавил бригаду и совершил с ней весь Сибирский поход. В Забайкалье бригада была сведена в Сиб.каз.полк, Глебов стал его командиром. Атаман Г.М.Семенов произвел его в чин генерал-майора (IX или X.1920). Страшное отступление из Западной Сибири на Восток разделила с Глебовым его супруга Анна Герасимовна (к 1.I.1917 г. у Глебовых была одна дочь, данных о рождении в последующем других детей нет).

В Приморье Ф.Л.Глебов принял Сводную бригаду из сибирских и енисейских казаков. Являлся одним из организаторов Белого переворота в Приморье (26.V.1921). Атаманом Г.М.Семеновым назначен командующим Гродековской группы войск и произведен в генерал-лейтенанты (1921). Имея «семеновскую ориентацию», долго со своими частями не подчинялся правительству С.Д.Меркулова. Но когда то решило начать наступление на Хабаровск, Глебов не пожелал продолжать конфронтацию и согласился выдвинуть части Гродековской группы на фронт. Одна-

ко он просил предварительно обеспечить их продовольствием, обмундированием и оружием, а также заявил о нежелании подчиняться генералу Г.А.Вержбицкому. Сильно возмутила Глебова попытка командовать частями Гродековской группы «через его голову» (переброска без его ведома отряда Заб.каз. дивизии), и он приказал начдиву забайкальцев генералу Федосееву вернуть отправленный отряд и впредь не нарушать prerogative командующего группой. 5 декабря выехал во Владивосток для урегулирования отношений. Арестован там правительством (30.XII.1921), посажен на гарнизонную гауптвахту, где просидел 64 дня (вместе с пленными красноармейцами!). Был предан суду за неисполнение приказа правительства и за «подстрекательство» начдива Заб.каз.дивизии Федосеева к неповиновению военным властям. Закрытое заседание военно-окружного суда (12.I.1922) оправдало Глебова по первому пункту обвинения и осудило по второму. Он был уволен с военной службы и лишен некоторых прав и преимуществ. Вскоре после освобождения восстановлен в правах, но «сидел без дела».

Жил во Владивостоке, на Первой Речке, в вагоне, предоставленном японскими военными властями, и замещал одно время войскового атамана Сиб.каз.войска (в 1921-1922 гг., согласно приказа по Сиб.каз.войску, являлся официальным заместителем войскового атамана).

Несмотря на все нанесенные ему обиды, ради пользы русского национального дела, во время конфликта между Народным собранием и правительством Ф.Л.Глебов решительно встал на сторону последнего. Секретным приказом правительства в ночь на 31.V.1922 г. назначен командующим войсками района и стал собирать вокруг себя военные силы. Глебов назначил в Спасск и Никольск-Уссурийск начальниками гарнизонов и командирами стрелковых бригад, ранее входивших в Гродековскую группу, своих сторонников (полковников Буйвида и Глудкина), что привело на местах к столкновениям между «каппелевцами» и «гродековцами» и даже к кровопролитию. На сторону правительства и Глебова встал и контр-адмирал Г.К.Старк, командующий Сибирской военной флотилией. «Земский воевода» генерал М.К.Дитерихс назначил Глебова командующим Дальневост.каз.группы (18.VII.1922). Группа отступала с боями на Владивосток, где погрузилась на суда Сибирской военной флотилии, на которых и покинула Россию (X.1922).

После прибытия Дальневост.каз.группы в корейский порт Гензан (XI.1922) Ф.Л.Глебов сделал все возможное и невозможное, чтобы не только прокормить своих людей, но и сохранить группу как воинское соединение со строевой организацией, оружием, формой, знаками отличия, воинским духом и дисциплиной («командующий - непоколебимый Глебов - сумел дать группе уют и тепло, и пищу, и одежду»). Он не последовал за основными силами флотилии Старка в Шанхай и на Филиппины, а остался со своими подчиненными и судами в Гензане, где в течение девяти месяцев части группы зарабатывали пропитание земляными работами. Не желая сдавать оружие японцам, Глебов решил покинуть Гензан. После морского перехода Дальневост.каз.группы в Шанхай (7.VIII-14.IX.1923) Глебов отказался выполнить распоряжения местных властей об уходе из порта в течение 48 часов, затем о спуске русских национальных флагов и сдаче оружия, проигнорировав угрожающие маневры английских крейсеров. Промучившись почти год без суши, по приказу Глебова, Дальневост.каз.группа самовольно вошла в устье р.Вампу (10.VII.1924) и захватила карантинную станцию шанхайского порта (12.VII.1924), превратив ее в свой лагерь. В таком положении: частью в лагере, частью на пароходах, - группа генерала Ф.Л.Глебова просуществовала почти два с половиной года, став последней в русской истории строевой частью Белой армии.

Ф.Л.Глебов сохранял свое соединение не только потому, что надеялся на скорое возобновление вооруженной борьбы. Он считал своих людей остатками «Национальной Русской Армии», последними по-настоящему организованными русскими патриотами и полагаал, что они не вправе выпустить из рук «Национального Знамя» и подвергать тем самым сомнению правоту святого

Глебов Фаддей (Федор) Львович

дела борьбы за свободу Отчизны. По мнению Глебова, сам факт существования Дальневост. каз. группы «являет живой протест перед угнетателями Родины». Генерал говорил: *«Заявляю, что я лично не брошу борьбы с большевиками за возрождение Родины даже и тогда, когда останусь один»*. Дело не ограничивалось духовным противостоянием. Например, по приказу Глебова чины группы захватили и удерживали здание Российского Императорского генерального консульства, чтобы сорвать его передачу правительству СССР (4-14.VII.1924). Когда, вследствие усиленной работы советской агентуры и тяжелейших условий жизни, в Дальневост. каз. группе началось брожение, Глебов приказал в случае бунта немедленно открыть по мятежникам - «красным наймитам» - огонь (III.1925).

После самороспуска Дальневост. каз. группы (конец 1926) Ф.Л.Глебов организовал из бывших чинов группы, для охраны французской концессии, Русский отряд (полк) Шанхайского волонтерского корпуса (21.I.1927). Он являлся одним из наиболее авторитетных деятелей русской колонии Шанхая. С середины 1920х гг. был одним из руководителей «Комитета защиты прав и интересов эмигрантов». В 1942-1944 гг. избирался председателем шанхайского «Российского эмигрантского комитета». Умер Фаддей Львович в Шанхае 23 октября 1945 г.

29 июня 1925 г. войсковой атаман П.П.Иванов-Ринов, на случай своей смерти, специальной грамотой - по праву, предоставленному ему 5 войсковым Кругом (9.VIII.1919), - назначил Ф.Л.Глебова своим «полномочным заместителем». После предательства Иванова-Ринова Войсковое правительство (Харбин, 29.VI.1927) признало Глебова «законным заместителем войскового атамана» и просило его «осуществить свое право и вступить в фактическое исполнение обязанностей». Таким образом, генерал Глебов стал последним Войсковым атаманом Сиб. каз. войска в Зарубежье и считался таковым вплоть до своей смерти.

«Небольшого роста, плотный и коренастый, генерал Глебов был истинным отцом-командиром, которого люди не только побаивались, но и уважали и любили. Строгий взгляд, квадратный, волевой подбородок свидетельствовали о неизмеримой силе его воли», - так описал Ф.Л.Глебова сотник Е.М.Красноусов, служивший под его началом. Это был военачальник-самородок, талант которого в полной мере смог раскрыться только в Гражданскую войну, когда образовательный ценз и выслуга не играли уже прежней роли, и главным стало умение воевать. Современники отмечали мощное волевое начало этого человека, его «исключительную энергию и ум», неуклонность и упорство в достижении цели, непоколебимость в испытаниях, честность (его «честность неподкупна, непродажна»), справедливость, строгость к себе и другим, простоту в общении. Раз и навсегда решив для себя, на чьей стороне правда, Глебов шел к поставленной цели, не колеблясь, не смущаясь жестокостью задач и принимая войну такой, какая она есть. В отличие от офицеров из интеллигентной среды он «не боялся замарать перчатки». Проведя столько лет в армии, осознав и восприняв пользу и порядок воинской дисциплины, Глебов стал строгим строевым начальником, крепко держал подчиненных в руках, не останавливаясь перед применением суровых мер. Служить под его началом было нелегко. В то же время, пройдя весь путь от рядового казака до генерала, он прекрасно знал, что чувствуют и переживают в той или иной обстановке люди. Глебов «любил солдата и считался с его настроением», был заботлив. Подчиненные отвечали взаимностью. Многие пошли с ним до конца: и на Восток, и на чужбину.

Ф.Л.Глебов - типичный герой Гражданской войны. Он часто действовал личным примером. Вот как описал его поведение в бою (1 Сиб. каз. полка у станицы Чишма 31.V.1919) сотник А. Орлов: *«...прискакал (...) Глебов. Соскочив со своего кровного скакуна, при сверкающих погонах и в серебре шапки, он открыто подошел к цепи, не обращая внимания на свистящие пули. «Ну, что тут у вас?» - спросил он, обращаясь ко всей цепи (...). Противник, заметив «грубую начальников» (с есаулом Глебовым были один офицер и ординарцы), усилил пулеметную стрельбу. «Ну, продолжайте! Вторая ваша полусотня войдет в цепь тоже», - сказал он и пошел медленно вдоль фронта на правый фланг. Это было первое высокое начальство в передней линии с начала боя. Казаки улыбались на его шутки, поворачивая головы»*. Заметим, что все это происходило под сильным пулеметным и ружейным огнем противника... Выйдя из народной толщи, Глебов сохранил грубую простоту нравов. Большой охотник до «солдатских шуток» «ругался он артистически». Его солдатский юмор (именно юмор, а не просто матерная брань) нравился казакам. Эта поднимавшая настроение «веселая ругань» даже офицерам, более образованным и воспитанным, чем генерал, доставляла «немало веселых минут».

Генерал Ф.Л.Глебов - олицетворение тех простых казаков, которые как русские патриоты и православные люди безоговорочно встали на сторону Белой России и, не сомневаясь в правильности выбранного пути, дрались до конца.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ УШАКОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Чешский офицер Р.Медек¹ так описывает свою первую встречу с Борисом Федоровичем Ушаковым. «Я был в отряде 1 Чешской дивизии в Житомире в конце февраля 1918 г., когда к нам в канцелярию пришел молодой офицер Генерального штаба, принес важные вести и попросил взять его с нами при нашем тяжелом отступлении. Он сопровождал нас не пассажиром, но соратником и безуданным воином... Он был человек юного жара, сильного размаха и твердого мужества. Один из тех немногих русских людей, которые умели нас понять, умели с нами воевать до конца и с нами умирать». Сначала Ушаков работал со штабом 4 имени Прокопа Великого чешского полка². В трудные и смутные дни Бахмача, дни стратегического и политического «Гордиевого узла», когда чешским войскам грозила смертельная опасность он с частями полка не только организовал серьезную оборону от немцев, но хладнокровно и энергично разрешил спор с большевистским командованием. Уже в Пензе Ушаков был принят в Чешскую армию и послан в штаб 2 дивизии как временный начальник штаба дивизии³.

На момент выступления Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. Б.Ф. Ушаков находился в Новониколаевской (Сибирской) группе (2 Чешская дивизия), растянутой на 3000 км от Кургана до Иркутска. В нее входили три эшелона 6 Ганатского полка, четыре эшелона 7 Татранского полка, один эшелон ударного батальона, один эшелон 2 запасного полка, два эшелона 2 артиллерийской бригады, один эшелон 8 Моравско-Силезского полка и эшелон штаба со вспомогательными службами. Всего около 11 000 человек⁴. Три головных эшелона группы, стоявшие в районе Иркутска были разоружены красными 26-28 мая 1918 г. Группу возглавил командир 7 полка, капитан Р.Гайда. 25 мая 1918 г. был захвачен Мариинск. 29 мая 1918 г. части корпуса под началом подполковника Ушакова заняли Канск и начали пробиваться на восток.

Совместно с «Восточным отрядом чехословацких войск»⁵ под командованием произведенного в полковники Р.Гайды (6-й и 7 чешские полки, часть артиллерии 2 Чешской дивизии) действовали русские части Средне-Сибирского корпуса под командованием подполковника А.Н.-Пепеляева, в который вошли вышедшие из подполья и развернутые в части антибольшевистские организации Новониколаевска, Томска, Барнаула, Красноярска и других городов, а также ряд партизанских отрядов: штабс-ротмистра Фрейберга, есаула И.Н.Красильникова, сотника Сотникова и других. К августу 1918 г. в составе Средне-Сибирского корпуса были оформлены 1 Томская дивизия под началом полковника Е.К.Вишневого (1-й, 2-й, 3-й и 4 Томские полки⁶), 2 Сводная дивизия под началом полковника Б.Зиневича (Барнаульский, 1-й и 2 Новониколаевские и 1 Енисейский полки⁷). С 21 июля 1918 г. все действовавшие в Восточной Сибири русские части были подчинены командиру Средне-Сибирского корпуса.

В Иркутск антибольшевистские силы вступили 11 июля 1918 г. «Через город проходят чехословацкие эшелоны и белогвардейские полки. Прошли полки томский и барнаульский, принявшие непосредственное участие в очистке города от остатков мадьярских и красновардейских банд» - писал очевидец. «Состав полков самый пестрый: студенты, технологи, офицеры, юнкера, гимназисты, реалисты, отставные чиновники, учителя и вообще, сплошь интеллигенция. Народ безмолвствует. Народ отсутствует. Интеллигенция спасает последние куски истерзанной Руси, которые еще не успели сломать самодержавные комиссары. Среди офицеров много георгиевских кавалеров, есть и седые старики, поседевшие быть может, в боях, а быть может, и от тех нравственных пыток, которые им пришлось пережить. Рядом с седым офицером юный кадет или гимназист не более 16 лет. У всех винтовки. Здесь всякий офицер - солдат и всякий солдат офицер, отцов командиров нет, но выправка боевая и дисциплина, видимо, строгая»⁸.

«Подходят Сибирские полки. Идут томичи, отряд Красильникова⁹, новониколаевцы, омские... Подходит особый великорусский отряд - это великороссы: офицеры и юнкера, проживавшие в Томске и его окрестностях. Многие отряды сплошь состоят из офицеров и юнкеров»¹⁰.

После освобождения 14 июля в городе преступлено к формированию 1 Иркутской Сибирской стрелковой бригады (впоследствии 3 Иркутская дивизия, начальник - полковник Г.А.Гривин¹¹). Б.Ф.Ушаков принимал самое деятельное и вдумчивое участие в русском военном строительстве. Так было, например, во время обострения обстановки на Байкальском фронте - «Муринского частичного поражения», когда воспользовавшись, что самый восточный из Кругобайкальских тоннелей №39 был взорван и не функционировал, а белые вели бой лишь авангардным

отрядом, что подвоз по железной дороге был невозможен, красные 29 июля перешли в контрнаступление, заняв 1 августа ст.Мурино.

Прибыв в Иркутск начальник штаба Восточного фронта Б.Ф.Ушаков, обрисовал трудное положение войск, просил у Главного начальника Иркутского округа генерал-майора Елерц-Усова¹² подкреплений и призыва в спешном порядке молодых с образовательным цензом людей в возрасте от 18 до 25 лет, мобилизации интеллигентной молодежи. «Поддерживать порядок в округе и сформирование новой армии можно лишь при наличии вооруженной силы из людей, умственный уровень которых дорос до понимания государственных задач»¹³.

Объявленный в округе тотчас же после свержения большевиков призыв офицеров, военных чиновников и добровольцев не дал желанных результатов. К началу августа 1918 г. состав полков Иркутской стрелковой дивизии был следующим: в Иркутском полку - около 600 человек, в Байкальском¹⁴ - около 400, Нижнеудинском - 317, Верхнеудинском - 38 и Иркутском казачьем дивизионе¹⁵ - 320 человек. 27 июля состоялось торжественное освящение знамени дивизии, а 1 августа 1918 г. первая бригада дивизии в составе полков: Иркутского, Байкальского, артдивизиона, инженерной роты и штаба убыла на фронт на ст.Култук¹⁶.

Решающее сражение между красными и антибольшевистскими силами произошло под ст.Посольская в конце августа 1918 г., где подполковник Б.Ф.Ушаков «смертью своей запечатлел любовь к Родине»

Подробности гибели Б.Ф.Ушакова, сообщенные казаком 1 Енисейского полка И.Соловьевым, таковы: «Занятие Посольской прошло спокойно и удачно. По распоряжению Ушакова наши телефонисты потребовали от имени большевиков подкреплений и снарядов. На 19-м разъезде, где был разобран путь, произошло их крушение. Красноармейцы рассыпались по лесам. Первый удар пришелся на барнаульцев, вынужденных несколько отойти, в это время Ушаков с небольшой группой чехов-ударников отправился выяснять положение на разъезд. Как только они подъехали, по ним был открыт огонь. Не зная, что барнаульцы отошли, думая, что это недоразумение, Ушаков выскочил из вагона и крикнул: «Братцы не стреляйте - это я, подполковник Ушаков!». Когда ошибка выяснилась, было поздно. Далее сообщения противоречивы, но приблизительно происходило следующее: группе чехов удалось с паровозом отойти в Посольскую, где они немедленно подняли на ноги ударный батальон. Ударники побросали лишнее, захватили сколько могли патронов и гранат... Но отбить подполковника Ушакова не удалось. Израсходовав все боеприпасы, белым пришлось отступить. Тело Ушакова было найдено на железнодорожной линии, выброшенное из вагона. Люди, видевшие труп, сообщают о его сильном изуродовании, причем раны нанесены не только штыком, но еще каким-то полуострым предметом»¹⁷.

По советской версии события развивались так. К окруженным красным в качестве парламентаря отправился «сам Ушаков», который был «разоблачен и убит на месте»¹⁸. О гибели Б.Ф.Ушакова и отношении к ней можно судить из так и неизданной в «демократической» газете «Воля Сибири» статьи капитана Нарышкина «Памяти героя подполковника Ушакова» Автор пишет: «Погиб защитник Родины и ее чести, Генерального штаба подполковник Ушаков. Будучи начальником штаба, он тем не менее не раз во главе войск бросался на врага, так было и в последний славный подвиг у озера Байкал. С десантом переплыл он Байкал, высадился в тылу у красных и ударом с тыла помог войскам нашим разгромить целый корпус красных, захватить огромную добычу. В пылу боя подполковник Ушаков попал в плен к социалистам-большевикам, претерпел от них ужасные мучения и был убит. Тяжела эта потеря. Безумно жаль Героя, не дожившего до Великой минуты, когда снова вокруг матушки Москвы соберется вся Русь святая и снова святые слова «Родина, Россия» будут на устах у всех и снова «Русские Знамена» будут гордо развеваться во всех углах русской страны, так обильно политой кровью лучших сынов ее, замученных предателями социалистами-большевиками. Мир праху твоему славный русский витязь, не посрамивший земли родной, и все в ком есть хоть капля чести и совести да забудут все распри свои, да забудут все подлые мысли свои о барышах и выгодах, да устыдятся подлости и трусости души своей и задумаются над твоей жизнью и над твоей любовью к Родине....»

Я же напомню им те слова, что сказал ты в Киеве в 1917 г.: «Россию спасут только славяне, только славяне должны быть у власти. Никаких подлецов, никаких лиц носящих нерусские фамилии не должно быть у власти. Никаких подлецов привезенных из-за границы в заплombированных и незаплombированных поездах, моченных или немоченных нельзя допускать на пушечный выстрел к власти, ибо их руки не чисты и их дела грязны... Народ никогда не простит социалистам их обманы с обещанием социалистического рая...»

На месте боя предполагается поставить памятник с фигурой героя, а вокруг него группу солдат и офицеров. Русские и чехословаки смотрят на восток, с надписями: «Братья умрем, но

спасем Россию»; «Спасем Славянство»; «Умирать раз, нам смерть не страшна»; «Страшно оставить Славянство в рабстве»; «Во имя лучшего Будущего всех Славян приказываю «Вперед, Братья»; «Ура !!! Наздар !!!»¹⁹.

«Убитый во время последних боев на Забайкальском фронте подполковник Ушаков производится по Чешской армии в полковники с награждением орденом «За свободу»²⁰.

Полковник Борис Федорович Ушаков был перевезен в Канск и похоронен там, так как именно там предполагалось установить «часовню на его могиле»²¹.

---

¹ В марте 1917 г. прапорщик Рудольф Медек - разведчик русской армии на германском фронте Первой мировой войны.

² Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -Иркутск,1994. -С.365.

³ Известия войск Восточного фронта (Иркутск). -1918. -2 сент.

⁴ Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. -М.,1940. -С.10.

⁵ До 26 августа 1918 г. выходила газета «Известия отряда чехословацких войск, действующих восточнее Омска».

⁶ 20 июля 1918 г. командирами полков дивизии утверждены: 1 Томского Сибирского - подполковник Иванов, 2 Томского Сибирского - полковник Е.К.Вишневский (13 августа 1918 г. командир 2 Томского Сибирского полка капитан Степан Пирожков произведен в подполковники), 3 Томского Сибирского - полковник А.Укке-Уговец, 4 Томского Сибирского - штабс-капитан Шнаперман. 13 августа 1918 г. начальник 1 Средне-Сибирской стрелковой дивизии Е.К.Вишневский и полковник А.Укке-Уговец «за отличия в боях против неприятеля» произведены в генерал-майоры со старшинством с 6 августа 1918 г. - См.: РГВА. Ф.39617.Оп.1.Д.258.Л.13,25.

⁷ Командиры полков дивизии: 1 Новониколаевского Сибирского - капитан Травин, 2 Новониколаевского Сибирского - подполковник А.Ивакин (13 августа произведен в полковники), Барнаульского Сибирского - подполковник Вольский, 1 Енисейского Сибирского - Б.Зиневич. См.: РГВА. Ф.39617.Оп.1.Д.258.Л.13,25.

⁸ Свободный край (Иркутск). -1918. -16 июля.

⁹ Красильников Иван Николаевич (1888-1920) приказом от 13 июля 1918 г. генерал-майора А.Н.Гришина-Алмазова «за взятие Иркутска» произведен из есаулов в войсковые старшины со старшинством с 11 июля 1918 г. -См.: РГВА. Ф.39617.Оп.1.Д.258.Л.10.

¹⁰ Свободный край. -1918. -17 июля.

¹¹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. -С.329.

¹² Встречается написание «Эллерс-Усов» и другие варианты.

¹³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.524.Оп.2.Д.29.Л.36-39.

¹⁴ 18 августа 1918 г. командиром 10 Байкальского стрелкового полка был капитан Рудаков. -См.: ГАИО. Ф.2р.Оп.3.Д.4.Б.л.

¹⁵ «В Иркутске успешно идет формирование новых казачьих частей: пешей и конной. Начальником дивизиона состоит войсковой старшина Могилев, помощником по пешей части - есаул Емельянов, по конной - хорунжий Балашов». -См.: Свободный край. -1918. -16 июля.

¹⁶ ГАИО. Ф.524.Оп.2.Д.29.Л.36.

¹⁷ Сибирь (Иркутск). -1918. -27 авг.; Известия войск Восточного фронта. -1918. -15 окт.

¹⁸ Рябиков В.В. Центросибирь. ЦИК Советов Сибири. 1917-1918 гг. -Новосибирск,1949. -С.120.

¹⁹ РГВА. Ф.39617.Оп.1.Д.39.Л.6.

²⁰ Сибирь. -1918. -24 авг.

²¹ Известия войск Восточного фронта. -1918. -2 сент.

ДВЕ СУДЬБЫ

Настоящая публикация подготовлена по материалам архивно-следственных дел, хранящихся в Государственном архиве административных органов Свердловской области (Ф.1.Оп.2.Д.39880,36621). Это лишь два свидетельства из десятков тысяч, за каждым из которых непростые судьбы людей, выброшенных круговертью Гражданской войны за границу, хлебнувших горечи жизни на чужбине, а по возвращении на Родину (добровольном или под конвоем) осужденных за свое прошлое и отправленных в исправительно-трудовые лагеря, из которых многие не вернулись.

Полидоров Константин Порфирьевич

**Полидоров
Константин Порфирьевич.**
Фото 1942 г.

Родился в 1882 г. в Риге в семье обедневшего дворянина Полидорова Порфирия Ивановича, работавшего заведующим почтовой конторой. В 1891 г. Константин был определен на учебу в военный кадетский корпус в Пскове, который окончил в 1898 г. Вскоре он поступил в Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Закончив училище в 1902 г. в чине подпоручика, был назначен командиром взвода в 29 артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Риге. Во время русско-японской войны выехал в Маньчжурию, где принял участие в боях.

По возвращении с Дальнего Востока поручик К.П.Полидоров в 1908 г. поступил в Военно-юридическую академию (Санкт-Петербург), окончив которую в 1910 г. в чине капитана, вернулся в свою 29 бригаду, где занял должность помощника командира батареи. В 1911 г. Константин Порфирьевич получил должность помощника военного прокурора в Виленском военно-окружном суде и одновременно чин подполковника.

После начала Первой мировой войны подполковник Полидоров был направлен на фронт в качестве военного следователя 1 армии Западного фронта. В 1916 г. он отозван в Петроград, где получил чин полковника и должность помощника военного прокурора столичного военно-окружного суда.

После Октябрьских событий 1917 г., опасаясь возможных репрессий, К.П.Полидоров выехал с семьей к родственникам в Бузулук, а оттуда в начале 1918 г. в Омск. Здесь он обратился в штаб армии А.В.Колчака, был назначен военным прокурором, а вскоре получил чин генерал-майора. В 1918 г. организовал и возглавил два военно-окружных суда Западной и Северной армий, основной деятельностью которых являлся разбор дел, касающихся преступлений военнослужащих.

По не вполне понятным причинам, возможно в связи с несогласием с проводимой Российской правительством А.В.Колчака работой, генерал-майор Полидоров в сентябре 1919 г. ушел с должности военного прокурора и, забрав семью, решил пробираться в Ригу. Путь был единственный - через Маньчжурию. Добравшись в декабре 1919 г. до Харбина, семья Полидоровых здесь и осела. Константин Порфирьевич стал работать в женской гимназии учителем географии, истории и законовещения. В то же время он направил запрос в Латвийское консульство, но, получив в 1924 г. латвийское подданство, все же остался в Северной Маньчжурии.

С 1924 по 1935 гг. К.П.Полидоров служил старшим делопроизводителем в отделе происшествий канцелярии КВЖД. После увольнения из канцелярии железной дороги он некоторое время жил у сына в Шанхае, а в 1939 г. устроился в Экономическое бюро ЮМЖД в Дайрене, находившееся в ведении Японской военной миссии (ЯВМ). До 1944 г. генерал Полидоров служил в юридическом подотделе Русского отдела Экономического бюро, где занимался изучением советского права и законодательства - все эти материалы переводились на японский язык и передавались ЯВМ. После переезда Русского отдела в Чанчунь в 1944 г. остался в Дайрене и занялся частной юридической практикой. Здесь он и был задержан контрразведкой СМЕРШ в

сентябре 1945 г., а затем вместе с другими «контрреволюционными» элементами отправлен через Ворошилов (Уссурийск) этапом на Урал.

Постановлением Особого совещания при министре госбезопасности СССР (ОСО) от 24 мая 1947 г. Полидоров Константин Порфирьевич был осужден по статье 58-4,6 ч.1, 11, 13 УК РСФСР на срок двадцать лет исправительно-трудового лагеря. В 1956 г. он был освобожден и направлен в дом инвалидов, где по-видимому и скончался. Указ о реабилитации К.П.Полидорова вышел в апреле 1989 г.

Радоман Геннадий Феликсович

Родился в 1890 г. в местечке Снов Новогрудского у. Минской губернии в семье лесного объездчика имения помещика Гартинга Радомана Феликса Антоновича. Мальчику еще не было восьми лет, когда его отец скончался и все заботы о воспитании сына взяла на себя мать. Среднее образование Геннадий получил в реальном училище Минска, после окончания которого в 1907 г. поступил в Виленское пехотное юнкерское училище. Закончив училище в 1910 г., Радоман в чине подпоручика был назначен в 145 Новочеркасский пехотный полк, располагавшийся в Санкт-Петербурге, где и прослужил командиром взвода до начала Первой мировой войны.

Война для Г.Ф.Радомана началась в сентябре 1914 г. на территории Литвы в составе 293 Ижорского пехотного полка, где он командовал 14 ротой. За полгода боев Радоман был дважды ранен, в ногу и голову, и после излечения в июле 1915 г. получил назначение в 13 автоброневзвод на должность старшего офицера, командира пушечной машины. В составе 12-й, а затем 4 армий участвовал в боях на территории Литвы, Польши и Западной Белоруссии (Люблин, Рига, Митава). В сентябре 1916 г. назначен старшим адъютантом по оперативной части штаба 51 пехотной дивизии (Западный фронт), а вскоре командирован на трехмесячные ускоренные курсы при Генеральном штабе, по окончании которых в феврале 1917 г. получил назначение в штаб Западного фронта старшим адъютантом по оперативной части 51 пехотной дивизии. Через некоторое время штабс-капитан Радоман назначен старшим адъютантом по оперативной части 16 Сибирской дивизии, а в середине 1917 г. начальником штаба этой дивизии, дислоцировавшейся в Западной Белоруссии. После расформирования 16 дивизии Геннадий Феликсович служил некоторое время в штабе 1 Сибирского корпуса (располагался в Западной Белоруссии), а в декабре 1917 г. демобилизовался и выехал в Петроград, где в это время проживала его жена с маленьким сыном.

Через несколько месяцев Г.Ф.Радоман обратился в управление Генерального штаба в Петрограде с просьбой направить его на обучение в Академию Генерального штаба. Просьба была удовлетворена, и в апреле 1918 г. он выехал с семьей в Екатеринбург, где располагалась в это время Академия.

В конце июля офицеры Академии были эвакуированы в Казань, а после ее взятия 6 августа объединенным отрядом полковника В.О.Каппеля и чешским полком, дальше на восток. Радоман в числе группы офицеров остался в Казани для охраны порядка. Вскоре они предстали перед В.О.Каппелем и получили назначения при штабе. Геннадий Феликсович стал начальником оперативной части обороны Казани. В его функции входило установление связи с Белыми частями, находившимися на фронте, сбор донесений от них, а также составление проектов боевых приказов для частей, обороняющих Казань, и передача этих приказов непосредственно в части. В сентябре, будучи отправленным за пополнением в Самару, штабс-капитан Г.Ф.Радоман новых частей не нашел и был оставлен обер-офицером для поручений при штабе Поволжского фронта, который после отступления от Уфы переформировался на ст.Аша-Балашовская в штаб Самарской группы (ком. полковник С.Н.Войцеховский), а еще через некоторое время в штаб 6 Уральского стрелкового корпуса.

В феврале 1919 г. Г.Ф.Радоман назначен начальником штаба 11 Уральского дивизии и сразу отбыл на фронт, где принял участие в боях у Бузулука и Стерлитамака. Примерно в это время он получил чин подполковника. Летом по болезни отправлен в Челябинск, а после выздоровления

Радоман Геннадий Феликсович . Тюремное фото 1946 г.

назначен на новую должность помощника начальника 2 школы 3 армии белых по учебной и строевой части. Школа находилась в Кургане и готовила унтер-офицеров и прапорщиков, но в октябре под давлением красных она переместилась в район Верхнеудинска. Здесь Радоман заболел сыпным тифом и был отправлен в Читу. По выздоровлении в апреле 1920 г. он получил назначение на должность начальника оперативного отдела штаба Дальневосточной армии, а в июле уже в чине полковника стал начальником канцелярии отдела снабжения армии, который возглавлял генерал-майор П.П.Петров. В августе 1920 г. отдел снабжения выехал на территорию Северной Маньчжурии на ст.Маньчжурия, где и находился до декабря, а затем перебрался на ст.Пограничная.

Весной 1921 г. Дальневосточная армия выдвинулась на территорию Приморья, отдел снабжения располагался сначала в Никольск-Уссурийске, а с мая 1921 г. во Владивостоке. Однако в октябре 1922 г. под ударами красных разрозненные Белые части вновь пересекли границу Маньчжурии. Большинство офицеров разъехалось по разным городам Китая. Полковник Г.Ф.Радоман с семьей (у него в это время было два сына) выехал в Харбин. Их жизнь была похожа на жизнь тысяч других эмигрантов. Первые четыре года Геннадий Феликсович трудился шофером в американской фирме «Фрезез и К°» и в скорой помощи Центральной харбинской больницы, а затем заведующим движением в Харбинском автобусном обществе. В 1926 г. он устроился продавцом в фирму «Чурин и К°», где пробыл три года. В 1929-1930 гг. работал счетоводом в Главной бухгалтерии КВЖД, но после урегулирования советско-китайского конфликта был уволен, так как не являлся советским подданным. Затем он вновь работал продавцом в различных фирмах («Фиат», «Башкиров и К°» и других). В январе 1937 г. Г.Ф.Радоман поступил на коммерческий факультет Северо-Маньчжурского университета в качестве секретаря. В его обязанности входило наблюдение за поведением студентов, за тем, чтобы они своевременно посещали занятия, сдавали зачеты, а также прием платы за обучение. Кроме того с 1940 г. полковник читал лекции по противовоздушной и противохимической обороне для студентов первого курса.

С момента образования «Дальневосточного союза военных» в 1934 г. в него на основании списков 7 отдела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) были автоматически включены все эмигранты, имевшие военное образование. Г.Ф.Радоман находился в их числе. Одной из целей «Дальневосточного союза военных» было поддержание уровня подготовки военных специалистов, для чего в помещении Союза читались лекции и сообщения по военному делу. В 1940 г. полковник Радоман прочитал ряд лекций по тактике пехоты и бронетанковых частей.

После прихода в Маньчжурию советских войск начались чистки в эмигрантской среде, которые проводили части СМЕРШ. Г.Ф.Радоман был арестован в октябре 1945 г. и отправлен вместе с другими арестованными сначала в Ворошилов (Уссурийск), а затем по этапу на Урал в Востураллаг. В этот же лагерь попал его младший сын Георгий. Согласно постановления Особого совещания от 10 мая 1947 г. Радоман Геннадий Феликсович получил десять лет исправительно-трудового лагеря по статье 58-4,11 УК РСФСР, но в это время он уже был тяжело болен и умер в декабре 1947 г.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

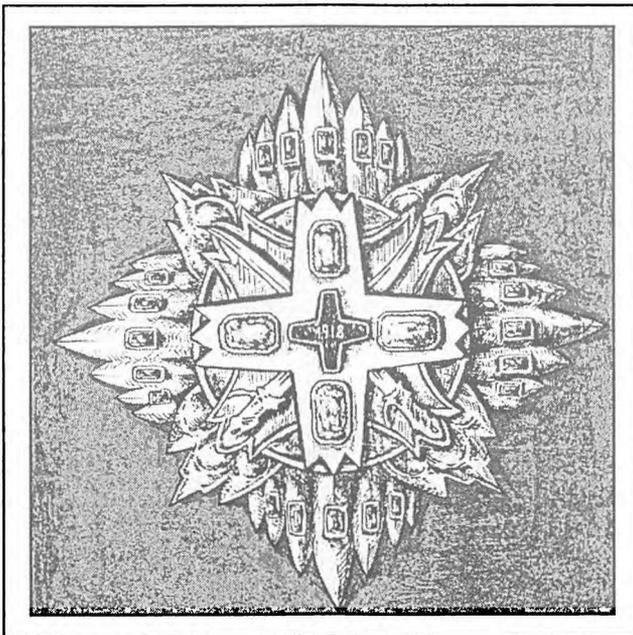
Барзинский Л.А.

ОРДЕН «ОСВОБОЖДЕНИЕ СИБИРИ»

Насчитывающая более 200 лет наградная система Российской империи определила традицию отмечать орденами, медалями и другими знаками мужество воинов при защите Родины. Но Гражданская война, развязанная большевиками против своего народа и в особенности против его лучших представителей, - не защита Отечества от внешнего врага. «В армиях генерала Деникина, - отмечает в воспоминаниях П.Н.Врангель, - боевые подвиги награждались исключительно чинами. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий». И они вводились. Практически все награды Белого движения были конкретными наградами за поход, за сражение, за принадлежность к тому или иному отряду.

В июле 1919 г. Верховным правителем и Главнокомандующим вооруженными силами России А.В.Колчаком был учрежден орден «Освобождение Сибири». В статуте ордена говорилось,

что он «есть награждаемая как гражданами и прочим гражданами Российского и поданных государств, сомнительные услуги Сибири от на поле брани, так и в обществе». Орден был учрежден в четырех степенях, при этом первая степень не должна превышать 30 человек, вторая - 100, третья - 300 человек, четвертая - неограниченно. Знаки ордена были золотые и серебряные, с лучами, сужающимися к кончикам сабель. Орден был украшен малахитом и христыми саблями. В ценна дата «1918

да почетная, жана Сибири, так нам государства данным иностраноказавшим непо освобожденбольшевиков как в государственном строительучрежден в четырем число кавани не должно человек, второй человек, а награждению не ограничена представлясеребряные крестюющимися к конклинок сабель. малахитом и христые сабли. В ценна дата «1918 предположить,

что знак был задуман и сдан сразу же по взятии власти в свои руки А.В.Колчаком.

Награждения этим орденом неизвестны, хотя знаки были изготовлены, сохранились их фотографии (см. выше), а также один экземпляр ордена. Последний долгое время находился в собрании екатеринбургского коллекционера Юрия Дмитриевича Рожина, но неосторожная встреча с более осведомленным московским коллекционером П.Квасковым лишила Урал этого уникала. В 1961 или 1962 гг. П.Квасков побывал в тогдашнем Свердловске, познакомился с Юрием Дмитриевичем, убедил его, что орден - хорошо изготовленная подделка, и выменял награду. В настоящее время орден «Освобождение Сибири», как раритет из собрания П.Кваскова, хранится в Русском музее.

ГОСУДАРСТВЕННОМУ ДЕЛУ ПРЕДАНЫ...

В современной историографии Белого движения в Сибири все больший приоритет получает «биографическая хроника» сподвижников Верховного правителя¹. Подчеркиваются две причины этого направления: непосредственное влияние ближайшего окружения на адмирала и, как правило, его отрицательные последствия, в изложении сторонних и иностранных очевидцев². Однако обозначенные факторы, с нашей точки зрения, не учитывают психологической самобытности Александра Васильевича Колчака. Например, П.Б.Струве, характеризуя российскую «контрреволюционную генеральскую галерею», нашел для него такое определение: «М.В.Алексеев это - массивная железная балка - стропило, на которое в упорядоченном строе и строительстве можно возложить огромное бремя, и оно легко подымлет это бремя. Каледин это - мощный камень, как бы вросший в свою историческую почву, и вне ее беспомощный и слабый. *Колчак это - сосредоточенный в целую даровитую личность нерв, чувствительная струна, которой угрожало порваться или быть порванной.* Корнилов это - стальная и живая пружина, которая, будучи способной к величайшему напряжению, всегда возвращается к исходному положению»³.

Мог ли А.В.Колчак не понимать «зловредность» окружавших его «шептунов», утверждая 26 июня 1919 г. указ за № 154?⁴ Главную причину неудач он видел не в своем ближайшем окружении, а формулировал более глубоко: «Скажу Вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. То же самое у Деникина - я недавно получил от него письмо... То же и у большевиков. *Это - общее явление русское: нет людей!*»⁴. Следовательно, давая общий и персонализированный анализ администрации Омского правительства следует также учитывать его критическую оценку Верховным правителем. В противном случае не удастся разрешить сложившегося парадокса, когда основной вывод современных авторов о личности адмирала А.В.Колчака практически полностью совпадает с оценками близко знавших его людей: «трагическая личность», «кровавый человек», умевший управлять кораблем, но не способный руководить страной.

Между тем, вопрос - а располагал ли сам Верховный правитель информацией (и ее достоверности) о членах правительства? - остается до сих пор открытым. Ответить на него поможет

---

* «В дни великого лихолетья, в разгар святой борьбы за спасение Родины, когда на дело этой борьбы должны быть направлены все силы и все помышления верных сынов России, вновь обнаруживается и распространяется зловредная язва, которая подтачивает нашу государственность и военную силу с начала войны 1914 года, - писал Верховный правитель и Верховный главнокомандующий. - Поступающие ко мне сведения и различные заявления, которые я слышу от многих представителей различных ведомств, убеждают меня в том, что вместо дружной работы на пользу Родины между различными ведомствами вновь начинается преступная рознь, угнетавшая нас в минувшую Великую войну. Представители некоторых ведомств и учреждений стараются подчеркивать промахи и упущения других, имея своей целью не исправление последствий сделанных упущений, а изобличение их, не считаясь с тем вредом, который приносит подобное отношение к святому делу возрождения Родины. Опять, как и раньше, в общую дружную работу начинают вьедаться борьба удельных самолюбий, мелкие честолюбивые желания выставить всячески свою работу и по возможности опорочить работу соседа и набросить на нее тень, что создает атмосферу взаимной недоброжелательности и подозрительности. Всем должно быть ясно, что только при совместной работе, когда каждая единица управления государством работает в полном согласии с другими, стремясь к выполнению своей работы с наименьшими ошибками, и возможна продуктивность органов государственного управления. Категорически требую прекращения розни, недоброжелательства и стремления выискивать промахи других и повелеваю каждому заниматься порученным ему делом, не критикуя деятельность других, право, на что имеют только их начальники. В случае обнаружения подобного рода заявлений, буду принимать беспощадные меры к искоренению зла, которое в корне подрывает работу по управлению государственности [...] Адмирал Колчак». - См.: ГАРФ. Ф.176.Оп.2.Д.83.Л.167.

обширная докладная записка «Состав совета министров» неизвестного автора, найденная комиссией Политцентра при аресте адмирала в его поезде и приобщенная к общему следственному делу по судебному процессу над «самозванным и мятежным правительством Колчака». По «щедринскому» стилю изложения можно предположить, что она принадлежит перу известного омского журналиста, главного редактора кадетской газеты «Сибирская речь» В.А. Жардецкому.

Записка состоит из двух частей: первая - краткий анализ общественно-политической ситуации в Сибири накануне провозглашения Верховной военной власти и вторая - персональные характеристики видных деятелей Омского правительства. Публикация настоящего документа предпринимается впервые.

* * *

СОСТАВ СОВЕТА МИНИСТРОВ

«Состав настоящего совета министров, в его значительной части, связан с бывшим здесь местным Сибирским Временным правительством. К сибирской группе совета относятся: председатель Вологодский⁵, министры: финансов Михайлов⁶, труда Шумиловский⁷, народного просвещения Сапожников⁸, продовольствия и снабжения Зефилов⁹, юстиции Старынкевич¹⁰, управляющий торговли и промышленности Щукин¹¹, внутренних дел Гаттенбер[гер]¹², земледелия Петров¹³ и управляющий делами совета Тельберг¹⁴.

Только министр путей сообщения¹⁵, военный¹⁶, морской¹⁷ и государственный контролер, если последним является господин Краснов¹⁸, не имеют отношения к сибирской группе. Политически весьма влиятельным лицом в сибирской группе является Гинс¹⁹, ныне товарищ министра иностранных дел, а ранее заместитель министра народного просвещения в совете министров.

Вся перечисленная сибирская группа непосредственно или преемственно связана с начальным периодом Временного Сибирского правительства, которое обосновалось в Омске, имея первичным районом распространения своей власти Западную, а потом Среднюю Сибирь. Общим [для] всей этой группы является уклон в сторону сибирского областничества, которое представляется для них как доктрина, более или менее ограниченной автономии Сибири в будущем, а в настоящем, как тактическое средство временного отграничения Сибири от более, чем Сибирь, разложившейся и зараженной европейской России. Эта последняя идея - необходимой карантинной черты - осложняется расчетом создать в искусственно ограниченной Сибири базу для номерного и обеспеченного движения на Россию с целью ее оздоровления русскими же силами, находящимися в Сибири и пребывающими в благополучной социальной среде.

Общим для всей этой группы является недавняя принадлежность ее членов к течениям социального и политического радикализма. В большинстве, в ближайшем прошлом, эти министры имели то или иное отношение к социалистическим партиям и почти все, так или иначе, были связаны с сибирской кооперацией, находящейся под сильнейшем политическим давлением социалистов. Исключения будут указаны при поименных характеристиках.

Всей группе свойственен здоровый политический оппортунизм, склонность к деловой постановке вопросов, малая техническая подготовленность и отсутствие специальных административных знаний, значительная доля провинциализма, но в общем ряде, испытания, доказанные настроением российского патриотизма, тенденция к политической честности и слабое развитие момента личной заинтересованности во власти и честолюбия. Практическая неподготовленность, малая осведомленность в специальных вопросах и провинциализм, служат источником нападков и нареканий на совет со стороны общественных деятелей, беженцев европейской России.

К сожалению, европейская Россия, за исключением военных, не дала сюда особенно ценного гражданского материала. Критическое отношение со стороны пригодных для правительственной деятельности элементов европейской России сопровождается уклончивостью в принятии на себя ответственных правительственных постов. Далее, деятели европейской России несут за собой весьма интенсивное правое настроение, которое в данной политической ситуации может быть для дела государственности источником существенных и вредных осложнений.

Всеми данными обстановки, сибирская группа есть нечто вполне положительное и трудно в целом заменимое в достоинствах при всей очевидности недостатков ее деятелей. В сибирской группе живет тенденция к закреплению за советом министров положения солидарного кабинета, связующего конституционную власть Верховного правителя, участвующего в осуществлении в доле верховной власти. Отсюда, тема о возможном антагонизме Верховного правителя и совета.

Отсюда, склонность построить назначения новых министров, как кооптацию советом и увольнение равномерно самим советом.

Начало и питательная среда этих идей - период конфликта с Директорией. Неудовлетворительность этой организации Верховной властью делали необходимым укрепление и солидаризацию совета. Новая форма Верховной власти обязывает к особой активности и ответственному вооружению полномочиями Верховного правителя, передавая бесспорно ему право определения состава совета министров. Таким образом, несмотря на изменения в конструкции власти, идея кабинета с вышеуказанными тенденциями продолжает жить по инерции. Вопрос об укреплении совета имеет в себе момент, который должен быть предусмотрен и ныне. Это момент отказа от власти, тяжкой болезни или смерти Верховного правителя. Но, во всяком случае, описанная тенденция совета ныне идет против жизни и внутренней физиологической стороны верховной власти, она не может быть укреплена никакими прецедентами и определяется в своей судьбе всецело политическими фактами. На почве описанной тенденции - кабинету культивируется идея создания в кабинете сибирской партии и большинства, которое может и, наверное, будет сказываться в вопросах дальнейшего комплектования совета. Допускать по возможности своих людей и не допускать чужих - российских - вот формула этой идеи, которая может затруднить в своем осуществлении качественное улучшение состава совета.

Еще до характеристики сибирских министров, каждого в отдельности, отмечу наиболее среди них влиятельных и по существу руководящих. Это - И.А.Михайлов, министр финансов, и Г.К.Гинс, товарищ министра иностранных дел. Оба эти человека должны быть признаны строителями и вдохновителями сибирской правительственной комбинации, истинно выдающимися ее людьми, которым по совести должны быть приписаны главные заслуги в деле зарождения и развития русской государственности на Востоке, после свержения большевиков. Оба они - молодые люди. В обоих на лицо пафос государственности, чутье жизни и верный политический инстинкт. Оба они исключительно упорны в своей политической работе, и оба обладают способностью влияния на окружающих.

Г.К.Гинс. Ему около 35 лет. Юрист по образованию. Приват-доцент Петербургского университета по кафедре гражданского права. В Петрограде служил в центральных учреждениях министерства земледелия. По своим политическим убеждениям - конституционный демократ. При господстве большевиков жил в Сибири и здесь работал в кооперации, в которую в это время укрылись многие из служилой интеллигенции. По уходе большевиков из Омска, Г.К.Гинс появился здесь как управляющий делами, так называемого Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Во главе комиссариата стояли четыре эсера - Линдберг²⁰, Марков²¹, Сизиков²² и еще кто-то. Все кооператоры - люди недурные, но средней руки и весьма среднего образования. Они гордились тем, что у них управляющий делами - петербургский профессор и верили этому профессору.

Нужно заметить, что Г.К.Гинс, с тех первых дней и до сего дня все тот же в своем отношении к правительственному делу. Оно для него - обязанность перед государством и государственностью, перед Россией. Россию, государственность и культуру Г.К.Гинс любит сдержанно, строго. Это у него - внутреннее, для души. Правительственное дело для него это необходимая работа, даже черный труд. Он радуется, когда дело удается, когда работа идет гладко. Он досадует на шероховатости, глупости, углы человеческого характера, которые осложняют дело и мешают делу. Но в преодолении шероховатостей дела Г.К.Гинс выступает как педагог, не раздражаясь, скромно и осторожно, всегда внимательно по отношению к человеку, от которого идет осложнение, он поправляет чужую глупость, разъясняет ошибки, выглаживает покоробленное чувство. В той среде, по преимуществу небольших людей, которым волею судьбы пришлось делать большое дело, он педагог и нянька. Его преимущество в нравственном отношении к делу. Ему самому ничего не нужно, у него нет честолюбия. Сам он лишен заносчивости и упрямства, всегда просто признает свою ошибку и сам подчеркнет свою неосведомленность в том или ином вопросе. Поэтому его и не бояться и не стороняться, уважают и даже, кажется, любят товарищи по правительственной работе.

Описанная деятельность Г.К.Гинса незаметна, но ей мы обязаны воздержанием от тысячи и одной ошибки неопытного правительства. Необходимо иметь в виду тот материал, над которым ему приходилось работать. Первоначально это были весьма неученые эсеры комиссариата. Потом пошла Директория. В ней были, составляя большинство, такие невозможные фигуры, как молодой и неумный эсер Шатилов²³, сварливый, неуживчивый и задорный доктор Крутовский²⁴, Патушинский²⁵, иркутский адвокат, выкrest из евреев, претенциозное ничтожество, уездный лев и честолюбец. Все это социалисты Директории.

Наконец всегда был и пребывает П.В.Вологодский, глава Сибирского правительства, член Всероссийской Директории, а теперь председатель совета министров. Он всегда был и есть сплошное препятствие, которое необходимо преодолевать изо дня в день, препятствие провинциализма, ограниченности, упорства и обидчивости. Только Г.К.Гинс может с ним, более или менее, удовлетворительно справляться. Так, например, ныне, назначение товарищем министра иностранных дел Гинса есть неизбежная превентивная мера в отношении министра иностранных дел Вологодского, который сам по себе на этом посту представлял бы сплошную опасность для государства.

И.А.Михайлов. Ему нет и 30-ти лет. Он окончил университет или политехникум и готовился остаться при высшей школе по кафедре, если не ошибаюсь, финансового права. По происхождению - сибиряк. Его родители - политические ссыльные. За время большевиков Михайлов был связан с сибирской кооперацией, куда он пришел после работы в финансовом отделе Всероссийского земского союза в Москве. Сибирская кооперация выдвинула его через Сибирскую областную думу, в состав Директории. У него была маленькая подготовка по теории финансов, а потому его, как ученого финансиста, предназначили в министры финансов. При всей своей молодости, Михайлов, в Директории, занимал первенствующее положение. В состав Директории входили Шатилов и Вологодский - социалисты-революционеры, областники, Крутовский и Патушинский - народные социалисты, областники, и наконец пятый - И.А.Михайлов. По приезде в Омск, при первой встрече со мной, он с большим раздражением отверг мою догадку, что в его формуляре имеется также социализм. И.А.Михайлов - бесспорно, талантлив и талантлив политически. В нем чутье политической деятельности, в нем ум, способный делать безбоязненные выводы; ум, склонный к определению компромисса, оппортунистически по преимуществу. У него, несомненно, большое честолюбие, аппетит к власти, темперамент игрока, вкус и страсть к упорной политической интриге. Все время он ищет для себя точку опоры, политическую базу. Сегодня это - социалистические кооператоры, а завтра он ищет сближения с «буржуями», ведет переписку с Анненковым²⁶ и сближается с генералом Андогским²⁷ и его офицерами. Он пойдет на все, на переворот, и, если надо, на политическое убийство. Это - дитя революции. Это из первых немногих приобретений, которые имеет русская государственность среди наиболее молодого поколения политически действенной интеллигенции. Государственному делу Михайлов предан, как своей личной страсти. Сам по себе он цепок и для того, чтобы его не потерять для дела нужно, лишь, наблюдать, чтобы, он не зарвался и не сорвался. Разумеется, он плохой министр финансов. Для этого у него нет ни знания, ни практического опыта, ни просто, наконец, времени. Он весь захвачен и отвлечен общественно-политическим руководством, развитием обще-правительственной интриги.

Надо иметь в виду, что статическое было чуждо правительству на Востоке, оно все время было в движении, в нем все было динамическое. Михайлов в среде своих сотоварищей по власти был всегда самым ярким, его побаивались, но, чувствуя его интеллектуальное и волевое превосходство, перед ним пасовали и его слушались. Он сам признает свое несоответствие своему положению министра финансов. Он хотел бы стать министром внутренних дел. Здесь он идет на самую широкую реставрацию совместного управления и надеется на то, что господин Гондати²⁸ пойдет к нему в помощники. Всегда в борьбе и интриге, он приобретает себе врагов. Сибирские социалисты, которые помогли ему первоначально утвердиться, считают его предателем, достойным самого гадкого конца. Более умеренная кооперация приглядывается к нему, задумываясь - не змею ли она согрела у себя груди? Его связь с генералом Андогским восстанавливает против него людей, интриги генерала Иванова-Ринова²⁹, которые в более правых кругах сплетничают о Михайлове, что это чуть ли не левый социалист-революционер. В период Сибирского правительства Михайлов работал над* [...]. по-видимому, кто-то его считает виновником неудавшихся расчетов, виновником некоторых неудач в предприятиях. Отсюда раздражение против Михайлова и даже ненависть к нему мелких чехов. Отсюда попытка ареста Михайлова по распоряжению Национального совета в сентябре месяце. Отсюда непрерывный наговор на Михайлова мелкими чехами старшим иностранцам - Ренью³⁰, Элиоту³¹ и проч. Отсюда эта работа над созданием репутации Михайлова как крайнего реакционера.

Т.В.Бутов³² - наперсник И.А.Михайлова. Первоначально он был у Михайлова секретарем, а впоследствии стал помощником управделами совета министров. Это совершенно еще молодой человек - студент университета, умный и думающий; во всем совпадающий со своим патроном. Свое высокое положение он несет с большим достоинством, удачно подражая взрослым, умея даже маленькой своей фигурке придать отпечаток сухой и серьезной деловитости. Это глас

---

* Обрыв текста документа.

и правая рука Михайлова в делопроизводстве совета министров и политическая служба - связи молодого министра финансов.

П.В.Вологодский - пожилой человек, около 50 лет от роду. Когда-то служил товарищем прокурора, а потом пошел по адвокатуре. Все время жил в Сибири, по-видимому, томский старожил. Слыл за даровитого поверенного. Здесь, в Сибири, облик и звание присяжного поверенного культурно еще не усвоено и снижено до уровня образа и имени поверенного. Провинциальный общественный деятель. Политически числился социалистом-революционером, в почетном и легком смысле этого звания, в смысле революционности, которая не мешала ни заработку, ни карьере. Всегда любил почет и уважение. Как социалист-революционер был выбран, кажется, во Вторую Думу депутатами от Томской губернии. Неуклонно был избираем в члены совета присяжных поверенных округа Томской судебной палаты, совета захудалого и слабого. В первые дни революции был адвокатом при министерстве юстиции Керенского, проведен в старшие председатели Омской судебной палаты. Во время бесчинств революционной демократии умел блюсти дружественной революционной демократии нейтралитет по суду. Имел мужество подписать протестующую резолюцию, когда еще небольшевистский совдеп в Омске произвел самочинные аресты лиц судебного ведомства. Не имел мужества быть на месте службы в момент посягательства большевиков на судебные установления в Омске, предоставив непосредственно ведаться с большевиками вместо себя старшему члену судебной палаты д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Белобородову.

При большевиках вовремя поступил на службу в кооператив, внеся большевистскому трибуналу, сделанный на него большевиками начет по обязательной для него выдаче жалования служащим судебной палаты, почтительно отбыл трибунал и был большевиками по их суду оправдан. Сделался председателем казачьего суда, служба в котором для него, старшего председателя судебной палаты, представлялась небесспорно возможной. С появлением Сибирского правительства он вошел в его состав на положении главы.

Дальнейшая эволюция - член Уфимской Директории, а затем председатель совета министров, ныне принявший временно министерство внутренних дел. В частном обиходе, по свидетельству многих его знающих лиц, это мягкосердечный и добрый человек. Долгие годы жизни в глубокой провинции в Томске, в мире мелких дел, интриг, сплетен, губернских попок и карточной игры, в атмосфере духовной грубости, наивности и несложности, фатально определили его уровень. Это - пожилой провинциальный адвокат, малоразвитый, нерешительный, интеллектуально пошлый. В политической работе он склонен к самому неудовлетворительному виду компромисса, к легкомысленно механическому компромиссу. В нем есть изрядное количество упрямства и личной предубежденности. Круг его симпатий провинциален и мелок. К тому, что выше этого круга он относится с подозрительностью и недоверчивостью уездного дельца. Долг государственности и сложный язык условностей государства для него темен и недоступен. Ход событий, в которых он не был создателем, сделал ему довольно прочное внешнее положение. Его имя оказалось напето по телеграфу за границу. В этом смысле его знают, не зная, иностранцы, для которых он - символ прогрессивной политики в противовес другому символу и ложному образу Михайлова - «крайнего реакционера».

П.В.Вологодский в вопросах внутренней политики скорее досажден, чем опасен. Разумеется, он весьма склонен поддерживать идею сибирского большинства своих людей в совете министров. Во всех личных комбинациях по совету министров он будет фатально поддерживать самую неудовлетворительную и посредственную. Во всех вопросах, принципиальных в деле управления, он будет искать позиции наиболее разбавленные и внутренне ничтожные, принимая свою ограниченность за дальновидность. Наоборот, в вопросах внешних, оказавшись, хотя бы на время предоставленным сам себе, он по неразумению может наделать большое зло. Неосторожная и неуклюжая болтовня его не раз в этой области создавала опасное положение. Угроза его отставки, по моему крайнему убеждению, недействительна. Он очень дорожит своим положением и ни за что по доброй воле не уйдет. Ближайшее влияние на П.В.Вологодского имеет Г.К.Гинс, по мере сил и возможности, нейтрализующий действия вышеописанных отрицательных сторон сибирского премьера.

Г[осподин] Зефирин - министр продовольствия, а теперь и снабжения. Ему 33 - 35 лет. Окончил Петербургский политехникум по экономическому отделению. До войны 17 лет служил по статистике переселенческого управления в Омске. Во время войны был правительственным уполномоченным по продовольствию где-то на Дальнем Востоке. Говорят, выделился как хороший и энергичный уполномоченный.

В состав Сибирского правительства вошел как министр продовольствия, со времени появления Директории. В смысле политических партий был приписан, кажется, к народным социалистам, но ближайшую наиболее удобную для себя платформу нашел в социально бесформенном сибирском областничестве. Человек деятельный, честолюбивый, духовно вульгарный, по природе - карьерист, человек личного напора и приспособления. Он будет с теми и в той группировке, где будет обеспечено ему заметное положение. Для министра он еще, разумеется, молод и не подготовлен, однако и при старом порядке он был чиновником с обеспеченной хорошо карьерой по какому-либо хозяйственному ведомству.

Молодых³³ - товарищ министра снабжения. Единственно темный человек и проходимец в составе правительства. Пожилых лет, почти старик. Знающие его люди говорят, что его карьера началась в волостных писарях. Его заметил и дал ему движение министр земледелия Кривошеин³⁴. За несколько лет до войны служил в Омске по переселенческому ведомству. Слыл за дельца, участвовал в нескольких рискованных предприятиях и закончил основательным неплатежом. Вынырнул во время войны в Петрограде как сибирский областник. С возникновением Сибирского правительства, Молодых появился в Омске и стал наперсником упомянутого уже члена Директории, выкреста Патушинского, расположение которого снискивал всякого рода сплетнями и доносами. Так Молодых обогнал коменданта г. Омска подполковника Андреева, наговорив на него Патушинскому вещи заведомо ложные. Эта история стоила больших неприятностей коменданту, причем расследование, проходившее через генерал-майора М.К. Менде, установило вздорность навета Молодых перед лицом влиятельного тогда Патушинского.

Молодых был искусственно привлечен в придуманное ведомство снабжения и здесь он стал главной фигурой при совершенно неопытном, однако безупречно добропорядочном министре Серебренникове³⁵, который теперь ушел в отставку. Молодых повел кампанию против военно-промышленных комитетов, стараясь прибрать дело к своим рукам. У него гадкая репутация и ведомство, в котором он так влиятелен, давно уже нуждается в сенаторской ревизии. Это искусный пролаза, относительно влетерога трудно понять - чем он берет? Член Экономического совещания говорит, что в объяснениях он производит впечатление человека бестолкового и неумного. Это единственный член правительства, которого нужно не заменить, а просто выбросить во имя достоинства власти.

Профессор Сапожников³⁶ - с первых дней Сибирского правительства, министр народного просвещения, запасный член Всероссийской Директории, где он был заместителем Вологодского, ныне также министр народного просвещения. Пожилой, глубоко почтенный человек, знаменитый ботаник, профессор Томского университета. К сожалению, полная политическая наивность и никуда негодный министр просвещения, допускавший выборность преподавательского состава в учебных заведениях с допуском к участию выборов представителей [от] школьников. В совете министров фактически он участия не имеет, проживая все время в Томске, куда, почему-то, вынесено и само министерство народного просвещения. Общему ходу дел этот министр не мешает и состоит в правительстве по весьма почтенному мотиву - нельзя же обидеть Ивана Ивановича (к сожалению, имя, отчество профессора мне неизвестно).

Старынкевич - министр юстиции со времени [Все]российской Директории. При Сибирском правительстве некоторое время был министром внутренних дел. Человек лет сорока, с небольшим. Иркутский, а ранее московский присяжный поверенный, при министерстве юстиции Керенского, подобно Вологодскому, был проведен по представлению адвокатов в прокуратуру Иркутской судебной палаты. В прошлом своем социал-революционер, а потом народный социалист или трудовик. Г[осподин] Старынкевич делил судьбу всех адвокатов, в период Керенского получивших руководящие посты по юстиции, в этом отношении оказался бессильным и ничтожным. Малое развитие, пониженное правосознание, легкомыслие, судебное и запутанность основных понятий*, отсутствие административных качеств и политическая банальность. Сталкивающихся с ним людей, г[осподин] Старынкевич поражает своей склонностью выражаться обаятельно по-умному, запутанно и невразумительно. Желание оставаться министром выражено у него до смешного определено. При обсуждении его кандидатуры по блоку, в период комплектования совета министров, его никто не поддерживал и все желали бы, чтобы его не было. Его назначила Директория, так как ему было уже давно обещано, кроме того его поддерживал Вологодский. В истории с уфимскими заключенными он, безусловно, скомпрометирован. После привоза в Омск арестованных в Уфе адмирал приказал Старынкевичу привлечь к ответственности лишь виновных в совершении общих уголовных преступлений, остальных же не держать в

---

* Так в документе.

тюрьме понапрасну и поскорее выпустить. Старынкевич затянул расследование, дождался напоминания адмирала и ответил, что «пусть посидят». Освобождение затянулось до 22-го числа, дня захвата тюрьмы большевиками. Несмотря на то, что вся уфимская категория задержалась в тюрьме по нерасторопности и легкомыслию Старынкевича, он не принял никаких мер к ограждению этих людей, а в ночь на 23 декабря случилось непоправимое. С докладом об уфимской категории Старынкевич поехал к Верховному только вечером 23-го декабря, то есть после дела. Несмотря на тяжелую ответственность, которую он за этот случай несет, он никак не может понять сам, что ему надо поскорее уходить.

Г[осподин] Гаттенбергер - министр внутренних дел. Пожилой человек, отставной кадровый офицер, со средним военным образованием. Служил в Томске мировым судьей. Судья был средний. Как личность - весьма порядочный человек. По политическим воззрениям - к[онституционный] д[емократ], с уклоном к сибирскому областничеству. В омских интеллигентных кругах его считали человеком твердым и решительным. При Сибирском правительстве он был сделан Томским губернским комиссаром. В этой роли оказался исполнителем и непреклонен в отношении к нелепой эсеровской Сибирской областной Думе и вполне успешно ее распустил. При вспыхнувшем в Томске мятеже, который осложнился нападением на тюрьмы, в полном единодушии с военными властями весьма круто расправился с мятежниками. При комплектовании совета министров Директории министром внутренних дел был назначен И.А. Михайлов. Эсеры, поддержанные политическими представителями чешского Национального совета Рихтером³⁷ и Кошиком³⁸, заявили решительный отвод Михайлова, как министра внутренних дел. В результате нареканий был намечен компромисс. Вместо министра внутренних дел назначался временно лишь управляющий министерством, и этим управляющим наметили Гаттенбергера, которого никто не знал и, поэтому никто не боялся. Не спросив Гаттенбергера, еще до его приезда, назначили ему помощников - товарищ[ей] министр[а] Роговского³⁹, Грацианова⁴⁰, Коропачинского⁴¹ и профессора Новомбергского⁴². К этой компании, в момент ее установления, относились отрицательно, сознавая внутреннюю ее противоречивость, слабость и кратковременность. Предполагалось, что через некоторое время препятствия к назначению Михайлова отпадут, и Михайлов заменит собой Гаттенбергера, подобрав себе товарищей министров соответственно своей программе и своему убеждению. Однако обстоятельства изменились, а неудовлетворительная комбинация по министерству внутренних дел остается и до сего дня. Вопросы этого ведомства, после вопросов армии, по важности своей идут в первую очередь; от руководителя ведомством требуются широта кругозора, смелость мысли, энергичная деятельность, создание программы неотложных преобразований и возможность для него подобрать хороших исполнителей и сотрудников - товарищей министров. Длится состояние разлуки, в котором находится внутреннее местное управление далее уже невозможно. К сожалению, господин Гаттенбергер совершенно не соответствует занимаемому им посту. Никакой программы у министерства, где все бредут в разные стороны, нет и впомяне. Тонут в мелочах, теряют из вида главное, и по этому министерству катастрофа управления уже налицо.

Доктор Грацианов - товарищ министра внутренних дел. Пожилой человек, из духовного звания, томский санитарный врач и томский старожил. Уверяет, будто он - социал-демократ. На самом деле, достаточно простодушное и малограмотное существо. Товарищем министра состоит со времени Директории, и с тех самых пор это смешно! Ведает, кажется, врачебной частью и городскими самоуправлениями. Почему-то принял на себя труд изготовить законопроект об изменении закона о выборах в городские думы. Личность знакомая П.В. Вологодскому по Томску, а это очень важно.

Профессор Новомбергский - товарищ министра внутренних дел. Томский профессор юридического факультета. До революции был чем-то вроде октябриста. Известен по дрязгам, которыми богаты Томский университет и томская интеллигенция. Во время революции стал социал-революционером, а теперь, когда звезда эсеров в закате, тщательно себя от них отделяет, сибирский областник и может быть чем угодно. Приобретение для правительства более чем посредственное.

Коропачинский - товарищ министра внутренних дел. Ставленник Директории, которой сумел понравиться в Уфе. До революции председатель Уфимской губернской управы ценовой. Приспособляющийся дворянин. Во время революции полевел ужасно и стал, чуть ли не эсером. По отзывам близко его знающих - человек шаткий, скользкий, ненадежный.

В.Н. Пепеляев⁴³ - директор департамента полиции. Брат генерала Пепеляева, командира Среднесибирского корпуса⁴⁴, 34-х лет от роду. Окончил юридический факультет, был членом 4 Государственной Думы от Томской губернии. С первых дней революции был назначен комиссаром в Кронштадте, а потом ушел рядовым на фронт. По политическим убеждениям - к[онституцион-

ный] д[емократ], и в этой партии был членом Центрального комитета, а в последнее время, до назначения, председателем восточного отдела Центрального комитета к[онституционных] д[емократов]. В период власти большевиков в Петрограде и в Москве, работал по Национальному центру. В августе 1918 г. пробрался из европейской России на Восток, будучи сюда делегирован Национальным центром. Провел здесь, по всей Сибири, большую политическую организационную работу. Считаю своим долгом, в данный момент, не отказываться ни от какой ответственной службы по правительству, принял назначение директора департамента полиции и вышел из партии.

Пепеляев - человек ума грубоватого, но бесспорно большой энергии, идеального физического и душевного здоровья, огромной трудоспособности. Политически честен и культурен. Гордый и искренний патриот. Он честолюбив, но его честолюбие здорово и не носит характера жадности на власть. По моему убеждению, он из немногих здоровых экземпляров русской интеллигенции, которой по плечу государственная работа. В своей отрасли действует по верному пути реставрации дореволюционных реформ, имея в голове программу деятельности, согласованную с программами Национального центра. Покамест работа Пепеляева в министерстве внутренних дел заторможена министром Гаттенбергером, и возможно, что Пепеляеву придется уходить, так как и его энергии не хватит побороть разруху ведомства и беспомощность его руководителей.

Г[осподин] Шукин - управляющий министерством торговли и промышленности. Министр торговли и промышленности до сих пор еще не назначен. Г[осподин] Шукин временно управляет ведомством. Он ставленник кооперативов. В настоящий момент, неизбежного для кооперации перехода к самостоятельному существованию, не за счет государства, руководство ведомством торговли было бы целесообразнее сосредоточить у лица более далеко отстоящего от кооперации. Но помимо известной кооператорской тенденциозности, г[осподин] Шукин по общим отзывам, весьма добропорядочный, дельный и корректный человек.

Г[осподин] Шумиловский - министр труда. Он стоит во главе ведомства, которое без вреда делу было бы возможно упразднить, присоединив как отдел к министерству торговли и промышленности. Г[осподин] Шумиловский - учитель гимназии, социал-демократ, меньшевик, практически интересующийся деловой работой рабочего движения. В составе правительства находится с первых дней Временного Сибирского правительства. В своих проектах и мероприятиях он весьма фантастичен и всесторонне слаб. Как человек, добропорядочен, но тускл.

Профессор Тельберг - управляющий делами совета министров. Профессор юридического факультета из Томска. По возрасту, лет 35. По политическим воззрениям - к[онституционный] д[емократ] и член Восточного отдела Центрального комитета этой партии. Не даровит, не весьма сведущ и человек некрупный. Упрям, по видимому, честолюбив. На своем посту склонен вести политику ограждения прерогатив совета министров за счет Верховного правителя.

И.В.Павлов - помощник управляющего делами совета министров при Сибирском правительстве, товарищ министра внутренних дел от «буржуев», которого поэтому старались держать подальше и задвигать на вторые роли. По возрасту, около 40. Окончил Петроградскую духовную академию. Прошел образцовую школу по министерству внутренних дел в качестве непременно члена при выдающимся администраторе - Акмолинском губернаторе А.Н.Неверове. Во время революции был помощником Акмолинского областного комиссара. При большевиках, как один из руководителей чиновничьего саботажа, сидел в тюрьме. В состав Временного Сибирского правительства был принят на положении товарища министра внутренних дел исключительно по настоянию местных деловых политических кругов, так называемых «буржуев». При перемещениях, связанных с образованием совета министров и Директории, был вытеснен из министерства внутренних дел в управление делами. Человек в совершенстве знающий технику управления, чего как раз не достаёт теперешним руководителям ведомства внутренних дел. Весьма разумный, энергичный и трудоспособный администратор, обладающий действительным характером и абсолютно честный. Сейчас он находится на деле чисто канцелярском, для него незанимательном, в справедливой обиде и недовольстве».

*Центральный архив ФСБ РФ. Арх.№ Н-501.Д.9.Л.46-62.
Машинопись, копия.*

¹ См.: Вибе П.П., Михеев А.Л., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. -М.,1994; История Белой Сибири в лицах: биографический справочник. -СПб.,1996; Клавинг В.В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917-1923 гг.): энциклопедический справочник. -СПб.,1998.

- ² См.: Звягин С.П. Окружение Верховного правителя адмирала А.В.Колчака // История Белой Сибири в лицах. -С.3-4.
- ³ Дни (Берлин). -1923. -№321.
- ⁴ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. -Харбин,1920. -С.75.
- ⁵ Вологодский Петр Васильевич (1863 - 1928).
- ⁶ Михайлов Иван Адрианович (1891 - 1946).
- ⁷ Шумиловский Леонид Иванович (1876 - 1920).
- ⁸ Сапожников Василий Васильевич (1861 - 1924).
- ⁹ Зефилов Николай Степанович (1887 - 1952).
- ¹⁰ Старынкевич Сергей Сазонтович (1875 - ?).
- ¹¹ Щукин Николай Николаевич (?).
- ¹² Гаттенбергер Александр Николаевич (1861 - 1939).
- ¹³ Петров Николай Иннокентьевич (1884 - 1921). Родился в Томской губернии. Высшее образование получил на экономическом отделении Петербургского политехнического института в 1908 г. В 1917 г. был избран доцентом по кафедре экономической географии и статистики Омского политехнического института. В июне 1918 г. приглашен заведовать отделом земледелия и колонизации при Западно-Сибирском комиссариате. В июле того же года назначен управляющим министерством земледелия Временного Сибирского правительства, впоследствии - министр земледелия и колонизации.
- ¹⁴ Тельберг Георгий Густавович (1881 - 1954).
- ¹⁵ Устругов Леонид Александрович (1877 - 1938). В 1902 г. окончил институт инженеров путей сообщения. С 1902 по 1906 гг. работал производителем работ по сооружению Московской окружной железной дороги. В 1913 г. назначен штатным инженером МПС и начальником службы движения Омской железной дороги, в 1916 г. начальником. Указом Временного Сибирского правительства от 4 ноября 1918 г. назначен министром путей сообщения.
- ¹⁶ Степанов Николай Александрович (1869 - ?).
- ¹⁷ Смирнов Михаил Иванович (1880 - ?). В 1917 г. начальник штаба Черноморского флота. В 1917 - 1918 гг. - начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в Америке, с прикомандированием к русскому посольству в Вашингтоне. 20 ноября 1918 г. произведен в контр-адмиралы и назначен управляющим морским министерством.
- ¹⁸ Краснов Григорий Андрианович (1882 - ?). Окончил Петербургскую духовную академию. В 1907 г. поступил на службу в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, утвержден в чине коллежского секретаря по степени кандидата богословия. В 1916 г. за труды по Всероссийскому аэроклубу пожалован чином надворного советника. Указом Временного правительства от 6 июня 1917 г. назначен и.о.члена Совета Государственного контроля. Указом Временного Сибирского правительства от 4 ноября 1918 г. назначен государственным контролером. 30 мая 1920 г. приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом при Сибревкоме к пожизненному лишению свободы на принудительных работах.
- ¹⁹ Гинс Георгий Константинович (1887 - 1971).
- ²⁰ Линдберг Михаил Яковлевич, социалист-революционер, член Учредительного собрания по Второму избирательному округу от Томска.
- ²¹ Марков И.Е., член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, избранный на Первом Всероссийском съезде ТНСП в июне 1917 г.
- ²² Сизиков Владимир Семенович, член Всероссийского демократического совета, избранного демократическим совещанием 22 сентября 1917 г., от земской группы; член Временного Совета Российской республики (предпарламента).
- ²³ Шатилов Михаил Бонифатьевич (1882 - 1937).
- ²⁴ Крутовский Владимир Михайлович (1856 - 1938).
- ²⁵ Патушинский Григорий Борисович (1873 - 1931).
- ²⁶ Анненков Борис Владимирович (1889 - 1927), командир партизанской дивизии белых в Семиречье.
- ²⁷ Андогский Александр Иванович (1876 - ?), генерал-майор, начальник Академии Генерального штаба, профессор.
- ²⁸ Гондатти Николай Львович (1860 - 1946).
- ²⁹ Иванов-Ринов Павел Павлович (1869 - ?).
- ³⁰ Реньо Эжен Луи Жорж (1857 - ?) - с августа 1918 г. глава французской миссии во Владивостоке.
- ³¹ Элиот Чарльз - чрезвычайный уполномоченный Его Величества короля Великобритании в Омске.
- ³² Бутов Тарас Васильевич (?).
- ³³ Молодых Иннокентий Александрович (?), юрист по образованию, член Административного совета. По решению Чрезвычайного революционного трибунала 30 мая 1920 г. приговорен к 10 годам принудительных исправительных работ.
- ³⁴ Кривошеин Александр Васильевич (1857 - 1921).
- ³⁵ Серебренников Иван Иннокентьевич (1881 - ?).
- ³⁶ Сапожников Василий Васильевич (1861 - 1924).
- ³⁷ Рихтер Франтишек (1889 - 1944), член и секретарь Русского отделения Национального чехословацкого совета.

³⁸ Кошик Густав (1881 - 1956), майор чехословацкой армии, военный представитель в Омске.

³⁹ Роговский Евгений Францевич (?), социалист-революционер; избран членом Всероссийского Учредительного собрания от Алтайской области и совета крестьянских депутатов; в 1918 г. назначен товарищем министра внутренних дел и заведующим милицией Омска, в ноябре уволен от занимаемых должностей. Эмигрировал во Францию.

⁴⁰ Грацианов Александр Алексеевич (?), социал-демократ, член Административного совета, товарищ министра внутренних дел.

⁴¹ Коропачинский Петр Флегонтович (?).

⁴² Новомбергский Николай Яковлевич (1871 - 1949).

⁴³ Пепеляев Виктор Николаевич (1885 - 1920).

⁴⁴ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891 - 1938).

Публикацию подготовил Дроков С.В.

НИЦ «Белая Россия» и профессор Полторак Сергей Николаевич обращаются ко всем ученым-специалистам по истории Гражданской войны, организациям и частным лицам с просьбой помочь отыскать следы офицера Белой армии ХВОРОСТОВА Владимира Михайловича.

Известно, что Хворостов В.М. родился примерно в 1895 году. Учился в Санкт-Петербургской лесотехнической академии. На фронте находился с 1914 г. Во время Гражданской войны служил адъютантом у генерала А.И.Деникина. За границу эмигрировал из Крыма. Возможно проживал в Париже.

Всем, кто может помочь в восстановлении данных о судьбе офицера просим написать по адресу: 195251, г.Санкт-Петербург - 251, редакция журнала «Клио», главному редактору Полтораку Сергею Николаевичу.

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

ВОЕННЫЕ ОБЩЕСТВА И СОЮЗЫ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ В 1920-1939 гг.

Феномен российской военной эмиграции 1920-30х годов привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных историков. Между тем освоение источниковой базы данной проблемы лишь только начинается.

Настоящая публикация документов посвящена теме образования за рубежами России военно-политических организаций - Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и системы подчиненных ему воинских обществ и объединений.

Российская военная эмиграция создала в 1920-30е гг. уникальный мир, включающий в себя воинские союзы и полковые объединения, благотворительные комитеты, военно-учебные заведения - кадетские корпуса и юнкерские училища, музеи, библиотеки, госпитали и военно-научные общества. На протяжении двух десятилетий Белые армии, оказавшись на чужбине, сохраняли свои воинские традиции и организационные структуры, надеясь на возвращение на Родину не в качестве амнистированных «апатридов», а в роли победителей, взявших реванш в новом этапе Гражданской войны, возобновления которой они ожидали на рубеже 1920-30х гг.

В 1920-21 гг. за пределами России оказались сотни тысяч военных беженцев и членов их семей. Из Крыма была эвакуирована Русская армия генерала П.Н.Врангеля, из Мурманска и Архангельска вывезены войска Северного корпуса генерала Е.К.Миллера, на Дальнем Востоке сформировались российские военные диаспоры в Шанхае и Харбине. Но наиболее крупным потоком военных эмигрантов являлся «южный» - на Балканы и в страны Восточной Европы.

В 1920-21 гг. войска Русской армии были размещены в военных лагерях на Лемносе, Чатаалдже и в Галлиполи (Турция), которые им предоставили бывшие «союзники» по Антанте. Военно-морской флот белых был размещен на военной базе в Бизерте (Северная Африка). Несмотря на тяжелое психологическое состояние, большие понесенные потери, войска генерала П.Н.Врангеля не только не разложились, но, наоборот, проявили тенденцию к самосохранению как организованной военной силы. Военное командование приняло план переброски воинских контингентов Русской армии в Балканские страны, а затем - в страны Центральной и Западной Европы. Российские военные диаспоры возникли в большинстве стран мира - во Франции, Германии, Австралии, США и на Дальнем Востоке.

В то же время перед лидерами военной эмиграции - генералами П.Н.Врангелем, А.П.Кутеповым, П.Шатиловым встала сложная проблема: не допустить распыления военных беженцев, сохранить их связь со штабом Русской армии и армейскими органами управления, сохранить контроль за кадрами. Именно эту задачу призван был решить созданный 1 сентября 1924 г. приказом №35 Главнокомандующего Русской армией генерала П.Н.Врангеля РОВС.

В РОВС и системе военных обществ была введена система регистрации членов, проводилось анкетирование, оформлялись учетные карточки, основным пунктом которых являлся вопрос о «готовности встать в ряды армии в случае возобновления вооруженной борьбы» с большевистским режимом. Первым председателем РОВС был назначен генерал А.П.Кутепов, общее руководство вооруженными силами сохранилось за генералом П.Н.Врангелем как Главнокомандующим Русской армии в изгнании. В РОВС на протяжении 1920-30х гг. входило свыше двухсот военных обществ и организаций. Некоторые из них были очень крупными, располагали собственным помещением, насчитывали сотни членов, имели музеи, библиотеки, проводили собственные общественно-политические мероприятия - мемориальные встречи, Дни непримиримости, собрания ветеранов-однопольчан и т.п. Примером такой организации является «Общество галлиполийцев», которое играло значительную роль в жизни русского военного Зарубежья. В РОВС также входили «Союз русских офицеров» в Бельгии, «Союз участников Великой

войны» во Франции, «Общество офицеров Генерального штаба», «Общество ревнителей военных знаний» и многие другие.

РОВС проводил большую работу по оказанию помощи особо нуждающимся солдатам и офицерам Белых армий, оказавшимся в условиях изгнания без средств к существованию, военным инвалидам, престарелым. В этом деле ему помогали воинские общества и объединения ветеранов.

Штаб-квартира Союза была размещена в Париже, на улице Колизе, 29.

РОВС представлял собой централизованную структуру, подчиненную Главнокомандующему Русской армией и осуществлявшую общее руководство миром Российского военного Зарубежья в 1920-30е гг. Однако не все военные организации входили в Союз. Существовали и просто «дружественные» ему общества - например, Военно-Морской Союз (ВМС), который, несмотря на подчиняясь РОВС, в то же время согласовывал во всем с ним свои действия, а также и политические соперники, претендовавшие на лидерство в мире русского военного Зарубежья. Примером такой организации является «Корпус офицеров императорской армии и флота» под руководством великого князя Кирилла Владимировича Романова, объявившего себя местоблюстителем российского императорского престола.

Военно-Морской Союз (ВМС) являлся одной из крупнейших воинских организаций русского Зарубежья, объединяя большую часть морских офицеров, находившихся в эмиграции. ВМС имел собственный музей, библиотеку, зал заседаний, проводил выставки по истории военно-морского флота России и т.п.

В эмиграции существовали и казачьи военные организации, имевшие свои особенные традиции и сохранявшие привычный казакам уклад жизни. В Париже с марта 1925 г. действовало «Братство донских казаков», ставившее своей целью «поддержание между членами Братства нравственных начал и неразрывной связи и дружбы во имя любви к родному краю и России». В 1920-30е гг. существовали десятки чисто казачьих воинских обществ и союзов, библиотеки, музеи и т.п. Казаки устойчиво сохраняли традиционный уклад жизни, привычный им быт и социальные отношения. В трудных условиях эмиграции они тяготели к РОВС и крупным организационным структурам военного Зарубежья.

Таким образом, Российское военное Зарубежье 1920-30х гг. создает значительный пласт военной культуры, во многом продолживший воинские традиции Российской императорской армии.

В данной публикации читателю предлагаются документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Материалы по истории Российской военной эмиграции 1920-30х гг. передавались в период существования Зарубежной России в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге при МИД Чехословацкой республики, который в среде исследователей эмиграции и историков более известен под неофициальным названием «Пражский архив». К концу 1930х г. РЗИА располагал богатейшими фондами документов по истории Российской военной эмиграции. После 1945 г. «Пражский архив» был переведен в СССР и передан на спецхранение в НКВД, а в дальнейшем - в ГАРФ. До 1991 года фонды РЗИА были недоступны исследователям русского Зарубежья. Комплекс фондов архива включает в себя уникальные материалы - приказы руководства РОВС, отчеты руководителей военных обществ и союзов, информационно-аналитические материалы белоэмигрантской контрразведки, и т.п.

Ряд публикуемых документов вводится в научный оборот впервые.

* * *

Документ 1

**Распоряжение Главнокомандующего Русской армии генерала П.Н.Врангеля
о подчинении системы воинских союзов единому командованию
и о сохранении принципа «неучастия армии в политике»**

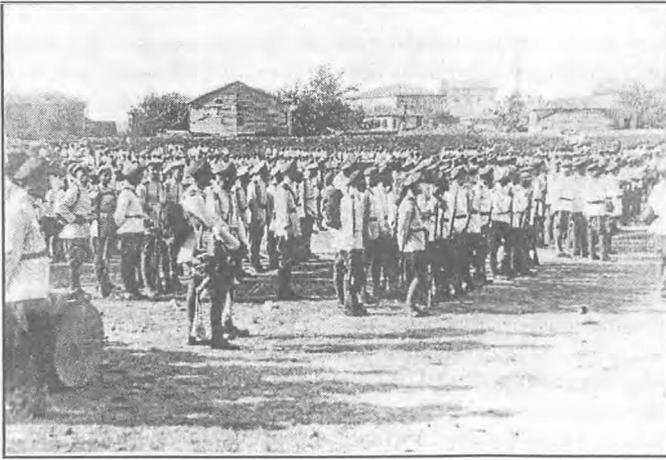
Распоряжение Генерала Врангеля

№ 82.

Сремски Карловци

8 сентября 1923 года

Осенью 1920 года прибыли на чужбину полтора-два тысяч русских изгнанников. В том числе 100 тысяч воинов - строевых чинов, тыловых учреждений и частей военно-учебных заведений, раненых и больных. Прибывшие воины были сведены в три корпуса - 1-й армейский, Донской и Кубанский, и устроены в лагерях Галлиполи, Чаталджи и Лемноса. Большое число начальников осталось за штатом и вынуждены были оставить временно ряды армии. Временно разлучены с

1922 г. Части 1 армейского корпуса в Болгарии.
Долгий путь изгнания только начинается...

гие на Севере, третьи в Прибалтике, четвертые в... Нищие, бесправные и незащищенные, они несли все тяжести беженской жизни.

Поставив себе задачей сохранить на чужбине последние остатки Великой Русской Армии, сплотить вокруг родных знамен оставшихся верными воинскому долгу воинов, и по мере сил помочь им собственным трудом обеспечить свое существование, я не делал разницы между теми, кто последовал за мною в изгнание, и теми, кто сражался ранее нас под водительством других вождей.

Дабы связать между собою и с армией офицеров, рассеянных по всем странам, оказать им нравственную и, в пределах возможного, материальную поддержку, в начале 1921 года, мною предложено было военным агентам приступить к образованию военных союзов и обществ. Вместе с тем производилась запись офицеров, изъявивших желание по первому зову явиться в ряды армии (регистрация). Таковых записалось около 10 тысяч человек. Их оказалось бы несомненно много больше, если бы работа по объединению воинов могла вестись открыто. Шум, поднятый враждебной нам русской и иностранной печатью в связи с общей международной обстановкой, затруднительность связи, отсутствие возможности широкого осведомления, все это бесконечно затрудняло работу. Многие офицеры, оставившие семьи, не записывались в ряды армии, опасаясь за участь близких. Повторились, к сожалению, и отдельные случаи, имевшие место в дни, когда борьба шла еще на родной Земле, когда на призыв армии не откликнулись те, кто был обеспечен, кто устроился и предпочитал мирное житие за границей риску житию или спокойствием, уклонялись преимущественно под предлогом, что армия не несет с собою определенного политического лозунга.

Ныне, после трех с половиной лет изгнания, армия жива; она сохранила свою независимость, она не связана ни договорами, ни обязательствами, ни с государствами, ни с партиями, она собственным трудом обеспечивает свое существование.

Общими усилиями обеспечен заработок 40 тысячам воинов, есть возможность учиться в высших учебных заведениях разных государств до 3-х тысяч человек, в средних - до 5-ти тысяч, даны средства на оказание помощи до 6-ти тысяч инвалидов и престарелых и поддерживается существование до 2-х тысяч семей воинов. Многие десятки тысяч получают врачебную помощь.

Армия перешла на трудовое положение; в приискании труда или возможности учиться многие офицеры разъехались с Балкан в другие страны; они по-прежнему оставались в своих частях, они не перестали оставаться членами родной полковой семьи. Вместе с тем они, войдя в офицерские союзы той страны, где ныне находятся, еще более сроднят эти союзы с армией, еще теснее сплотят рассеянных по лицу земли русских офицеров.

Для того, чтобы связь объединенных в разных странах в союзы офицеров с армией была бы действительна, необходимо, чтобы союзы объединяли лишь тех гг. офицеров, которые сами считают себя в рядах армии. Армии не нужны те, кто не хочет откликнуться на ее зов, как и те, кто не понимает, что всякая воинская организация может существовать только на основе приказа и

нею были и многочисленные чины тыловых учреждений. Наконец оказались оторванными от родных частей раненые и больные, размещенные в госпиталях Константинополя, Пирея, Бизерты и т.д.

Деля долгие годы с родной армией ее крестный путь, они, ... от нее оторванные, просили числить себя в ее рядах.

Помимо этих воинов за рубежом России находилось уже много десятков тысяч русских воинов, разбросаны по всем странам Старого и Нового Света. Большинство из них боролись за честь Родины на всех концах Русской Земли - одни в Сибири, дру-

повиновения; не нужны и те, кто забыл опыт 1917 года, наглядно показавший несовместимость военного начала с политикой и политиканством.

Признавая своевременным завершить ныне начатую в этом году работу по объединению офицеров за рубежом России, считая всех членов офицерских союзов и обществ в составе армии, приказываю:

1). Объединение и руководство деятельностью всех офицерских союзов и обществ в разных государствах осуществлять через военных представителей и военных агентов в этих государствах.

2). Военным представителям и военным агентам:

а). Предложить офицерам, не состоявшим в настоящее время в союзах данной страны, но считающих себя в составе армии, записаться в один из союзов этой страны;

б). Предложить через означенные союзы всем г.г. офицерам, не считавшим себя в составе армии, выйти из союзов; тем из г.г. офицеров, кои, состоя в союзах, входят одновременно в состав каких-либо политических организаций, предложить, как чинам армии, выйти из состава последних; те из г.г. офицеров, кои нашли бы возможность от этого уклониться, подлежат исключению из союзов, если бы какой-либо из союзов признал возможным оставить в числе своих членов офицеров, отказывающихся слиться в состав армии или отказавшихся выйти из состава той или иной политической организации, то таковой союз не может оставаться в числе союзов, входящих в состав армии, и не может в дальнейшем рассчитывать на ее помощь;

в). Указать всем союзам, состоящим ныне при управлениях военных агентов или военных представителей, как мое решительное требование не допускать обсуждения каких-либо вопросов характера политического - предоставив обсуждение «программ», «платформ», «тезисов» и «лозунгов» тем, кто видит в этом спасение Родины, и памятуя, что для война есть один лозунг - приказ начальника;

г). Донести, какие именно союзы и общества, выполнившие указанные требования, имеются ныне при управлениях военного агента или военного представителя данной страны.

Подлинное подписал:

Генерал П.Н.ВРАНГЕЛЬ.

Скрепил:

Генерал-лейтенант П.А.КУСОНСКИЙ.

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1.Д.4.Л.262.

Документ 2

**Информация штаба генерала П.Н.Врангеля
о введении в силу приказа №35 о создании Русского Обще-Воинского Союза (РОВС)**

Секретно
№673/А
Сремски-Карловци

Копия
11 сентября 1924 года

Генералу-от-инфантерии	Экку Э.В.
Генерал-лейтенанту	Миллеру Е.К. Хольмсену И.А. Абрамову Ф.Ф. Махрову В.С. Барбовичу И.Г.
Генерал-майору	Зборовскому В.Э. фон Лампе А.А.
Полковнику	Базаревичу
Полковнику	Фролову А.Г.

Приказом моим от 1 сентября с.г. за № 35 образован «Обще-Воинский Союз».

При существующей политической борьбе против Армии несомненно некоторые политические группы сделают все возможное, чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тайный смысл в том, дабы бороться против его осуществления.

Ввиду этого считаю нужным указать Вам следующее:

Образование единого мощного «Русского Обще-Воинского Союза» венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с Русской Армией и,

сохраняя ныне существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, и приводит все в стройную систему.

Вместе с сим - и это самое главное - образование «Русского Обще-Воинского Союза» подготавливает возможность на случай необходимости, под давлением общей политической обстановки принять Русской Армии новую форму бытия, в виде воинских союзов, подчиненных Председателям Отделов «Русского Обще-Воинского Союза».

Это последнее соображение - даст возможность Армии продолжить свое существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза - не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности.

Никаких других целей образование «Русского Обще-Воинского Союза» не преследует, что Вам и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь.

п.п. Генерал П.Н.ВРАНГЕЛЬ.
п.п. Генерал-лейтенант П.А.КУСОНСКИЙ.

ГАРФ. Ф.5826.Он.1.Д.15(2).Л.97.

Документ 3

**Образец подписной учетной карточки, которую заполняли
российские военные беженцы в 1920е гг., изъявлявшие желание
числиться в составе «армии в изгнании»
(Хранился в картотеке центрального отдела РОВС).**

ПОДПИСКА

Я, нижеподписавшийся (часть чин, имя и фамилия) _____ даю сию подписку в том, что вступаю добровольно в состав боевого кадра _____ и обязуюсь: 1). явиться в указанное мне место по первому зову; 2). беспрекословно подчиняться во время состояния в кадре всем приказаниям прямого моего начальства; 3). не принадлежать к составу каких-либо политических и тайных организаций, а равно не состоять в офицерских союзах и обществах, не вошедших в состав Русской Армии. На вступление в состав обществ и союзов, не преследующих тайных или политических целей, я обязуюсь испрашивать разрешение командира кадра.

«___» _____ 192___ года

ГАРФ. Ф.5826.Он.1.Д.10.Л.466.

Документ 4

Текст устава Общества галлиполийцев

УТВЕРЖДАЮ:

29 ноября 1921 г.
ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ

УСТАВ Общества Галлипольцев

§ 1. В целях объединения и взаимопомощи участников Галлипольского сидения 1920-1921 годов, а также для собирания материалов по истории Галлипольского сидения, хранения их и составления трудов по этому вопросу учреждается «ОБЩЕСТВО ГАЛЛИПОЛЬЦЕВ».

§ 2. Устав «Общества Галлипольцев» утверждается Верховным Вождем Русской Армии.

§ 3. Для осуществления своих целей, указанных в § 1, Общество пользуется:

п.1. Правом на ведение и хранение списков лиц, имеющих право на ношение знака в память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине с надписью «ГАЛЛИПОЛИ», а также надзора за правильностью ношения сего знака;

п.2. Правом издания материалов по истории Галлипольского сидения 1920-1921 годов;

п.3. Правом охраны исторических памятников, как в городе Галлиполи и в лагере, так и имеющими быть созданными в будущем в связи с памятью Галлипольского сидения, устройства садов и парков на исторических местах и проч.;

- п.4. Правом устраивать учебные заведения и воспитательные учреждения, библиотеки, читальни, музеи, выставки и другие просветительные учреждения;
- п.5. Правом учреждать в учебных заведениях стипендии;
- п.6. Правом устройства докладов, лекций, собраний, концертов, спектаклей, лотерей, гуляний и проч.;
- п.7. Правом устройства лечебниц, санаториев, колоний для детей и приютов для сирот, инвалидов домов, страховых и похоронных касс и других учреждений взаимопомощи членов Общества.

§ 4. Общество, на основании общих для обществ и союзов правил, пользуется правами юридического лица, а посему имеет право:

- п.1. Приобретать в собственность, принимать в дар, наследовать, закладывать и отчуждать движимое и недвижимое имущество;
  - п.2. Устраивать собственные предприятия, арендовать таковые и вступать во всякого рода договоры и обязательства;
  - п.3. Искать и отвечать на суде;
  - п.4. Вести от своего имени сношения с правительственными и общественными учреждениями.
- § 5. Общество имеет свою печать с изображением памятника на братском кладбище в г.Галлиполи и надписью по легенде «Общество Галлипольцев 1920-1921 гг.».

§ 6. Члены Общества пользуются исключительным правом ношения особого символа их объединения в виде стального кольца. Рисунок, описание и правила ношения сего кольца утверждаются Верховным ВОЖДЕМ Русской Армии.

СОСТАВ ОБЩЕСТВА

§ 7. Общество состоит из членов почетных и действительных.

§ 8. Почетные члены Общества избираются пожизненно Съездом Общества из числа лиц, оказавших исключительную помощь русскому делу и Русской Армии в период Галлипольского сидения 1920-1921 гг.

§ 9. Действительными членами Общества, кроме учредителей сего Общества, подписавшими настоящий устав, являются по их заявлению не опороченные по суду :

п.1. Все чины 1-го Корпуса Русской Армии, имеющие, согласно приказу Главнокомандующего Русской Армией от 2/15 ноября 1921 г. за №369, право на ношение «Знака в память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине с надписью «ГАЛЛИПОЛИ»;

п.2. Гражданские лица, женщины и дети, эвакуированные с частями Армии в Галлиполи или прибывшие впоследствии и пробывшие период Галлипольского сидения по день переезда Корпуса из Галлиполи, удовлетворяющие условиям, которые установлены для военнослужащих Приказом ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО Р.А. №369;

п.3. Дети, родившиеся в Галлиполи в указанный период Галлипольского сидения.

ПРИМЕЧАНИЕ: несовершеннолетние и дети, считаясь членами Общества, пользуются всеми правами членов Общества по достижении ими совершеннолетия, 21 года.

§ 10. В особых случаях в действительные члены Общества могут быть по докладу Правления принимаемы Советом Общества и лица, неуказанной категории в § 9, но по особому каждый раз рассмотрению.

§ 11. В списки действительных членов Общества заносятся также и все умершие в Галлипольском изгнании. Отцы, матери и дети умерших, в случае их о том заявлении, пользуются преимущественным правом занесения в списки действительных членов Общества, но так же не иначе, как в порядке правил в § 10 указанных.

§ 12. Члены Общества выбываются :

- п.1. По подаче ими о том письменных заявлений;
- п.2. Как опороченные по суду;
- п.3. По постановлению Совета в случае нарушения ими устава Общества или направления их деятельности во вред целям, коим служит Общество;
- п.4. По постановлению Суда чести Общества.

ПРИМЕЧАНИЕ: Члены Общества за смертью из списков Общества не исключаются.

СРЕДСТВА ОБЩЕСТВА

§ 13. Средства Общества составляются из:

- п.1. Членских взносов;
- п.2. Пожертвований различных лиц и учреждений;
- п.3. Правительственных и других субсидий;
- п.4. Доходов от различных предприятий и учреждений Общества;

- п.5. Особых капиталов;
- п.6. Прочих поступлений.

ПРИМЕЧАНИЕ: размеры и сроки членских взносов устанавливаются Советом Общества.

§ 14. Распределение средств на капиталы (основной, расходные, специальные и др.) и расходование их производится по особым инструкциям, выработанным Советом Общества.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ ОБЩЕСТВА

§ 15. Руководство и управление делами Общества возлагаются на съезд Общества, Совет Общества и Правление Общества.

§ 16. Съезд Общества является Верховным Органом руководства и Управления, которому принадлежит исключительное право:

- п.1. Вносить в устав Общества изменения;
- п.2. Выбора Почетного Члена Общества;
- п.3. Выбора Почетного Председателя Совета;
- п.4. Выбора членов Совета Общества и кандидатов к ним;
- п.5. Выбора членов Ревизионной Комиссии и кандидатов к ним;
- п.6. Выбора Почетных членов Общества;
- п.7. Утверждения инструкций Совету Общества;
- п.8. Утверждения постановлений Совета об Отделениях Общества и др. его постановлений;
- п.9. Решение вопроса о ликвидации Общества.

§ 17. Съезд Общества собирается ежегодно 9/22 ноября в день годовщины начала Галлипольского сидения по месту деятельности Совета и Правления Общества. Чрезвычайные съезды Общества в случае надобности созываются по постановлению Совета или требованию не менее 1/20 числа всех членов Общества, находящихся в живых, с указанием цели созыва.

§ 18. В Съезде Общества участвуют с правом решающего голоса все почетные и действительные его члены .

§ 19. Съезд Общества признается состоявшимся при наличии 1/10 числа членов, находящихся в той стране, где имеют свое место пребывания Совет и Правление Общества.

§ 20. Первый Съезд Общества созывается в г.Галлиполи.

§ 21. Почетный Председатель Съезда и Почетный Председатель Совета Общества избираются Съездом пожизненно из числа действительных или почетных членов Общества.

§ 22. В случае отсутствия Почетного Председателя Общества председательствует на Съезде Старший в чине из числа присутствующих членов.

§ 23. Совет Общества является его главным органом правления и руководит деятельностью Правления согласно данной Съездом Общества инструкции.

§ 24. Совет Общества состоит из :

- п.1. Почетного Председателя Совета;
- п.2. Двадцати одного члена, избираемых Съездом Общества на трехгодичный срок;
- п.3. По одному представителю от Отделений Общества, избираемых последними на срок один год.

ПРИМЕЧАНИЕ: Места выбывших членов Совета замещаются избираемыми ежегодно Съездом кандидатами в числе семи.

§ 25. Совет ежегодно обновляется в числе своих членов на одну треть.

ПРИМЕЧАНИЕ 1-е: В первые два года выбывают из первоначального состава Совета по жребию по семь членов ежегодно, взамен коих на треть годичный срок Съездом избирается ежегодно столько же. В дальнейшем выбытие происходит по старшинству избрания.

ПРИМЕЧАНИЕ 2-е: Первый Съезд Общества, а также через каждые три года, Съезд избирает сверх положенного числа еще семь членов Совета, взамен выбывающих, в состав Правления Общества.

§ 26. Советом из своей среды избирается Помощник Председателя Совета, заменяющий Почетного Председателя Совета, в его отсутствие, Председатель Правления Общества, Секретарь Общества, Казначей Общества и четыре члена Правления.

§ 27. Правление является исполнительным органом Съезда и Совета Общества, действует на основании Устава и Инструкций, выработанных Советом Общества.

§ 28. Правление состоит из семи лиц, выбираемых Советом из своей среды на трехлетний срок: Председателя Правления Общества, Секретаря Общества, Казначей Общества и четырех членов Общества.

ПРИМЕЧАНИЕ: в случае выбытия кого-либо из членов Правления, Совет Общества пополняет состав Правления выборами, взамен выбывших, из числа членов Совета.

§ 29. Осуществление принадлежащих Обществу Прав и юридического лица возлагаются на

Правление Общества, в согласии с Уставом Общества и Инструкциями Правления без особой на то доверенности.

§ 30. В помощь Секретарю Общества намечаются им же и утверждаются Советом не менее четырех его помощников.

§ 31. Секретариат Общества ведает всей его канцелярией.

§ 32. Ревизионная комиссия избирается Съездом Общества в составе пяти лиц сроком на один год и контролирует деятельность всех учреждений Общества.

ПРИМЕЧАНИЕ: Выбывающие члены Ревизионной Комиссии замещаются из числа трех кандидатов к ним, избираемых Съездом.

ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

§ 33. При наличии в каком-либо пункте не менее ста членов Общества постановлением Совета Общества может быть открыто Отделение Общества, действующее на основании особых инструкций Совета Общества. Окончательное утверждение и регистрация Отделений Общества принадлежит ближайшему Съезду Общества.

**1936 г. Смотр сил военной эмиграции.
Генерал В.Э.Зборовский инспектирует казачий
дивизион Кубанской и Терской сотен.**

СУД ЧЕСТИ ОБЩЕСТВА

§ 34. Совет Общества избирает суд Чести Общества в числе пяти членов на годичный срок, действующий на основании особого положения о Суде Чести, выработанного Советом Общества и утвержденного Верховным Вождем Русской Армии.

ЛИКВИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

§ 35. Ликвидация Общества может быть произведена лишь по постановлению Съезда Общества, принятому большинством не менее двух третей присутствующих на съезде членов Общества.

§ 36. Постановление Съезда Общества о ликвидации, с указанием порядка и правил ликвидации Общества, подлежит утверждению Верховного Вождя Русской Армии.

9/22 ноября 1921 г. г.Галлиполи.

УЧРЕДИТЕЛИ ОБЩЕСТВА: Генерал КУТЕПОВ, Генерального Штаба Генерал-Майор ШТЕЙФОН, Генерал-лейтенант КАРЦОВ, Военный инженер Полковник БАУМАРТЕН, Генерального Штаба Полковник СОРОКИН, Поручик РЫБИНСКИЙ, Штабс-Капитан БОРИСОВ, Подпоручик САХАНЕВ, М.СУРИН, Подпоручик КУРЦ, Подпоручик ДАВАТЦ, Полковник САВЧЕНКО, Штабс-Капитан ПОЛЯНСКИЙ, Штабс-Капитан РАЕВСКИЙ, Поручик МАЛЬШЕВ, Сергей РЕЗНИЧЕНКО, Штабс-Капитан КРЮКОВСКИЙ, Подпоручик ШЕВЛЯКОВ.

С подлинным верно:

Верно:

Старший Адъютант Штаба 1-го Армейского Корпуса
Капитан СКАБИЧЕВСКИЙ.

Старший Адъютант Штаба Отряда Р.А. в Галлиполи
Капитан /Подпись/

ГАРФ. Ф. 5843. Оп. 1. Д. 21. Л. 3-4.

**ПОЛОЖЕНИЕ
О КОРПУСЕ ОФИЦЕРОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА
1924**

Новый Сад (С.Х.С.)

Из газеты «Вера и Верность», Телечкова ул., 13.

**П Р И К А З №108
БЛЮСТИТЕЛЯ ГОСУДАРЕВА ПРЕСТОЛА по военной части**

Ницца, Франция

30 апреля 1924 г.

§ 1.

Объявляется утвержденное Мною Положение о Корпусе Офицеров Императорской Армии и Флота.

Канцелярии Моей и Военным Представителям приступить к его выполнению.

Я твердо верю, что достойнейшие Русские офицеры, объединенные в Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота, восстаноят в своей среде ту дружную сплоченность, которая всегда служила основой Русской Военной мощи, и сохраняют достоинство своего высокого звания в глазах тех народов, среди которых мы временно живем.

Я уверен также, что сплочением вокруг испытанных заветов Русского воинства мы приблизим счастливые дни освобождения Родины, когда все Русские офицеры вновь соберутся под Родными Знаменами и Штандартами, и вновь на морях развевается Андреевский Флаг.

§ 2.

Список № 1, прилагаемый к сему Приказу, Генералам и Офицерам, зачисленным в Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота, хранить в Канцелярии Моей и у Военных Представителей (Приложение 1-е).

*На подлинном собственной Его Императорского
Высочества рукой начертано:*

КИРИЛЛ

Управляющий Канцелярией Блюстителя Государева Престола
Генерал-Майор Доливо-Долинский.

На подлинном начертано:

Утверждаю, Кирилл
17/30 апреля 1924 г. Ницца

**ПОЛОЖЕНИЕ
о Корпусе Офицеров Императорской Армии и Флота**

1. Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота образуется с целью произвести отбор достойных Русских офицеров, верных Престолу и Основным Законам Российской Империи, и объединить их под Знаменем Законности для предстоящего служения Родине.

2. Из числа офицеров, состоящих в Корпусе, производятся назначения в активные военные группы, а также на этих офицеров возлагаются поручения военного характера.

3. В состав Корпуса на основаниях, изложенных ниже, зачисляются офицеры Гвардии, Армии и Флота, как удостоенные производства в офицерский чин Высочайшими Приказами Государя Императора, так и позднейших выпусков и производств, состоявшихся после 1 марта 1917 г.

4. Офицер, зачисляемый в Корпус, должен удовлетворять требованиям, предъявляемым высокому званию офицера Российской Императорской Армии и Флота.

ГАРФ. Ф.5836.Он.1.Д.4.Л.518-520.

Устав Братства Донских казаков в Париже

У С Т А В

Братства Донских Казаков в Париже

(Основано 15-го марта 1925 г.)

Март - Апрель 1925 г.

I). Наз в а н и е.

Организация называется «Братство Донских Казаков» в Париже.

II). Ц е л и:

а). Поддержание между членами «Братства» нравственных начал и неразрывной связи и дружбы, во имя любви к Родному Краю и России.

б). Широкое оказание материальной помощи своим членам во всех возможных случаях.

III). Состав «Братства» и порядок зачисления в его члены:

а). Для возглавления «Братства» и руководства его делами инициативная группа избирает Старшего Начальника «Братства».

б). Членами «Братства» могут быть казаки всех казачьих войск.

в). В исключительных случаях в «Братство» могут быть приняты и лица неказачьего происхождения, но связанные с Казачеством своим прошлым, доказавшие ему свою преданность и принесшие ему пользу.

г). Прием в число членов «Братства» казаков производится очередным Общим собранием «Братства», по докладу Старшего Начальника «Братства» и по рекомендации 3-х членов «Братства».

д). Лица неказачьего сословия принимаются по постановлению Общего Собрания «Братства» при наличии в пользу избираемого не менее 3/4 голосов членов «Братства», присутствующих на общем собрании.

е). Основным условием для приема в состав «Братства» является добровольное согласие с основаниями, изложенными в Протоколе заседаний инициативной группы 15 и 29 марта 1925 г., и подчинение Уставу «Братства».

IV). Внутренняя организация и управление делами «Братства»:

а). Порядок и внутренняя жизнь «Братства» организуются применительно к основам Воинского Устава, о чем Старший Начальник «Братства», согласно постановлению инициативной группы, вводит с соответствующим ходатайством в Штаб Главнокомандующего Русской Армией.

б). Члены «Братства», уже состоящие в каких-либо воинских частях, по утверждении Главнокомандующим Русской Армией воинской организации в «Братстве», продолжают числиться в своих частях, состоя в то же время в прикомандировании к воинской организации «Братства».

в). Ежемесячно, не менее одного раза, «Братство» собирается. Эти собрания обязательны для всех его членов.

г). Знаком, объединяющим членов «Братства», установлено простое (стальное или железное) кольцо, внутри которого выгравированы: фамилия владельца, наименование «Братства» и даты, время и места его основания.

д). Управление делами «Братства» возлагается на Старшего Начальника и на лиц командного состава воинской организации «Братства».

V). Средства «Братства» составляют из:

а). единовременных, вступительных взносов, б). ежемесячных взносов, в). взносов, вызываемых чрезвычайными обстоятельствами, г). взносов, производимых на какую-либо надобность по желанию всего «Братства», д). добровольных пожертвований.

а). Размер единовременного - вступительного взноса - 50 франков от каждого (пятьдесят франков). Эти деньги должны быть внесены в кассу «Братства» или сразу, или в два приема (по 25 франков), в срок не более двух месяцев, со дня поступления в Братство. Суммы, образовавшиеся из этих взносов, считаются основным капиталом «Братства» и предназначаются для оказания помощи исключительно при несчастных случаях с кем-либо из членов «Братства», как-то : увечье, тяжкое заболевание, операция, потеря трудоспособности, смерть. Расходуются эти суммы по постановлению Общего собрания «Братства», экстренно собираемого.

б). Размер ежемесячного взноса с каждого члена «Братства» определен в пять (5) франков. Взнос этих денег в кассу начинается со дня вступления в «Братство». Суммы, образовавшиеся из этих взносов, предназначаются на текущие надобности, как-то : на содержание канцелярии, для оплаты расходов лиц, обслуживающих «Братство», и на оказание временной поддержки выдаю-

щимся в ней членам «Братства», в виде краткосрочной ссуды. Временная ссуда выдается за поручительством и материальной ответственностью двух членов «Братства». Расходом этих денег ведает Старший Начальник «Братства» и периодически дает сведения об их расходе поверочной комиссии.

в,г). Суммы, образовавшиеся из взносов, указанных в п.п. в и г., предназначаются и расходуются по их прямому назначению, по постановлению большинства голосов Общего Собрания Братства.

д). Пожертвованные суммы причисляются к Основному Капиталу. По истечении года остатки от сумм различных категорий, по постановлению Общего Собрания, зачисляются в основной капитал или получают какое-либо другое определенное назначение. Касса «Братства» хранится у Старшего Начальника.

VI). Ревизионная (поверочная) комиссия.

Ревизионная комиссия набирается Общим собранием «Братства» в составе трех членов, сроком на один год. На обязанности ревизионной комиссии лежит ревизия всех денежных сумм и финансовых предприятий «Братства». Свои заключения Комиссия периодически докладывает Старшему Начальнику и Общему Собранию «Братства», но не менее трех раз в год, т.е. через каждые 4 месяца.

VII). Суд чести.

«Братство» из состава своих членов выбирает четырех в Суд чести - на один год.

Председательствует в Суде чести Старший Начальник «Братства» или член «Братства» по его назначению (может быть и не из состава Суда чести).

Суд чести в своих суждениях и решениях руководствуется правилами, изложенными в Уставе Дисциплинарном, имея в виду в каждом отдельном случае особенности современных условий жизни и обстановки.

Дополнением к настоящему уставу «Братства» является Протокол Заседаний Инициативной группы 15 и 29 марта 1925 г.

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 17. Л. 4, 5, 6.

Документ 7

Положение и устав Военно-Морского Союза (ВМС)

ВОЕННО-МОРСКОЙ СОЮЗ

29, rue de Colisee, Paris 8, tel. Elisees 07 - 55

Прием по вторникам и пятницам от 21 - 23 час.

Председатель Союза Вице-Адмирал Мих. Александрович Кедров. Заведующий Распорядительной частью Кап. 1 р. Дм. Дм. Тыртов. Помощник Зав. Расп. части, лейтенант Ив. Валерьевич Галанин. Казначей лейт. Алексей А-еевич Соколов.

Помощник казначея Кор. Гард. И. Белавенец. Завед. С. сберг. кассой Инж. Мех. Ст. Лейт. Вас. Вал. Бердяев.

Помощник Зав. с. с. кассой мичман Вл. Чехурский.

ОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО СОЮЗА

От Председателя Военно-Морского Союза

В связи с обсуждением вопроса, в военно-морских кругах об образовании зарубежного объединения кают-компаний, ко мне стали поступать письма и личные просьбы довольно многочисленных морских офицеров (более 150 офицеров и корабельн. гардемарин) об объединении их на началах дисциплины в Военно-Морской Союз.

Опасаясь создать рознь во взглядах при обсуждении Зарубежного Объединения, я не давал хода этим ходатайствам до образования этого Объединения.

Теперь, когда такое состоялось, я считаю своим долгом пойти навстречу столь похвальному желанию морских офицеров.

Объединиться в организацию с так дорогой всем нам идеологией офицера и воина, и принять председательствование над Военно-Морским Союзом, устав коего при сем прилагается.

Временно подразделяю Союз на 11 групп по числу одиннадцати объединений, вошедших пока в союз, и председателей объединений утверждаю председателями групп. Нумерация групп и список членов по группам будет объявлен по Союзу дополнительно.

Заведующим Распорядительной Частью назначается Капитан 1 ранга Тыртов, его помощником - Лейтенант Галанин.

Новым организациям, желающим вступить в В.-М. Союз, надлежит обращаться к Председателю В.-М. Союза - 13, rue des Perchamps Auteuil VI, Paris - отдельным же офицерам к Завед. Распоряд. частью или к его помощн. - М-г J.Galanine, 25, rue Bosquet, Paris VII - для доклада председателю и последующего зачисления в группу, согласно желанию вступающего.

Распоряжения общего характера и не имеющие срочности, будут объявляться в журнале «Часовой», любезно предоставившем В.-М. Союзу место на своих страницах.

Председатель В.-М. Союза

Вице-Адмирал КЕДРОВ.
3-Х.1929. Париж.

ПОРЯДОК ЗАЧИСЛЕНИЯ

Предлагаю принять нижеследующий порядок зачисления отдельных лиц в В.-М. Союз:

Кандидаты в члены В.-М. Союза представляются не менее как 2-я членами Союза на имя председателя их группы на одобрение и дальнейшего представления последним на имя председателя В.-М. С., для зачисления их в Союз.

Подписал
Верно:

Вице-Адмирал КЕДРОВ
Зав. Распорядит. Частью Капитан 1 ранга ТЫРТОВ

УСТАВ ВОЕННО-МОРСКОГО СОЮЗА

1). Военно-Морской Союз есть Объединение морских офицеров на началах дисциплины, духовного единения и подчинения своим начальникам. Председателем Союза является последний Командующий Флотом Вице-Адмирал М.А.Кедров.

2). Цель Союза: а). объединение и сохранение личного состава для создания будущего флота; б). поддержание тесной связи и единения с нашими братьями по духу - Обще-Воинским Союзом.

3). Членами Союза могут состоять: а). офицеры Флота и Морского Ведомства, корабельные гардемарины и гардемарины; б). сухопутные офицеры, служившие на судах военного флота во время Великой войны и Белого движения; в). офицеры торгового флота; г). охотники флота.

4). Офицеры объединяются в группы по месту своего нахождения.

5). Председатели групп утверждаются председателем Союза.

6). При Союзе организуется, согласно традициям Флота, выборный Суд Чести.

7). В целях единения со старшими Членами Морской Семьи, равно как и с теми, которые по тем или другим причинам не могут вступить в Союз, офицеры Союза продолжают оставаться членами местных Кают-Компаний, касс взаимопомощи и т.п. и, таким образом, и членами Зарубежного Объединения.

Зав. Распорядит. Частью Капитан 1 ранга ТЫРТОВ

ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Для членов Союза во Франции организуется при Союзе Ссудо-сберегательная касса на следующих основаниях: Каждый член Союза вносит ежемесячно не менее 10 франков на свой личный счет при Союзе. Из этих взносов составляется капитал, из которого будут выдаваться ссуды в размере утроенной суммы вклада данного члена Союза при непременном обязательстве погашения ссуды в 6 месяцев. Вклад является собственностью данного члена Союза и возвращается ему на руки в случае выхода из Союза. Отчетность кассы будет периодически проверяться ревизионной комиссией из представителей групп Союза. С подробными правилами ссудосберегательной кассы можно ознакомиться у заведующего кассой. Временно, взносы в кассу производятся на текущий почтовый счет казначая Союза (1390.75).

Подписал

Вице-Адмирал КЕДРОВ

СУД ЧЕСТИ

Предлагаю членам Союза, находящимся в Париже, произвести выборы по группам, на основании параграфа 6 устава, кандидатов в члены суда чести Союза. Выбранным кандидатам надлежит собраться до 1 марта 1930 года для избрания из своей среды 5-ти членов Суда Чести. Иного-

родним группам Союза надлежит иметь свои местные суды чести, коим и решать дела, касающиеся их группы, на местах.

Правила ведения дел в судах чести будут объявлены дополнительно.

Подписал

Вице-Адмирал Кедров.

ПОЛОЖЕНИЕ О СУДАХ ЧЕСТИ ВОЕННО-МОРСКОГО СОЮЗА

(Приказ №35 от 20 февраля 1930 г.)

§ 1. Суды чести рассматривают дела о поступках не совместимых с понятием о чести чинов В. М. Союза и об оскорблении и столкновениях в среде В. М. Союза. § 2. Суды чести состоят из 5 членов В. М. Союза (и не менее 3-х), выбираемых на 2 года на основании § 6 устава В. М. Союза. Одновременно избираются сверх того 2 кандидата. В число членов суда чести входит обязательно один штаб-офицер. Суду чести подведомственны также гардемарины и офицеры торгового флота. § 3. Для лиц в Адмиральских, Генеральских и Штаб-офицерских чинах по приказу Председателя В. М. Союза избирается каждый раз особый состав Суда Чести из лиц соответствующего чина. § 4. Председатель Суда Чести является старший в чине. В случае выхода или болезни кого-либо из судей таковой заменяется кандидатом. § 5. Дознание по делу производится по назначению Председателя В. М. Союза или Председателя местного отдела или группы Союза одним из председателей групп или кандидатом в Суд Чести. § 6. При производстве дознания, показания прочитываются тем лицам, коими они сделаны, исправляются по их указаниям и подписываются ими. § 7. По рассмотрении дознания в случае решения приступить к суждению обвиняемого, дознание передается Председателем В. М. Союза или Председателем местного отдела или группы Союза, Председателю Суда Чести. Дознание в таком случае предъявляется обвиняемому, которому предоставляется право просить о вызове новых свидетелей и о вытребовании добавочных документов и справок. § 8. Заседание Суда Чести происходит при закрытых дверях. Разглашение дознания или обстоятельств Суда Чести не допускается. § 9. Постановление приговора Суда Чести производится как в суде Капитанов и К.-Компаний (ст. 198, 213, В. М. Д. У.) открытой баллотировкой, начиная с младшего. § 10. В случае неявки обвиняемого без уважительных причин дело рассматривается и в его отсутствие с постановлениями заочного приговора. § 11. Приговор может состоять: 1). В оправдании обвиняемого; 2). В желании примирения сторон; 3). В объявлении внушения и 4). В постановлении об исключении из В. М. Союза. § 12. Обжалование приговора Суда Чести не допускается, но в случае нарушения ведения дела Судом Чести, обвиняемый докладывает рапортом в 3-х дневный срок после объявления приговора Председателю В. М. Союза или Председателю местного отдела или группы с ходатайством о новом разборе дела. § 13. Приговор приводится в исполнение приказом Председателя В. М. Союза.

С подлинным верно :

Зав. Распорядит. частью Капитан I ранга ТЫРТОВ
Пом. Зав. Распорядит. частью Лейтенант ГАЛАНИН

ЧЛЕНСКИЕ КАРТОЧКИ И ЗНАЧОК СОЮЗА

(Объявление Распорядительной части В.-М. Союза)

Для членов В. М. С. установлена членская карточка за подписью Председателя В. М. Союза. Карточка того же образца, как и карточка Р. О. В. Союза (перекрещена по диагонали лентой национальных цветов), но в левом верхнем углу имеет изображение Андреевского Флага.

Председателям групп В.-М. Союза за карточками для членов их групп следует обратиться в Распорядительную часть Союза, препроводив точные списки членов для коих испрашивается карточка.

Значком Военно-Морского Союза для ношения в петлице установлено эмалевое изображение Андреевского Флага. Значки можно получать в Распорядит. ч. Союза или непосредственно у Кор. Гард. Афанасьева по цене 7 франков.

ГАРФ. Ф.5826.Он.1.Д.9.Л.17-19.

Публикацию подготовил Ершов В.Ф.

В СИБИРЬ И ОБРАТНО: СТРАНИЦЫ ИЗ «РУССКОГО ДНЕВНИКА»¹

1918 г.

15 мая. - Отъезд в Омск. На улице какое-то шествие. Две старушки с узлами направляются на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. В поезде обстановка иная. В вагоне-ресторане встречаю корреспондента «Иллюстраций» Вошера и сразу: слухи о Садуле², мнения о Толстом, новости о князе Юсупове...

16 мая. - Ярославль. Желавшие уехать лезут на вагоны и устраиваются на крыше. Выделяется крестьянского облика солдат, заросший русой бородой, ветер треплет его лихой чуб.

Поезд набит битком. Обещали пересадить пассажиров, чтобы освободить нам место. Начальник вокзала и его помощники, комиссар и матрос, безуспешно занимаются этим. Наконец, обнаружили целый вагон, занятый инженером, следующим по служебной надобности. Он охотно согласился нас принять. Обменялись несколькими фразами.

«Ситуация безвыходная, - считает он. - Скоро в Петрограде будет голодовка. Но через некоторое время все наладится». - «Почему?» - «Через две-три недели у нас будет другое правительство. Великий князь Николай Николаевич в Петрограде. Сначала он договорится с немцами, примет все их условия, чтобы сформировать армию. Потом он от них отделается. На железных дорогах уже есть стрелки: по тысяче на каждом направлении. Обещали в случае беспорядков в Москве выступить против большевиков».

Я сказал, что думаю обо всем этом, и мы выпили чаю.

На станции Данилов, на платформе, висела афиша Народного университета, которая объявляла доклад «О гигиене».

Вологда. Вокзал полон солдат. В спецвагоне представляюсь послу, вот уж змея, которую пригрела Россия³. По-моему он занят студенческими воспоминаниями, добыванием тары, ее маркировкой, запасанием сахара. Доказательство коварства большевиков: «Ленин только и делает, что лавирует». Этот Нуланс в своей дорожной кепке точь-в-точь гигант политики в масштабе тухлой лужи.

На вокзале спят люди вповалку на своих бесформенных узлах. Есть пленные австрийцы. Посещение театра с посольскими секретарями. Ужин без изысков.

17 мая. - Извозчик за проезд в город: «20 рублей, барин!». После торга, спасибо конкуренции, даю 7 рублей: «Ладно, товарищ!».

На рынке милиционеры - иные на вид подростки лет пятнадцати - гоняют торговков. Некоторые с кружевами - вологодские славятся. Возмущаются: «Евреям - пожалуйста торгуй, а русских зажимают!». Пленные немцы и сербы приветствуют по-воински.

У посла. Майор Гине⁴, которому я подчинен, рассказывает, как солдаты русской бригады во Франции захватывали дома⁵. Посол подпрыгивает: «Это ужасно! Будь я тамошним мэром, я бы действовал по закону Линча!». Господин Дульсе⁶: «И было бы справедливо!». Мадам Нуланс при упоминании о пьяном русском офицере, заявляет: «Все они одной породы!». Между тем, Гине рассказывает о подвиге одного русского во Франции: трубач, оповещая о газовой атаке, трубил, пока не пал. «Должно быть француз, а не русский» - протестует посол. Ему говорят - русский, а он не верит.

Посол уверен, что японцы высадутся во Владивостоке, он доволен. Он требует к этому четыре-пять тысяч человек из Франции для десанта в Мурманске и Архангельске.

Мне кажется, политика делается отнюдь не в этом городе, несмотря на наличие «Дома советской книги».

Лейтенант Пьер Паскаль.
Фото 1916 г., Москва.

18 мая. - Отъезд из Вологды в 10 часов вместо трех часов утра, как было предусмотрено. Локомотив кочегарят дровами. Кругом леса, сосны и березы, бесконечные леса - русские просторы. Вдруг на горизонте, как море, Галичское озеро.

Наш эскорт (6 солдат спецформирования, приданного железным дорогам, того самого, о котором говорил инженер) вполне дружелюбен. Вероятный начальник, если среди них есть таковой, красивый брюнет, наверняка бывший жандарм, заигрывает на остановках с торговками, которые предлагают папиросы, колбасу, хлеб и т. д.... Цены падают по мере продвижения на восток. Нынче вечером ржаной хлеб был по 1,50 рубля фунт: «Едем к хлебу» - сказал наш чернявый красавчик.

Другой делится боевыми воспоминаниями. «Как жаль, что в июне нас не поддержали! Нам бы пушек, минометов... Музыкантов наполовину выбило. Среди них было много евреев...». Разговаривают о политике: «Теперь будет Конституция». - «Нет, новая власть - вот и все, что нужно», - ответил Алешин. Это малый попроще, русоволосый, круглоголовый. Он не воевал, о чем другие ему постоянно напоминают. На остановке один из них за-

щищает наш вагон от осаждающих: «Чего орать-то? Ты, скотина, ты, старый черт...». - «А сами-то, вы хуже зверья».

Вошер рассказывает, что в окрестностях Ясной Поляны его приняли за возвратившегося в имение бывшего помещика, и едва не разорвали. Извозчики отказывались его везти. Стало быть, крестьяне боятся возвращения хозяев, но отнюдь не отказываются от захваченной земли.

19 мая. - 3 часа, станция Котельнич. На вокзале большой плакат: «Да здравствует социализм!». Позднее Вятка. Зарудский, один из сопровождающих, заявляет людям, которые хотят войти, что этот вагон посольский. Боец не лишен поэтической жилки: он чувствителен к красоте лесов и рек. В общении легок и обходителен. О лесах сожалеет: плохо, слишком безалаберно используются. Но не единого слова о политике. Алешин, напротив, заявляет: «Нам бы создать свою партию, стали бы народными комиссарами».

После Зуевки - три вагона на Петроград, из которых бутылками водки подают знаки пленные австрияки.

В Фаленках один солдат вскричал, я не уловил, по какому поводу: «Да не было ничего у попа! Не дал Бог!». Стало прохладнее, идет дождь. Я замечаю: «Будет не так пыльно». - «Это не по нашей части, земли у нас нет, но все равно, дождь - это к добру». На станциях празднично: воскресенье.

Вот и Глазов. Несколько пленных немцев, вполне обрусевших на вид. Пара-тройка русобородых крестьян в пояровых шляпах ошалело воззрились на нашего майора, который вышел прогуляться по перрону в пилотке. Полно народу. Бедная женщина, чтобы перебраться с одной платформы на другую, пролезает под вагонами, толкая перед собой огромный узел, затем возвращается, протаскивая двоих детей тем же путем.

«Кондуктора» при десятке вагонов едут в Сибирь за мукой для путейцев. Все сосны, да сосны, стройные, как свечи. На остановке какой-то крестьянин спрашивает: «Товарищ, нет ли табачку?». В этих местах его не хватает.

Пермь. 9:30 вечера. Поезд пересекает Каму, реку внушительной ширины. Видел майора Бояра⁷. У него трудности в работе, поскольку нет разрешения Троцкого. Здешний совет очень силен, однако, как следствие, возникает возмущение по поводу регламентации торговли: крестьянам запрещено торговать вне рынков. Объявлено осадное положение. Архиерей ведет «кантибольшевистскую агитацию» с амвона в воскресенье: он разоблачает шпионов, засланных в среду верующих, чтобы его слушать. Арестовать его не решаются, так как он имеет большое влияние.

В залах ожидания третьего класса бедняки целыми семьями расселись на своих узлах: но есть красный угол с иконами, где горят лампы и свечи. Тут же беженец из Гельсингфорса с детьми и узлами. Вокруг вокзала на вольном воздухе те же спящие крестьяне и узлы. Майор Бояр сообщает о появлении в Перми некой француженки, мадам Девиль, которая поддерживает отношения только с немцами и распускает пессимистические слухи о Франции.

Покидаем Пермь к 11 часам. Зарудский объявляет, что Пермь - городишко ни к черту, поскольку ему пришлось искать комиссара вокзала, чтобы получить хлеб. Рядом с нашим поездом был вагон первого класса под охраной двадцати человек, в большинстве бывших офицеров. В вагоне расположился путейский инспектор, наделенный большими деньгами. Эти офицеры рассказывали нашим людям, что в Петрограде гвардейские полки разоружены не полностью, и не признают Смольный. Они уповают на Учредительное собрание. Через несколько дней что-то произойдет. 17-го там были волнения.

Солдат с вокзала спросил Зарудского, не красноармеец ли он, а ему «демобилизованному, безработному, безземельному, что делать? Вступить в Красную армию?» Зарудскому же начхать на Красную армию, он солдат железнодорожных войск.

От Вологды сплошные леса. Местами скудные луга или пашни, снег не совсем стаял.

20 мая. - Мы в предгорьях Урала. Все те же сосны. Наши хвастают подснежниками. Здесь и там пашут.

Зарудский не расстается с саблей, которой в Петрограде, в ночном карауле убил собаку. Блеск на ней он наводит усердно, как старый солдат, которому из-за войны пришлось остаться на сверхсрочную. Он показывает мне место, откуда вытравил императорский вензель. Ремень сохранился со времен Николая, но он его сменит. Он дал мне почитать известный рассказ Ремизова⁸, где речь идет о предвидении. С утра наши люди играли в карты, недолго и, по-моему, не на деньги.

К двум часам прибыли в Екатеринбург. Круг по городу. Отправил шифрованную телеграмму, принимаю, думаю, по оплошности телеграфиста. Масса австрийских и даже немецких пленных: нас часто с ними путают. Видный русобородый мужчина, глядя прямо в глаза, спросил: «Интересно узнать, из какого государства вы будете?» - «Французы». - «Союзники, значит?» - «Да». - И степенно отправился дальше.

Город, в сущности, деревня. Несколько заводов. Много китайцев, солдат, рабочих. Никакой роскоши, буржуазии, ресторанов. Кинотеатры.

Наш поезд должен был уходить в 4 часа или даже позже. Приезжаем на вокзал: ушел в 3 часа 48 минут. Значит, снова слоняться по городу. Я развлекался лузганьем семечек, как здесь принято всеми и повсеместно. Наконец, мы снова на вокзале. Ждем у начальника станции поезд, который должен прибыть с 5-6-ти часовым опозданием. Я заметил, что сообщения, объявления или вывески выполнены в новой упрощенной орфографии. Обедаем в буфете.

Визит к чехам, обитающим в специально оборудованном вагоне: они как раз готовили пищу. Эшелоны сибирского направления должны начать проходить здесь с 21-го числа. Пятнадцать эшелонов уже ждут в Челябинске. Там у них были стычки с советами: как бы не пролилась кровь...

Вот он порог Азии. Множество полурусских-полуазиатских физиономий. Залитая солнцем привокзальная площадь напоминает Самарканд. Между тем, я отметил в городе рабочие библиотеки, а на вокзале - вагон-библиотеку. Купил уральских камней в магазине, который не закрывается после четырех часов, так как он совмещен с квартирой. Купец жалуется на реквизицию золота, на обесцененные керенки и т. п. На вокзале служащие бьются, чтобы в общем беспорядке достать того или сего, иронизируют: «Ах, это, это от нашей организованности... такое бывает только в России».

В 11 часов вечера весь вокзал, зал ожидания, буфет, коридор переполнены телами гнездящихся на ночлег. Люди спят друг на друге, на узлах, столах и лестницах; крестьяне, солдаты, гимназисты - неисчислимое племя «товарищей». Платформы заплываны подсолнечной шелухой. Слово «товарищ» более распространено здесь, в провинции, нежели в Москве. К нам его применяют постоянно. Подошел юноша, горящий желанием поговорить по-французски: два года назад они с сестрой вернулись из Франции. Это она сообщила ему, что здесь объявились «два французских генерала». Брат с сестрой фабрикут гуталин.

После Перми у меня сохранился только перечень пройденных этапов:*

22 мая вечером. - Прибытие в Омск.

23 мая. - Переговоры с чешским командованием. Вечер у Холоповых⁹.

* Здесь и далее курсивом выделены позднейшие, недневникового характера вставки П.Паскаля.

24-е, вечер. - Отъезд из Омска.

26-е, 6 часов утра. - Прибытие в Петропавловск.

29-е. - В совете; разговор по прямому проводу с Омском.

30-е, 16 часов. - Отъезд из Петропавловска в Ишим.

31-е, 8 часов. - Отъезд из Ишима.

17 часов. - Прибытие в Омск.

1 июня, час ночи. - Отъезд в Исилькуль. Вечером обратно.

2-е, 3 часа ночи. - Отъезд из Омска.

4-е, час ночи. - Прибытие в Челябинск.

5-е, 14 часов. - Отъезд из Челябинска.

6-е, 3 часа ночи. - Прибытие в Екатеринбург.

8 часов вечера. - Отъезд из Екатеринбургa.

7-е, 6 часов вечера. - Прибытие в Пермь и обратно в Екатеринбург.

8-е, 7 утра. - Прибытие в Екатеринбург. Военный комиссар.

9-е, воскресенье вечером. - Телеграмма в Москву во ФРАМИС¹⁰.

22-е. - Отъезд из Екатеринбургa.

В дальнейшем, с текстом моего письма Марселю Мартине от 30 мая 1920 г. мы еще вернемся к событиям этих дней вплоть до 4 июня¹¹. А вот что я считаю нужным добавить по памяти.

От Омска запомнились только широкие улицы, приземистые дома и унылое заведение, что-то вроде гостиницы-кафе-ресторана с банкетками из «чертовой кожи». Встречи с чехами проходили не просто: я был не слишком осведомлен об инструкциях, которые имел майор Гине. Сам я знал одно - чехи должны быть как можно скорее направлены в Архангельск. Однако, не переставая жаловаться, что советские власти чинят проволочки (разумеется, в угоду немцам) они явно были более склонны включиться в активную борьбу с этими властями здесь, нежели грузиться на корабли. На наши слова о том, что это не их задача, они возражали ссылками на прямо противоположные указания посла Нуланса. К моменту нашего прибытия их мятеж против советского правительства был уже в разгаре, что, как мне показалось, не было предусмотрено генералом Лавернем¹².

Добираясь из Петропавловска в Ишим грузовиком по старому почтовому тракту, мы остановились в селе, через которое прошли чехи; они повесили членов совета, изъяли продовольствие и сахар. Как ответственных в некоторой степени за этих чехов, нас приняли очень плохо, задержали на несколько часов и допросили с пристрастием. Впрочем, чешское начальство совершенно не скрывало своего желания очистить страну от советов и большевизма. Оно становилось мне отвратительным.

Что касается местного колорита, как сейчас вижу киргизов, раскинувших свои шатры из шкур к югу от Петропавловска, их стада и пустыню до горизонта. Вижу Ишим, малый приток Оби. Широкий как сама река, пыльный тракт и привольные просторы. Чувствуешь себя словно пыль на ветру: Средняя Азия.

О поездке Петропавловск - Ишим в письме матери, написанном на следующий день после возвращения в Москву, я обнаруживаю следующие заметки:

«160 верст в грузовом автомобиле по самой, что ни на есть Сибири - прекраснейший момент всего моего путешествия: подлинная экспедиция, паромная переправа через реку, пробег по селам, где народ вздымал руки в небо при виде такого чуда техники, ночевка в хлебосольном доме, который запросто, без предупреждения обогрел 10 человек... Кажется, я загорел под азиатским солнцем как когда-то в Дарданеллах...».

Но оставалось ощущение, что меня обманули. Я не хотел делить ответственность за чешское восстание и решил как можно скорее вернуться в Москву, «чтобы доложить генералу о новом повороте событий». Майор Гине не возражал.

Наконец 5 июня я оставил этого майора в Челябинске. Вместе со мной в поезд сел чешский офицер, облеченный неизвестно каким заданием. Вскоре после Челябинска дела пошли хуже. В наше куте явился командир Красной армии. Задал несколько вопросов, написал ответы и удалился без каких-либо выводов. Но одно было ясно: есть два враждебных лагеря, мы по наивности оказались в зоне действия Красной армии и, как следствие, в плену.

По прибытии в Екатеринбург наш вагон оставили без явной охраны, так что я мог под вечер пойти к начальнику станции и потребовать прицепить вагон к ближайшему поезду на Москву. Французский мундир сделал свое дело, и в тот же вечер мы со спутником продолжили наш вояж. На следующий день были в Перми, но у меня возникло впечатление, что арест

странным образом продолжается. Органы нас уже искали и без труда нашли, но на сей раз, мы удостоились особого курьерского поезда, который в одну ночь доставил нас обратно в Екатеринбург.

Тут нас развели по разным купе и приставили вооруженных часовых по обе стороны вагона. Тем не менее, я мог выходить, если было сопровождение, и таким образом мне удалось в воскресенье 9 июня отправить в военную миссию в Москву следующую телеграмму (на русском языке):

ФРАМИС МОСКВА

ПРИБЫЛ 7 ИЮНЯ ПЕРМЬ ОТКУДА ПЕРЕВЕДЕН ЕКАТЕРИНБУРГ ЯКОБЫ ПРИКАЗОМ ТРОЦКОГО - ТЧК - ЗДЕСЬ СОДЕРЖАТ ВАГОНЕ - ТЧК - ЗАПРОСИТЕ ОБЪЯСНЕНИЙ ТРЕБУЙТЕ НЕ-МЕДЛЕННОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ ПУТИ ВОЛОГДУ - МОСКВУ - ТЧК - ВМЕСТЕ СО МНОЙ ТРЕБУЕТ ПРОПУСКА ЧЕШСКИЙ ДЕЛЕГАТ В СМЕШАННУЮ КОМИССИЮ ИЗ ЧЕЛЯБИНСКА - ТЧК

ПАСКАЛЬ

Екатеринбург являлся местом пребывания Областного совета, который руководил практически всем Уралом без особых консультаций с Москвой. Меня несколько раз вызывали в его резиденцию для строгих допросов. Подозревали, что я был направлен в Омск французской миссией в Москве для содействия чешскому восстанию, что, впрочем, нет худа без добра, можно было проверить. Положение мое осложнялось невозможностью сказать, что я, напротив, симпатизирую советам, а не чехам. Статус не позволял, более того - мне бы не поверили. В силу этого я ограничился утверждением, что мои инструкции никак не предусматривали чешского восстания, и уже по этой причине я решил не связываться в события и вернуться в Москву. Чистая правда, но поверить в нее было непросто. Я рассчитывал выпутаться, только если Садуль и генерал Лавернь добьются прямых указаний Троцкого.

Между тем моя повседневная жизнь в свободное от допросов время протекала отчасти в наблюдениях за перемещениями на вокзале Екатеринбург. Я имел право ходить обедать в город в сопровождении одного из охранников. Время, вероятно, не ограничивалось, поскольку мы неспешно расхаживали по этому много более городскому городу, чем Омск. Дважды в день ходили в кино, катались на лодке по озеру, прохладжались в лесу.

Я приглашал охранника, и мы вместе довольно сносно питались в ресторане. Запомнился один, где играл маленький оркестр: скрипачом был чех, но в штатском и без конвоя. Мой солдат, Егор, любя музыку, познакомился с ним и звал дружески Васей. Уж не в ресторане ли я читал газету? Во всяком случае, в моей записной книжке сохранилось шесть строчек текста из «Уральского набата» № 6 от 9 июня 1918 года:

«Пролетариат и крестьянство - вот труженник, который веками нес свое тяжкое бремя, как Христос свой крест на Голгофу. Раб монарха, попа, помещика, заводчика, он, наконец, восстал против всех, кто жил за его счет».

«Набат» был газетой анархистов.

Каждый день мы ходили мимо белого дома Ипатьева, места заключения императорской фамилии. Это был довольно симпатичный с виду особняк одного инженера, реквизированный и обнесенный высоким и крепким палисадом. Внешней охраны не было видно. Прохожие, казалось, не уделяли никакого особого внимания внезапно возникшей посреди города тюрьме.

Егор Егоров

В те дни мы с Егором прониклись доверием друг к другу. Мало помалу он поведал мне историю своей молодой жизни и, в конце концов, перешел на «ты».

Не знаю, перевалил ли он за 20 лет, но его несладкое лицо было отмечено превратностями судьбы. Однако, при грубых чертах лица глаза сияли живостью. Невысокий, в замасленной блузе и заношенной фуражке с эмблемой путейца: молоток, скрещенный с другим, уже не знаю каким инструментом, потому, что служил он в железнодорожных войсках.

Вот заметки, сделанные мной 9-го и с 10-го по 21 июня на основе, естественно, сумбурных рассказов Егора. Начиналось с военных воспоминаний, потом пошла впечатления о временах более далеких.

9 июня. - Ушел добровольцем, не достигнув призывного возраста. Был девять раз ранен. У него рубец на ухе. О своих похождениях может рассказывать бесконечно: побывал и пулеметчиком, и телефонистом, и гренадером; чудом пощадившие снаряды, разорвавшаяся в руках винтовка и страх перед наказанием; преступления старого режима: «Нас продали». Способных людей, предлагавших ставить мины перед позициями противника или изобретавших полезные приспособления, либо отсылали, либо арестовывали. Офицеры забавлялись с сестрами мило-

сердя вместо того, чтобы позаботиться о рытье траншей. Николай Николаевич не мог быть повсюду, но, по крайней мере, отправлял сестер в тыл. Брусилов был изменником... (Здесь я протестую, он не настаивает: «Ну ладно, будь по-твоему»).

В 1916 году на Пасху сошлись с австрийцами между траншеями, обменялись подарками - хлебом, у нас его было тогда по 3 фунта. Унтер-офицер после этого выстроил взвод: «Мы все причисляем себя к христианам и бьемся между собой! Зачем? На Руси земли хватает. С меня довольно - навоевался». Тут он воткнул штык в землю со словами: «Казните или милуйте - мне все едино», - и ну рыдать.

С непостижимой легкостью Егор перескакивает от одного сюжета к другому, я с трудом поспеваю за ним. Сегодня он рассказывает, как бывало, куролесил.

В 1915 г. в увольнении напился он коньяку. Взводный сделал замечание, обозвал молокосом. Задетый за живое, он хватается винтовку и стреляет. Раненный в грудь обидчик кричит: «Арестовать такого - сякого!» Он отпирается. Угрожает подоспевшему командиру роты, его связывают. Дело дошло до военно-полевого суда: он был помилован как действовавший в пьяном беспамятстве.

Однажды, будучи в учебном взводе, он ответил кулаком на замечания унтер-офицера, парня не промах, который, в свою очередь, отделал его на славу. За неповиновение схлопотал он 5 лет каторжных работ. Но вскоре умудрился смыться из-под пуль четверых стражников. Добрался в Москву к знакомцу-домовладельцу: «Мне вклепили пятак. Куда теперь податься?». Тот взял его кочегаром в котельную - два месяца приятной жизни! Да только не мог он забыть о товарищах своих на фронте. Двинул обратно и, к общему изумлению, явился в свой полк. Ротный сначала в крик: «Я тебя под расстрел подведу!» - «А я смоюсь раньше». (Он предусмотрительно обзавелся револьвером). Дело кончилось обычной канцелярской формулой: «Егор Егоров прибыл в полк».

Родился он в Тульской губернии, безотцовщиной. И куда только не носило его, и в Москву и в иные места. Как оказался он в крупнейшем сиротском приюте? Познал знаменитый притон бродяг «Хитров рынок», этот московский Двор чудес¹³, где кишит и сбраживается порода пропойц, жуликов, уголовников, всякого рода неблагонадежных или же просто безработных и беспаспортных. (Однажды он выудил в этой клоаке брата, горького пьяницу, нашел ему место в «номерах»). Поработал он и на фабрике. Жизнь была не сахар: то жар, то стужа, кожа на руках лопалась. Попробовал раз бросить работу, хозяин спустил с него штаны и выпорол, пришлось снова браться за дело. Лекарь находил у него туберкулез - ерунда. Не довелось расти нормально, по-людски.

В 12 лет он едва умел читать по слогам. На улице суют ему прокламацию, он и не понял, что к чему, но зоркий городской тащит в участок. В участок вообще таскали ни за что: толкнешь, например, даму походя; или сидишь в трамвае, а приличная дама требует: «Встань!». Она, может, всю жизнь только и делает, что спит, а ты - повинуйся, и тем хуже, ежели устал. Он говорит обо всем этом, считая подобное несправедливостью, но без гнева, скорее со смирением. И делает вывод: «Война меня спасла».

Теперь он хотел бы побродить по белу свету. Бывал на Кавказе и Украине. Один год он семь месяцев отработал в Киеве в вагоностроительных мастерских слесарем. Что за прелесть эти вагоны-рестораны с их зеркальными стеклами, создающими иллюзию близости к природе, с их холодильниками под полом! Он хотел бы поехать в Америку не ради заработков, а посмотреть, потом во Францию и Англию: Лондон - самый большой город мира! Он расспрашивает меня о характере французов: вспыльчивые, чуть что - хватаются за нож? Я отвечаю, что он путает. Он говорит: «Русак - добряк. В России можно строить коммунизм - русак всегда готов поделиться всем, что имеет».

Его эстетические вкусы - состав из новеньких вагонов третьего класса - это великолепно! Одесса, Рига, море, простор - вот что заставляет биться сердце. Или еще в тульской глуши - пруд или бассейн с золотыми рыбками - вот красота! Он рассказывает мне о танцах, вальсах, польках и кадрилиях. В деревнях танцуют не парами, а поодиночке. Он напевает. Его любопытство велико, как и его невежество. Говорит какую-то невнятицу об отношениях между Екатериной II и Вильгельмом: он хотел сказать Фридрихом.

10 - 21 июня. - По-прежнему екатеринбургский плен в компании с попутчиком-чехом. Мы с Егоровым каждый день гуляем, круг знакомств ширится. Вчера чуть не заплакал от мысли, что не только Егоров, но и весь русский народ, коего он частица, обретает святость через страдание.

Помощник начальника участка Боков только что побывал у нас. Этот пятидесятилетний полковник кавалерии раньше служил в погранохране. Тогда он получал солидные суммы, поскольку делил добычу с казной. Но потратил все (о чем рассказывает с необычным воодушевлением) на женщин, вино и карты. А сейчас за 400 рублей в месяц служит в железнодорожной

охране. Жена и дочери в Москве. Он купил им по вязальной машине, и они понемногу зарабатывают. В Екатеринбурге при нем сын, в качестве писаря. На всех они зарабатывают две тысячи рублей, и вся семья страдает от голода. Он жаждет «порядка». Бойтся за сына - гимназиста, только что уехавшего на Тагильский фронт, где рабочие как раз восстали против советов. Как бы не убили!

Вчера Боков прочел Егору мораль. «Потребуется века, чтобы Россия стала культурной. Нужно, чтобы умерли отцы, равно как и дети, после того, как попытаются воспитать собственных детей... Взять тебя, видно - тянешься к добру, к культуре, но не умеешь сдерживаться, не можешь быть хозяином самому себе.

Жарко, мы выпили чаю и - на тебе - ты снимаешь рубаху: не можешь сдержаться; я говорю, а ты, не дождавшись, пока я закончу, перебиваешь - нужно воспитывать в себе волю...».

И дальше в том же духе до бесконечности, беззлобно, с заметным удовольствием от роли наставника. Егоров оправдывается, что в школе пробыл только 3 месяца: родня отговаривала, а быть послушным тут было не трудно, настолько приятнее было пасти скот на свежем воздухе! Боков твердил, что свои действия следует просчитывать и взвешивать...

Мне думалось, что так можно воспитать французского мелкого буржуа, но не такое чистое сердце, как Егор, что гораздо более ценно, да и сам Боков жил отнюдь не так.

Егор сказал мне, когда Боков ушел: «Вам, наверное, смешно, а мне горько. Когда мне было набираться культуры, если приходилось пасти скот. Боков толкует о лениности: да русский крестьянин бездельничает три месяца, а остальное время спит вплопза. Если бы Иисус претерпел с мое в детстве, он бы этого не вынес».

Он говорит, непонятно как, приплетая идеи. «Люди - братья и однако убивают друг друга. Разве это по-братски? Я ничего не смыслил в политике, не знал, что такое «кадет» или меньшевик. Я узнал, что такое кадеты, когда один кадет хотел насадить меня на штык в Москве в феврале. Да я его без винта пустил кубарем - одной хорошей затрешиной. Что такое меньшевик, тоже узнаю, если он захочет меня убить».

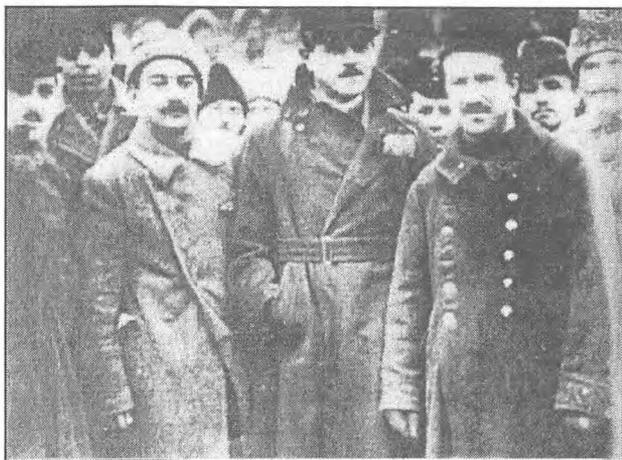
По-моему, Егор перепутал «кадета» - воспитанника военного училища с кадетами партии «конституционных демократов».

Он редко повторяется. С тех пор, как я его знаю, сказал только три раза, что ради правды и справедливости готов умереть. Он любит всех и не боится об этом говорить. Вместе с ним служит один поляк («никто его не любит, кроме меня»), которому он дал денег и башмаки. Тем не менее, тот бестолково поносит русский народ: и бескультурье, и всякое такое...

Когда у него что-то есть, он не скрывает. Вчера получил денежное содержание (с опозданием) за май и начало июня. Купил печатку мыла (5 руб.) и яиц. Еще хотел заплатить за меня в обед. К тому же, он - игрок.

Они все играют в карты в дни полочки (375 руб. за вычетом кормовых). Запросто могут выиграть или проиграть 150 руб. Егор должен 50 руб. товарищу, который уехал в Тагил; он волнуется, ему важно отдать долг. Это его лучший друг - Щербаков. Как-то вечером, засыпая, он сказал Константинову (я слышал это через перегородку): «Щербакова я люблю больше всех!», - и уснул на этом признании.

Вечером в кинематографе: на экране освобожденные революцией сибирские каторжане. Растроганный Егор, уткнувшись мне в плечо, плачет, не стыдясь слез. Цыганки, которых он называет сербиянками, не оставляют его равнодушным. Как завидит их, спрашивает: «Сербиянка?» И всегда оделяет (монеткой в 15 коп.).

Сотрудники Французской военной миссии в России.
Справа налево: Марсель Боди, Жак Садуль, Пьер Паскаль.
Фото 1918 г., Москва.

Он беспартийный. По-моему, он противник только эгоизма и всеобщей лжи. На фронте в начале революции его послали в патруль на вокзал - срывать погоны с офицеров: «Вот уж было истинное удовольствие! С прапора - это еще не то, а вот с капитана!» Другое удовольствие, поначалу, когда впервые назвал своего капитана «гражданин» вместо «ваше благородие». Сейчас, наоборот: с бывшими офицерами он ведет себя так, будто они еще офицеры. С насмешливой снисходительностью рассказывает, что начальник участка до сих пор носит в кармане капитанские погоны, как память. Он пеняет ему только на излишнюю резвость и всегдашнее: «А ну, давай энергичнее!» и то потому, что последнее слово иностранное и он не вполне понимает, что оно означает.

По Егору не видно, что он сомневается в огромных усилиях новой власти по воссозданию русского государства. Но он хочет справедливости, и он против новой буржуазии. Неожиданно заявляет: «Товарищи на позициях, а буржуи здесь забавляются!». Это было в тот день, когда отправляли отряд в Тагил. Заговорили об идее, приписываемой Коллонтай: истребить несколько десятков тысяч буржуев ради мира и спокойной жизни в добре и справедливости. Он наполовину шутливо заявляет: «Одобряю». Но, с другой стороны, по поводу немцев говорит: «Человек не свинья, ему можно втолковать разумное».

Рассуждает о полах: «Не знаю, как в других странах, а в Польше они делают свое дело. У нас же всюду позолота, все сверкает, и не знаешь - перед кем ты: перед ними или Боженькой». На шее у него всегда его крестильный крестик.

Егор - прожектор: получить образование, научиться играть на скрипке, попутешествовать, съездить в Америку. Читает книги, которые подвернутся под руку. У него есть тетрадь, в которую записывает понравившиеся стихи, целиком или отчасти. Туда и я вписал два стихотворения Есенина: «Товарищ» и «Певущий Зов». Там уже был «Демон» Лермонтова.

22 июня. - *Пришли из Совета с известием, что я волен следовать дальше. Выдали сертификат, любопытная редакция которого свидетельствует о смущении властей:*

*Всероссийская
чрезвычайная комиссия
по безопасности
на транспорте*

*Канцелярия
начальника дистанции
Екатеринбург - Пермь*

*22 июня 1918 г.
№ 594
Екатеринбург*

(круглая печать)

УДОСТОВЕРЕНИЕ

*Предъявитель настоящего удостоверения
действительно является членом
французской военной миссии
ПАСКАЛЕМ Пьером Карловичем,
следующим из г.Екатеринбурга, что и
подтверждается подписью и печатью
канцелярии.*

*Начальник дистанции: Слоним
Секретарь: Иванов*

Таким образом, я не являлся ни арестованным, ни освобожденным, а был просто «следующим из Екатеринбурга». Вот для чего требовалось формальное распоряжение Троцкого.

Егор признался мне, что хотел бы поехать в Москву, повидаться с матерью. Тогда я заявил, что нуждаюсь в охране, а так как повода для отказа уже не было, то Егора мне отдали без малейших затруднений. Отправились в тот же день.

Мы в Кунгуре и я пишу:

23 июня. - Здесь реквизируют 30 пудов зерна. Крестьяне причитают: «Я продал последнюю корову, детимрут с голоду. Господи, неужели ты не слышишь наших стонов». Кто-то из окружающих: «Скажи-ка, а ведь думали, что русские - добрые! Нет, хуже зверей!» Собирается толпа. Скидывают ранцы: это пленные австрийки, у них всегда такие за спиной. Молодой, высокий парень объявляет: «Они долго у власти не продержатся». - «Дождидайся, они и так лишка правят. Всю эту сволочь надо убивать как тварей. Вчера один чудак тащит изъятую муку, и, слышу, начальник вокзала кричит: «Неси ко мне!». Солдатам невоготу: грабеж крестьян - стал их работой».

Люди здесь считают, что никакое другое правительство так не поступало бы. Какое заблуждение! Но именно так ослабляют себя и падают правительства.

26 июня. - В Вологде. В буфете ко мне пристал матрос, побывавший во Франции, в Тулоне. Следует на фронт, к Берзину¹⁴ (Екатеринбург), он идет бить контру. Идеальный. Егоров внушает

ему, что нынче уже не «приглашают», как при Керенском, нынче отдают «приказ». От Франции у моряка осталось доброе впечатление, от Англии - плохое. По причине холодного приема, климата и богатства.

Ночь мы провели в одном из вагонов, занимаемых посольством. Само собой разумеется, Егор разместился в моем купе. На следующий день, когда я представился Нулансу, мне было сказано: «Рад видеть вас, но весьма недоволен тем, что вы позволили спать в моем поезде большевистскому комиссару». - «Он не комиссар и не большевик. Это просто безобидный солдат». - «Я не допускаю, чтобы русский, кто бы он ни был, спал в моем поезде!».

В Вологде ходит слух, что расстрелян император и вся его семья. Нуланс в это верит.

27 июня. - Прибытие в Москву. С легкой руки одного английского офицера ходил слух, что меня уже расстреляли.

---

¹ Паскаль Пьер (1890-1983) - крупнейший французский славист XX в. Переводчик «Жития» протопопа Аввакума, произведений Ф.М.Достоевского, Н.В.Гоголя, А.М.Ремизова... Автор фундаментальных исследований по истории и культуре России, в т.ч. «Аввакум и начала Раскола», «Достоевский. человек и творчество». «Русская религия». «Крестьянская цивилизация в России»...

О пребывании в России с 1916 по 1933 гг. оставил великолепный документ - «Русский дневник», четыре тома которого на языке оригинала вышли еще при жизни автора. Издание пятого тома (записи 1928-1933 гг.) до сих пор затягивается из-за проблем дешифровки.

Настоящая публикация представляет собой полный перевод главы из первого тома: Pascal P. Mon journal de Russie. A la mission militaire française, 1916-1918. -Lausanne: Ed. L'Age d'Homme, 1975. - P.286-299.

Предлагаемый фрагмент дневника застает автора буквально «на Рубиконе»: в октябре 1918 г. лейтенант Паскаль откажется выехать во Францию с персоналом военной миссии. В таком решении многое было от случая: не самый умный начальник, ставя вопрос ребром, демонстративно выложил револьвер на стол. «Не знаю, - пишет Паскаль, - чтобы я ответил, не будь этой попытки запугать...». Главное отнюдь не лейтенантская фронда, но и не соображения доктринально-идеологического, политического или религиозного (Паскаль был глубоко верующим католиком) порядка. П.Паскаля направляло его особое отношение к России и русскому народу. Особое и непостижимое. Что хотел сказать москвичом вечером 2 апреля 1918 г. Николай Бердяев своей поразительной констатацией, что Паскаль - человек «более русский, чем он [Бердяев]»?...

² Садуль Жак (1881-1956) - сотрудник Французской военной миссии в России. капитан. Слухи о переходе Садуля в большевизм распространялись по мере его контактов с Л.Д.Троцким, пытавшимся в марте 1918 г. опереться на содействие Французской военной миссии в деле формирования Красной армии.

³ Нуланс Жозеф (1864-1939) - в 1917-1918 гг. посол Франции в России.

⁴ Майор Гине - военный представитель Франции при чехословацком корпусе. Минувя Французскую военную миссию, подчинялся непосредственно вышестоящим инстанциям.

⁵ Имеются в виду события, связанные с восстанием русских бригад во Франции летом-осенью 1917 г.

⁶ Дульсе - советник посольства Франции.

⁷ Майор Бояр - сотрудник военного атташата посольства Франции. Отсутствие мандата от Л.Д.Троцкого объясняется дифференцированным отношением нового режима к различным структурам Французского представительства в России: холодное - к посольству, приятное - к военной миссии.

⁸ Ремизов А.М. (1877-1957) - русский писатель, которому предстояло эмигрировать во Францию.

⁹ С эсером Холоповым, учителем гимназии. П.Паскаль познакомился еще в августе 1917 г. в Петрограде.

¹⁰ ФРАМИС - Французская (военная) миссия, устойчивая аббревиатура тех лет.

¹¹ См. следующий том «Русского дневника»: Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie, 1918-1921. -Lausanne, 1977.

¹² Генерал Лавернь - в 1916-1918 гг. глава Французской военной миссии в России, подчинялся военному атташе посольства Франции. Судя по записи от 14 мая 1918 г., напугавшая П.Паскаля, генерал сказал буквально следующее: «Речь идет о том, чтобы навестить к чехам. Приятное путешествие, интересное задание. Чехи ни за что на свете не желают сражаться в России, они хотят как можно скорее выехать. И боятся, что Франция их бросит: так давайте их навестим».

¹³ Двор чудес - квартал в средневековом Париже. служивший притоном нищих, бездомных. воров.

¹⁴ Берзин (Берзиньш) Р.И. (1888-1939) - командир латышских стрелков.

**Перевод с французского Бабинцева В.А. и Даниловой О.С.
Публикация подготовлена Бабинцевым В.А.**

КОЛЛЕКЦИЯ ЛИСТОВОК, ИЗДАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ (1917-1920 гг.), В ФОНДАХ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Создание научной истории первых послереволюционных лет требует, прежде всего, расширения информационной базы научных исследований, внимательного и всестороннего изучения целого ряда новых, а также недостаточно изученных источников. Расколота событиями октября 1917 г. и последовавшей братоубийственной войной на два непримиримых лагеря, Россия отчаянно сопротивлялась большевизму.

К числу недостаточно изученных, а во многих случаях просто не востребуемых источников, для изучения периода Гражданской войны относятся листовки. Именно они являются самым массовым, самым распространенным, самым оперативным и, нередко, несущим самую достоверную информацию видом печати переломных периодов развития страны.

Советским листовкам 1917-1925 гг., в известной мере, «повезло», и они оказались объектом сбора, сохранения и последующего описания в крупнейших библиотеках и архивах. Достаточно сослаться на издающийся многотомный «Сводный каталог листовок первых лет Советской власти, 1917-1925 гг.», в котором принимают участие 38 архивов, 17 музеев и 4 крупнейшие библиотеки России.

К числу не востребуемых и неизученных источников следует отнести белогвардейские листовки. А между тем информация, содержащаяся в листовках Белого движения, - это особый, до сих пор мало изученный пласт сведений: оперативная публикация официальных документов (приказов, законов, положений) гражданских и военных властей; ценные сведения о взаимоотношениях гражданского населения и воинских формирований, о деятельности земских учреждений, благотворительных и кооперативных обществ, кредитных и ссудосберегательных товариществ, просветительных кружков, народных библиотек и много другой ценной краеведческой информации, часто невосполнимой для изучения истории и экономики того или иного региона России. Наряду с такой важной для всех интересующихся историей Гражданской войны, историей своего города или уезда информацией, этот вид изданий содержит немало сведений о литературной жизни того периода. Отраженные в листовках народные сказы, солдатские песни, с одной стороны, и образцы высокохудожественной прозы и поэзии, публицистики, очерков, с другой, позволяют историкам литературы, всем, интересующимся литературным творчеством периода Гражданской войны, получить новую информацию об этом феномене. Чрезвычайно важен и психологический аспект, отраженный в листовках, анализ которых позволяет усомниться в столь долго поддерживаемой версии о «триумфальном шествии» Советской власти.

Достоверно известно, что белогвардейские листовки издавались огромными тиражами. Так, по некоторым данным, летом 1919 г. ежедневный тираж колчаковских листовок составлял не менее 100 тыс. экземпляров. К осени того же года он увеличился до 300 тысяч. Издательское оформление листовок дает бесценный материал об издательской деятельности Белого движения 1917-1920 гг.: издательствах и типографиях, центрах издательской деятельности, сведения об авторах и тиражах и др.

Попытки сбора документов Гражданской войны, осознание важности сохранения бесценных письменных свидетельств эпохи происходили уже в тот период. Еще в ноябре 1918 г. при Западносибирском отделении Российского географического общества был создан «Архив войны», неоднократно предпринимавший попытки сбора материалов, в том числе и листовок. Известно также выпущенное в начале 1919 г. обращение начальника информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего А.В.Колчака ротмистра С.А.Скрябина «Всем войсковым частям, штабам, управлениям, учреждениям и заведениям Действующей Армии», в котором говорилось: «В целях освещения настоящей «очистительной» войны... в будущей истории

ее, наштаверх признал желательным приступить к сбору исторических материалов...». Среди документов, которые надлежало регулярно, раз в месяц, пересылать в информационный отдел, были названы прокламации, воззвания и т.п.

Тем не менее огромное количество листовок безвозвратно погибло в огне революции и Гражданской войны, уничтожалось по идеологическим и политическим соображениям в конце 1920-1930е гг. К настоящему времени отдельные листовки сохранились в краеведческих музеях, случайно в тех или иных фондах архивов. Известно не так уж много коллекций несветских листовок этого периода: значительное их число было сосредоточено в знаменитом фонде РЗИА, часть в его составе попала в ГАРФ. До сих пор сохранившиеся листовки не описаны, не введены в научный оборот, не стали источником исторических исследований, объектом самостоятельного изучения.

Тем более ценной является коллекция листовок, изданных на территории антибольшевистских правительств в 1917-1921 гг., сохранившаяся в Российской национальной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге. Собрание насчитывает около 3000 листовок, значительную часть его составляют материалы, изданные на территории Поволжья, Урала и Сибири в период власти Комитета членов Учредительного Собрания, Временного Сибирского правительства П.Я.Дербера, Западно-Сибирского Комиссариата, Временного Сибирского правительства П.В.Вологодского, Временного Всероссийского правительства (Директории), Российского правительства А.В.Колчака (около 2,5 тыс. названий).

Уже из перечисления «правительств» становится ясно, что их нельзя называть просто «белыми» или «белогвардейскими», так как Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) не укладывается в общепризнанное понимание «белогвардейского правительства». Состоявший в большинстве из эсеров, сохранивший «советы» и красный флаг, Комуч тем не менее был антибольшевистским правительством, создал Поволжскую армию и боролся всеми возможными средствами, в том числе и вооруженными, за свержение Советской власти в лице совнаркома. Вот почему более целесообразно и исторически точно использовать термин «антибольшевистские» в отношении сохранившейся в РНБ коллекции листовок.

По содержанию это самые разные документы. Значительный массив представляют листовки, плакаты, афиши, содержащие воззвания к народу, призыв в армию, изложение целей и задач Белого движения. Определенную группу составляют агитационно-пропагандистские листовки, раскрывающие сущность большевистской власти, ее вождей, рисующие ужасы, происходившие в Советской России. Большое количество листовок представляют собой приказы центральных органов гражданской и военной власти, местных воинских начальников, местных органов управления, возродившихся земских и общественных учреждений. Существенный интерес представляют редчайшие экземпляры листовок армейских и полковых типографий. В печати отмечалось, что известны лишь отдельные сведения об их издательской деятельности, а сами издания утрачены навсегда. Тем не менее, в коллекции РНБ сохранилось не менее четырех десятков уникальных листовок, изданных редакцией армейской газеты «Сибирские стрелки», другими типографиями воинских частей. Дополняют это значительное сибирское собрание около 350 листовок Севера России, главным образом изданных в Архангельске в 1918-1919 гг. Юг России представлен в собрании всего двумя-тремя десятками случайно подобранных листовок, главным образом изданных Киевским и Одесским гарнизонными пунктами пропаганды штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России.

Закономерно возникает вопрос о происхождении коллекции, прежде всего сибирско-уральско-поволжской ее части, и о том, каким же образом она оказалась в фондах РНБ. Официальных актов, проливающих свет на историю поступления этих листовок в библиотеку, не сохранилось. Однако большая часть сибирских листовок имеет штамп «Российская книжная палата», на обороте чернилами проставлены двух-, трех- и четырехзначные цифры. Тщательный анализ архива Российской книжной палаты, находящегося в Центральном государственном архиве литературных источников Санкт-Петербурга, привел к выводу, что история создания этой коллекции связана с именем Николая Васильевича Яковлева (1891-1981), достаточно хорошо знакомого широкому кругу филологов. Известный литературовед, участник Пушкинского семинария С.А.Венгерова, один из его учеников и последователей, Н.В.Яковлев осенью 1917 г. поступил на работу в недавно организованную Книжную палату, которой руководил С.А.Венгеров. Он был представителем Палаты в Москве, Самаре, Омске. Особый интерес вызывает его роль в организации и деятельности книжных палат «Белых» регионов России в период Гражданской войны.

15 мая 1919 г. Российское правительство А. В. Колчака приняло постановление «Об учреждении Временного бюро Книжной палаты и краевых ее отделений», в соответствии с которым Н.В.Яковлев стал директором этого бюро. Осознавая деятельность этого учреждения как одного из региональных представительств палаты в Петрограде, он обратился 1 августа 1919 г. с воззва-

нием, в котором призывал собирать и сохранять любые печатные произведения, «поскольку переживаемые нами события имеют мировое значение». Оставшись в Омске и после установления Советской власти, Н.В.Яковлев продолжал до февраля 1920 г. сбор сибирской печати. По неоднократно повторяющимся упоминаниям, коллекция в середине 1920 г. стала переправляться в Петроград, в Книжную палату. Однако дальнейшая судьба «Белых» изданий, привезенных Н.В.Яковлевым, была неясна, следы ее потерялись.

Лишь в 1993 г. удалось обнаружить в фондах бывшего спецхрана РНБ необработанную и незаинвентаризованную коллекцию «Белых» листовок Сибири, Урала, Поволжья. Поистине справедливо утверждение, что «рукописи не горят!» Сличение помет и номеров на них, а также наличие на многих штампов «Книжная палата» позволяют утверждать, что это именно то собрание Н.В.Яковлева, которое поступило в Петроград в 1920 г. Н.В.Яковлев вошел впоследствии в историю как один из исследователей творчества А.С.Пушкина и М.Е.Салтыкова-Щедрина, однако не меньшее значение для сохранения единой российской письменной культуры, отечественной печати, имеет его собрание уникальной коллекции антибольшевистских листовок.

В настоящее время завершается работа по подготовке каталога коллекции. Трудно себе даже в общих чертах представить все трудности, которые пришлось преодолеть составителям при описании и систематизации документов. При отсутствии объективной истории Гражданской войны во многих случаях приходилось действовать методом «от противного» - устанавливать по тексту факты, связанные с деятельностью красноармейских соединений, и, изучая их действия, устанавливать противоборствовавшие им Белые части. Немало сложностей вызвала датировка документов; идентификация имен; установление авторской принадлежности; выяснение взаимосвязи воинских частей и их подразделений, вплоть до отдельных полков; соотнесение текстов и их частей, опубликованных в разных листовках; попытки установить публикации текстов в газетах того времени и т.д. Нет ничего более ярко отражающего каждый момент истории, чем листовки. Все смешалось: кровь и боль, ненависть к врагам и любовь к своей стране, забота о ближнем и стяжательство, приказы о расстрелах за дезертирство и укрывательство врагов, поздравления с праздниками, стихотворения и частушки, памфлеты и карикатуры, плакаты и воззвания, телеграммы и объявления. Листовки богаты фактами, событиями и лицами. Объем каталога составляет около 50 печатных листов. Схема расположения материала, получившая апробацию историков Гражданской войны, построена на выделении регионов России и в них - соответствующих Белых правительств. Внутри каждого раздела представлены высшие органы власти, министерства с подведомственными им учреждениями, воинские формирования - от армий до полков. Органы местного самоуправления, отдельные организации и учреждения расположены по административно-территориальному делению страны того периода (губернии, уезды, волости), что существенно облегчает получение краеведческой информации. Дополняют каталог указатели имен, заглавий, коллективов, мест издания, типографий и издательств, географический и хронологический. Выход каталога в свет намечен на 1999 год.

* * *

2-3 февраля 1999 г. уже в третий раз в Кемерово состоялась научная конференция «История Белой Сибири». Ее организаторами выступили Кемеровское отделение заочного обучения Омского юридического института МВД РФ и Государственный архив Кемеровской области. Свои заявки на участие прислали 53 человека из 13 городов России, среди них 14 докторов и 21 кандидат наук. Причем 18 авторов приняли очное и заочное участие теперь уже во всех трех конференциях. Если два года назад из стран зарубежья были представлены Казахстан и Украина, то в этом году пришли сообщения из Аргентины, Израиля, США и Франции.

Основную часть конференции открыл к.и.н. А.Г.Зарубин (Кемерово). Один из авторов монографии «Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму» познакомил собравшихся со своими размышлениями над термином «Гражданская война». Докладчик указал, что любая или почти любая Гражданская война - запутанный клубок, в котором не просто обнаружить причины и следствия, клубок интересов, рациональных и иррациональных устремлений, где, исчерпав «аргументы», сводящиеся, как правило, к полной добровольной капитуляции противника, берутся за «винтовку, рождающую власть».

Проф. С.Н.Полторак (Санкт-Петербург) привлек внимание слушателей к проблеме расширения источниковой базы по истории Гражданской войны в Сибири. Речь шла о листовках, коллекция которых недавно была обнаружена в РНБ. По мнению ученого многие исследования небоснованно обходят стороной отечественные исторические журналы рубежа 1920-30х гг., содержащие весьма интересные публикации. Информативны фонды испартов местных архивов. Следует вовлекать в научный оборот архивы исторических, краеведческих, общественно-лите-

ратурных журналов, в которых сохранилось немало неопубликованных рукописей научных статей и воспоминаний.

Барнаульский историк Я.Е.Кривоносов обратил внимание на сложную противоречивую судьбу алтайского казачества, его непростые отношения с красными и белыми властями, а также с крестьянством. Примечательно, что острота таких отношений сохранилась и после установления Советской власти.

В выступлении проф. М.В.Шиловского (Новосибирск) «Демократическая» контрреволюция в Сибири весной-летом 1919 г.» были названы три центра формирования оппозиции колчаковской власти. Общим для них являлось выдвижение идеи создания государства-буфера между советской Россией и империалистическими державами на Дальнем Востоке. Однако эта идея не была поддержана иностранными союзниками белых, считавших возможным помочь правительству А.В.Колчака путем успешного наступления войск А.И.Деникина.

Научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея Л.Ф.Кузнецова сделала обзор коллекции бон. В 1985 г. музей приобрел уникальную коллекцию В.Г.Романова, насчитывавшую 271 образец почти всех денежных знаков Сибири за 1917 - 1923 гг. Сорок из них были выпущены Временным Сибирским и Российским А.В.Колчака правительствами. Рассказав о денежном обращении в Сибири тех лет, Л.Ф.Кузнецова сделала вывод о том, что с потерей доверия к «сибирским» деньгам Омское правительство утратило и политическое доверие населения, ускорив тем самым свое поражение.

На основе анализа национальной и правоохранительной политики режима А.В.Колчака построила свое выступление к.и.н. Н.И.Наумова (Томск). В нем речь шла о создании национальных судов. Требование об их введении выдвигали буряты, хакасы, башкиры, киргизы, якуты и др. На практике осенью 1919 г. были созданы бурятский и киргизский суды. Исследователь познакомила присутствующих с устройством, порядком формирования, компетенцией, требованиями к судьям названных судов.

О создании в Сибири отрядов милиции особого назначения, нормативной базе деятельности, ходе формирования и первых боевых вылазках рассказал к.и.н. С.П.Звягин (Кемерово). Особое внимание он уделил анализу причин роста преступности, вызвавшей появление отрядов. Были названы криминальные последствия присутствия на территории «Колчакии» интервенционистских войск, военнопленных Первой мировой войны, дезертиров. Автор сообщения сделал акцент на то обстоятельство, что действия партизан и повстанцев зачастую были далеки от законности.

Всеобщий интерес вызвало выступление к.г.-м.н. Н.П.Ахметьевой (Москва) - внучатой племянницы А.Н.Гаттенбергера, занимавшего в 1918 - 1919 гг. посты Томского губернского комиссара, а затем министра внутренних дел Российского правительства. Она рассказала об участии членов рода в Гражданской войне в России, причем только на стороне белых. По ее подсчетам, 11 мужчин рода стали жертвами братоубийственной войны. Мысль Н.П.Ахметьевой о недопустимости новой Гражданской войны была безоговорочно поддержана всеми участниками конференции.

Результаты работы конференции нашли отражение в изданных к ее началу тезисах.

Звягин С.П.

* * *

В Ростове-на-Дону в издательстве «Феникс» вышла в свет книга **А.В.Венкова** и **А.В.Шишова** «**Белые генералы**». Авторы предлагают читателю галерею портретов видных военачальников, сражавшихся за «Единую, Великую и Неделимую Россию». Генералы Л.Г.Корнилов, П.Н.Краснов, А.И.Деникин, П.Н.Врангель, Н.Н.Юденич, очерки о жизни и деятельности которых представлены в монографии, отдали все, чем располагали - ум, храбрость, военное мастерство, организаторские способности - борьбе за спасение Родины от волны анархизма и хаоса. Авторы предпринимая попытку разобраться в чувствах, мыслях, поступках своих героев. Книга написана на богатом фактическом материале, хорошим литературным языком и адресована самому широкому кругу читателей.

* * *

Во Владивостоке усилиями института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН опубликован сб. док. и мат. «Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917-октябрь 1918 г.)». Книга явилась своеобразным продолжением ранее вышедшего аналогичного издания «Колчак и интервенция на Дальнем Востоке». В сборниках публикуются документы из российских центральных и местных архивов, материалы из

зарубежных (американских, английских, японских, китайских) публикаций, газетные сообщения о подготовке, начале, характере интервенции стран Антанты и США, их помощи Белой России, о правительстве А.В.Колчака, его внешней и внутренней политике. Видное место в публикуемых документах занимают личность и деятельность Верховного правителя России. Читатель имеет возможность дать собственную оценку делам и событиям, происходившим в годы Гражданской войны не только на Дальнем Востоке, но и во всей Белой Сибири.

* * *

В Москве на заседании диссертационного совета по историческим наукам при институте российской истории РАН **С.В.Дроковым успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Следственное дело А.В.Колчака как источник по истории Гражданской войны в Сибири»**. Благодаря проведенному исследованию в научный оборот введен уникальный материал «Следственного дела», хранящийся в Центральном архиве ФСБ РФ. Он существенно дополняет имеющиеся представления о составе и деятельности правительства А.В.Колчака. Документы и проведенное на их основе исследование помогают объяснить «выпадение» из поля зрения ученых судебного процесса в Омске обуславливающими друг друга причинами: использованием процесса Москвою в качестве сокрытия сорвавшихся планов по созданию «Восточно-Сибирской государственности»; партийной обязанностью омских и иркутских большевиков публично инсценировать их «руководство» по свержению А.В.Колчака и «колчаковщины»; попыткой сместить общественные интересы, первоначально хотя бы в Восточной Сибири, с органов земства и местного самоуправления на ликвидированные за полтора года советы; задачей превратить процесс в «политическое убийство всех партий, которые прикрывались какими-то идеями». В приложениях приводятся: полный перечень документов, хранящихся в составе «Следственного дела»; полный список подсудимых по делу по их образованию, должностному положению, партийности; сопоставленный перечень программы обвинений и обвинительного заключения по «Следственному делу».

* * *

В Екатеринбурге в издательстве «Уральский рабочий» вышла **книга челябинского историка Е.В.Волкова «Судьба колчаковского генерала: страницы жизни М.В.Ханжина»**. В монографии предпринята попытка воссоздания образа одного из активных участников и организаторов Белого движения на востоке России. На основе широкого круга источников, в том числе воспоминаний близких, мемуаров коллег, многочисленных архивных сведений, автор возвращает из исторического небытия незаслуженно забытого русского генерала Михаила Васильевича Ханжина, воевавшего за свое Отечество и в русско-японскую, и в Первую мировую, и в Гражданскую войны. Книга богато иллюстрирована редчайшими фотографиями, хранящимися у потомков военачальника.

* * *

В 1997 г. в институте всеобщей истории РАН была создана **Группа по изучению теории и истории эмиграции**. Эта группа совместно с Центром теоретических проблем исторической науки истфака МГУ предприняла попытку с современных позиций взглянуть как на проблему теоретических подходов к изучению феномена эмиграции в целом, так и на историю Российской эмиграции в частности. Первым серьезным результатом деятельности коллектива ученых стал выход в свет двух монографий **«Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом» и «Российская военная эмиграция в 1920-30е годы»**. На обширном материале, обработанном с помощью ЭВМ, воссоздается облик таких пластов эмиграции как военная, сословная, интеллектуальная, предпринимательская, национальная, религиозная и др. Учитывая резко возросший в последние годы интерес ученых и общественности к истории Российского Зарубежья, авторы попытались проанализировать складывающуюся в изучении проблемы историографическую ситуацию. Издания буквально насыщены бесчисленными датами, сведениями об организациях, фактами, именами. В специальном разделе «Хронология событий (хроникальные заметки)» предпринята попытка синхронизировать важнейшие события в истории Российской эмиграции в 1920-30е гг. Привлечет внимание читателя и появление своеобразной хрестоматии документов, призванных дать общее представление о богатстве источников подобного рода.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

АБИНЯКИН Роман Михайлович, аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета, автор ряда публикаций по истории Добровольческой армии.

БАБИНЦЕВ Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Уральского государственного университета (Екатеринбург), изучает проблемы тоталитаризма и антитоталитаризма в Западной Европе, автор более 20 научных работ и переводов с французского языка.

БАРЗИНСКИЙ Леонид Александрович, инженер-механик, пенсионер, коллекционер (Екатеринбург).

ГРАЖДАНОВ Юрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Волгоградской академии государственной службы, изучает историю Всевеликого войска Донского, автор двух монографий и многочисленных научных публикаций.

ДАНИЛОВА Ольга Сергеевна, студентка пятого курса исторического факультета Уральского государственного университета (Екатеринбург).

ДОРОНИН Юрий Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Качинского высшего военного авиационного училища летчиков (Волгоград), занимается историей воздушного флота Белых армий в годы Гражданской войны, автор ряда научных работ.

ДРОКОВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Российского государственного архива экономики (Москва), исследователь личности А.В.Колчака, автор многих научных публикаций по истории Гражданской войны в Сибири.

ЕРШОВ Виталий Федорович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (Москва), специалист по истории Российской военной эмиграции, автор ряда научных работ и коллективных монографий.

КОВАЛЬЧУК Михаил Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Дальневосточной академии государственной службы (Хабаровск), изучает историю транспорта Дальнего Востока XIX-XX вв., имеет более 20 публикаций, включая монографию.

КРУЧИНИН Александр Михайлович, инженер-технолог Свердловской железной дороги, зам.председателя Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит», занимается историей Русской армии первой трети XX в., автор научных публикаций.

МИХЕЕВА Галина Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), специалист по истории русской библиографии 1917-1920х гг., автор многих научных работ.

НОВИКОВ Павел Александрович, дипломник исторического факультета Иркутского государственного университета, автор нескольких научных публикаций по истории антибольшевистской борьбы в Восточной Сибири.

ПАСКАЛЬ Пьер, крупнейший французский славист XX в., автор фундаментальных исследований по истории и культуре России, член Французской военной миссии в России в годы Первой мировой войны.

СМИРНОВ Сергей Васильевич, магистр истории, ассистент кафедры всеобщей истории исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), занимается изучением проблем, связанных с историей взаимоотношений России и Китая.

ХАЙРУЛИН Марат А., автор ряда публикаций по истории Российской авиации (Москва).

ЦИПКИН Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета, автор более 20 публикаций и монографии по истории Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

ШУДЯКОВ Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского высшего общевойскового командного училища, изучает историю Сибирского казачьего войска, автор многочисленных научных публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
--------------------	---

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Абинякин Р.М.	Военно-патриотические организации 1917 года: к предыстории Белого движения	5
Кручинин А.М.	«Даешь Екатеринбург!»: военные действия в районе г.Екатеринбурга в августе 1918 г.	13

В БЕЛОМ ТЫЛУ

Гражданов Ю.Д.	Донская государственность в составе Вооруженных сил Юга России. 1919 год	24
Ципкин Ю.Н., Ковальчук М.А.	Экономическая политика Белого Временного Приамурского правительства (1921-1922 гг.)	41

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Доронин Ю.П., Хайрулин М.А.	Продолжение судьбы первого военлета России	58
Шулдяков В.А.	Вожди белоказаков Сибирского войска: краткие биографические справки	62
Новиков П.А.	Борис Федорович Ушаков: штрихи к портрету	73
Смирнов С.В.	Две судьбы	76

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

Барзинский Л.А.	Орден «Освобождение Сибири»	79
-----------------	-----------------------------------	----

АРХИВЫ

Государственному делу преданы...		
Публикация Дрокова С.В.		80
Розыск		89

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Военные общества и союзы зарубежной России в 1920-1939 гг.		
Публикация Ершова В.Ф.		90

МЕМУАРЫ

Паскаль П.	В Сибирь и обратно: страницы из «Русского дневника»	
Перевод с франц. Бабинцева В.А., Даниловой О.С.		103

ХРОНИКА

Михеева Г.В.	Коллекция листовок, изданных на территории антибольшевистских правительств (1917-1920 гг.), в фондах Российской национальной библиотеки	112
Несколько слов об авторах		117

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО.
Исторический научно-популярный альманах № 6.

Ответственный редактор Дмитриева Т.В.
Художник Сакнынь Ю.П.
Компьютерная верстка Пряхина Н.Н.

Подписано в печать 12.07.99. Формат бум. 70x108 1/16.
Бумага книжно-журнальная. Офсет. Усл. печ. листов 16,0. Тираж 800 экз. Заказ № 95.
Отпечатано ООО «Издательство УМЦ УПИ». 620002, г.Екатеринбург, пер. Автоматики, 4.

